

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Е. В. Манджиева

**СИСТЕМАТИЗАЦИЯ СРЕДСТВ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО
ХАРАКТЕРА В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ**

Монография

МОСКВА 2022

*Рекомендовано к опубликованию
редакционно-издательским советом ФГКУ «ВНИИ МВД России»*

Р е ц е н з е н т ы:

А. В. Победкин, доктор юридических наук, профессор
(Академия управления МВД России);

В. А. Конев

(Управление организации дознания
ГУ МВД России по Нижегородской области)

А в т о р:

Е. В. Манджиева, старший научный сотрудник 2 отдела НИЦ № 5,
кандидат юридических наук

Манджиева, Е. В.

Систематизация средств принудительного характера в уголовно-процессуальном законодательстве России : монография / Е. В. Манджиева. – Москва : ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2022. – 184 с.

В монографии рассмотрены вопросы, связанные с понятием, признаками и системой средств принудительного характера, выявлены проблемы их законодательной систематизации. Предложены основные направления оптимизации уголовно-процессуального законодательства в части систематизации средств принудительного характера.

Для руководителей и сотрудников органов внутренних дел, научных сотрудников научных организаций, преподавателей, курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России.

УДК 343.9.01

ВВЕДЕНИЕ

Невзирая на некоторую стабилизацию, криминальная ситуация в Российской Федерации продолжает оставаться достаточно сложной. В 2021 г. на фоне ежегодного снижения преступности за последние годы наметился некоторый рост совершенных преступлений. По данным ГИАЦ МВД России, совершено 2 004 404 преступлений (в 2019 г. – 2 024 337 преступлений, в 2020 г. – 2 044 221 преступлений)¹. Преступность остается серьезной угрозой национальной безопасности, поэтому все имеющиеся легальные средства должны использоваться государством для противодействия преступности максимально эффективно. Несмотря на дискуссионность отнесения уголовного судопроизводства к средствам борьбы с преступностью, нельзя отрицать, что это направление государственной деятельности оказывает мощное влияние на криминогенную ситуацию в стране. Очевидно, что уголовное судопроизводство в начале XXI в. при принятии действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ²), ориентированное большей частью на охранительный либеральный тип, сегодня должно обладать действенными средствами реализации его назначения публичного характера, состоящего в правильном установлении обстоятельств по уголовному делу, в целях защиты населения от преступности, воспитания жителей страны в духе соблюдения отечественных законов, уважения к государству, его органам и должностным лицам. Успешное решение этой задачи во многом зависит от законности, своевременности, эффективности и оптимальности применения уголовно-процессуального принуждения.

Статистика свидетельствует о достаточно активном стремлении правоприменителя опираться сегодня на жесткие принудительные меры, хотя законодатель предлагает достаточно широкий их спектр. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Фе-

---

¹ См.: Сборники о состоянии преступности в России за январь – декабрь 2021 года, январь – декабрь 2020 года, январь – декабрь 2019 года, январь – декабрь 2018 года, январь – декабрь 2017 года // ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России». URL: <http://мвд.рф./dejalnost/statistics> (дата обращения: 11.02.2022).

² См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ; ред. от 11 июня 2022 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. I), ст. 4921.

дерации, длительное время для правоприменителя наиболее желательной мерой пресечения является заключение под стражу (в 2019 г. избиралось судом в 94 632 случаях, в 2020 г. – в 84 919 случаях, в 2021 г. – в 87 905 случаях, что на порядок больше других мер пресечения, правом на избрание которых наделен суд)³, но также активно применяются и другие меры процессуального принуждения, требующие судебного решения. Например, ходатайства о наложении ареста на имущество в 2019 г. удовлетворялись судом 34 945 раз, в 2020 г. – 37 979 раз, в 2021 г. – 38 684 раз. Часто задачи уголовного судопроизводства приходится решать путем применения принуждения при производстве следственных действий (так, в 2019 г. выемка и/или обыск в жилище разрешены судом 121 232 раза, в 2020 г. – 124 080 раз, в 2021 г. – 131 423 раза; выемка предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах в банках и иных кредитных организациях в 2019 г. производилась 63 370 раз, в 2020 г. – 51 710 раз, в 2021 г. – 37 184 раз; ходатайства о наложении ареста на корреспонденцию, разрешение на ее осмотр и выемку в учреждениях связи удовлетворялись судом в 2019 г. в 7 410 случаях, в 2020 г. – в 6 594 случаях, в 2021 г. – в 3 956 случаях и т.д.)⁴.

Не вызывает сомнений, что соразмерное и справедливое применение принудительных мер обусловлено целым спектром многочисленных факторов, в числе которых правильное понимание правоприменителем места принудительного средства в системе процессуальных гарантий, а также цели и основания его применения, связь с обеспечиваемыми процессуальными действиями или решениями.

В отдельном разделе УПК РФ законодатель впервые достаточно детально урегулировал основания и порядок применения некоторых мер принуждения, а также сделал попытку регламентировать их систему, включающую в себя задержание, меры пресечения, иные меры процессуального принуждения.

Однако предложенная законодателем система мер процессуального принуждения не может быть признана в полной мере совершенной, а некоторыми новеллами законодатель лишь обострил проблемы как теории, так и практики. Нельзя сказать, что законодатель не видит недостатков процессуальной регламентации избрания и применения мер

---

³ См.: Выступление Председателя Верховного Суда Российской Федерации В.М. Лебедева на пленарном заседании Совета судей Российской Федерации 24 мая 2022 г. URL: <https://www.vsrfr.ru> (дата обращения: 13.06.2022).

⁴ См.: Отчеты о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2019–2021 гг., форма № 1, раздел 4 // Статистический обзор судебной практики. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 25.04.2022).

принуждения, постоянно совершенствуя уголовно-процессуальный закон в этом направлении. Вместе с тем фрагментарные корректировки закона вряд ли приведут к желаемой цели до тех пор, пока не будет решен ряд принципиально важных вопросов, в числе которых: соотношение принуждения, мер принуждения и добровольного следования обязанностям; роль принуждения и конкретных мер принуждения как средства убеждения, место принуждения при производстве различных процессуальных, в частности следственных действий.

Решение этих вопросов во многом определяется правильным пониманием системы так называемых иных мер процессуального принуждения, предложенных законодателем в качестве системы в гл. 14 УПК РФ. Используемый законодателем эпитет «иные» порождает целый комплекс проблем. Исчерпываются ли все «иные» меры принуждения теми, которые предусмотрены в гл. 14 УПК РФ? По какому признаку они систематизированы? Объединяют ли их общие цели и основания? Для обеспечения каких конкретно процессуальных действий они предназначены? В сочетании с какими иными мерами принуждения они могут применяться? К каким участникам, каким видом принуждения охватываются принудительные средства, находящиеся за пределами раздела IV УПК РФ? и др.

От решения этих вопросов зависит адекватное толкование и применение мер принуждения как предусмотренных в гл. 14 УПК РФ, так и регламентированных в других его структурных элементах (мер пресечения, принуждения при производстве следственных действий, процессуальной ответственности).

Представляется, что недостаточная законодательная активность в части совершенствования именно «иных мер процессуального принуждения» обусловлена, прежде всего, выше обозначенными нерешенными вопросами концептуального характера. Пути совершенствования положений гл. 14 УПК РФ, да и вообще системы мер принуждения, законодателю недоступны, поскольку отсутствует ясность в решениях, реализованных сегодня. В частности, видимых аргументов, потребовавших от законодателя объединить в одну главу ряд разнородных процессуальных действий, из текста УПК РФ не усматривается, что отрицательно влияет на стройность процессуальной теории процессуального принуждения в целом и правоприменительную практику в этой части.

При нерешенности вопросов, связанных с понятием, системой, признаками, классификацией иных мер процессуального принуждения, отграничением их от других процессуальных мер, в том числе принудительного характера, невозможно системно разрешить проблему целей и оснований их применения и гарантий, обеспечивающих при этом должный уровень защиты прав человека.

В уголовно-процессуальной теории уголовно-процессуальному принуждению, мерам принуждения в целом, институту иных мер уголовно-процессуального принуждения в частности, на протяжении длительного времени уделялось большое внимание.

Сущность и основные признаки принуждения исследовались в трудах российских, советских и зарубежных ученых. Принуждения касались в своих трудах и видные философы, мыслители: И. Бентам, Н.И. Бердяев, Ж.Л. Бержель, Г.Д. Берман, М. Вебер, Г.В.Ф. Гегель, В.М. Гессен, Т. Гоббс, И.А. Ильин, И. Кант, К. Локк, Н. Макиавелли, В.С. Соловьев, Л.Н. Толстой, А. Шопенгауэр и др. Их труды – фундамент прикладного осмысления принуждения, в том числе в различных отраслях права.

С позиций теории права вопросы принуждения широко исследовались С.С. Алексеевым, В.Д. Ардашкиным, Б.Т. Базылевым, С.Н. Братусем, Н.В. Витруком, О.С. Иоффе, С.Н. Кожевниковым, В.М. Корельским, О.Э. Лейстом, Н.В. Макареико, И.А. Ребане, В.В. Серегиной, С.Г. Чукиным, М.Д. Шаргородским и другими авторами.

Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве также подвергалось глубокому научному исследованию. В тех или иных аспектах оно получило освещение в работах В.А. Азарова, Л.Б. Алексеевой, О.И. Андреевой, А.С. Барабаша, В.П. Божьева, Б.Б. Булатова, Я.Ю. Бурлаковой, А.Д. Бурякова, Е.Г. Васильевой, С.Н. Воробей, С.И. Вершининой, Г.Н. Ветровой, Б.Я. Гаврилова, Э.Р. Галимова, И.В. Головинской, В.Н. Григорьева, А.В. Гриненко, Н.А. Громова, А.П. Гуляева, И.М. Гуткина, С.И. Даниловой, И.Ф. Демидова, З.Д. Еникеева, О.А. Зайцева, З.З. Зинатуллина, Д.Р. Исеева, Н.И. Капинуса, Л.М. Карнеевой, З.Ф. Ковриги, Н.Н. Ковтуна, В.М. Корнукова, Г.В. Костылева, Ф.М. Кудина, Э.К. Кутуева, Э.Ф. Куцовой, Ю.Д. Лившица, П.А. Lupинской, В.А. Михайлова, Р.М. Мургазина, В.В. Николука, И.Л. Петрухина, К.В. Попова, В.П. Рукавишникова, С.Б. Россинского, В.М. Савицкого, А.В. Смирнова, А.И. Сергеева, М.С. Строговича, А.В. Тарасова, Н.В. Ткачевой, И.М. Хапаева, О.В. Химичевой, О.И. Цоколовой, А.Н. Чашина, М.А. Чельцова, В.С. Чистяковой, В.С. Шадрина, Д.В. Шарова, С.А. Шейфера, С.П. Щербы, П.С. Элькинд и других ученых-процессуалистов.

В рамках исследования общих вопросов принуждения в уголовном процессе отдельные проблемы «иных мер процессуального принуждения» поднимались в работах А.Н. Ахпанова, М.С. Брайнина, Н.В. Бушной, С.Н. Воробей, Д.А. Воронова, И.Д. Гайнова, З.Д. Еникеева, З.З. Зинатуллина, Г.П. Ивлиева, Д.Р. Исеева, З.Ф. Ковриги, В.М. Корнукова, Э.К. Кутуева, К.В. Муравьева, Ю.Д. Лившица, А.А. Резяпова, А.В. Струкова, А.В. Тарасова.

Иные меры процессуального принуждения также подвергались иссле-

дованию как в целом, так и их отдельные виды: Г.В. Аршба («Наложение ареста на имущество в уголовном судопроизводстве», 2004 г.), Б.Б. Булатовым, В.В. Николюком («Меры уголовно-процессуального принуждения (по гл. 14 УПК РФ)», 2003 г.), М.Х. Гафизовым («Денежное взыскание как мера уголовно-процессуального принуждения», 2007 г.), В.А. Ионовым («Наложение ареста на имущество при производстве предварительного расследования по уголовным делам об экономических преступлениях», 2010 г.), В.Б. Искандировым («Наложение ареста на имущество в уголовном процессе», 2012 г.), К.В. Задерако («Иные меры процессуального принуждения», 2005 г.), Ю.А. Кузовенковой («Денежное взыскание в системе мер уголовно-процессуальной ответственности», 2009 г.), Н.В. Луговцом («Задержание подозреваемого и иные меры процессуального принуждения», 2004 г.), О.Е. Михайловой («Иные меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве России», 2009 г.), О.В. Никитиной («Сущность и значение судебного контроля при применении иных мер процессуального принуждения в досудебном производстве (в порядке гл. 14 УПК РФ)», 2006 г.), И.Б. Тутыниным («Наложение ареста на имущество как мера уголовно-процессуального принуждения», 2005 г.), В.И. Ханжиным («Уголовно-процессуальный порядок и организационно-тактические основы наложения ареста на имущество», 2006 г.).

В числе последних работ, посвященных иным мерам процессуального принуждения, можно отметить работы: О.В. Баландюк («Исполнение мер уголовно-процессуального принуждения», 2015 г.), Р.Г. Бикмиева («Временное отстранение от должности подозреваемого или обвиняемого в уголовном судопроизводстве: сущность, значение и правовые последствия», 2015 г.), В.Н. Гапоновой («Применение временного отстранения от должности в уголовном судопроизводстве: теоретический и организационно-правовой аспект», 2016 г.), М.А. Соколовой («Деятельность следователя по наложению ареста на имущество», 2018 г.), Ш.М. Магомедова («Применение иных мер уголовно-процессуального принуждения», 2020 г.), Т.Б. Гараевой («Основания применения иных мер уголовно-процессуального принуждения», 2021 г.). Однако они посвящены в основном проблемам применения отдельных иных мер процессуального принуждения, или «иные меры процессуального принуждения» рассмотрены в рамках исследования других проблем уголовного процесса как основного предмета исследования.

При этом в большинстве работ последних лет, посвященных мерам процессуального принуждения, институт «иных» мер процессуального принуждения рассматривался большей частью как законодательная данность, в основном изолированно, без акцента на проблемы обоснованности

самого его существования в виде предложенной законодателем системы и содержания. Вопрос о месте «иных» мер процессуального принуждения» и средств принудительного характера в целом в системе средств принудительного характера в уголовном судопроизводстве России специальному исследованию не подвергался. В этой связи исследование средств принудительного характера в уголовном процессе нуждается в актуализации и продолжении.

В монографии с учетом последних изменений и дополнений, внесенных в уголовно-процессуальное законодательство, предпринята попытка комплексного исследования системных связей средств принудительного характера и каждого его элемента в условиях современной уголовно-процессуальной регламентации и заключается в подходе к целесообразности и эффективности выделения классификационной группы так называемых иных мер процессуального принуждения не иначе, как при наличии не усматриваемых в настоящее время из содержания УПК РФ признаков, объединяющих ее элементы и формирующих систему, что выступает необходимым условием правильного и единообразного применения норм, регламентирующих «иные» меры процессуального принуждения.

Сформулированные выводы и предложения имеют под собой теоретическую и нормативную основы, обширную эмпирическую базу⁵.

---

⁵ В том числе изложены правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, разъяснения судебной практики Пленумом Верховного Суда Российской Федерации. Используются также опубликованные статистические данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации, ФКУ «ГИАЦ МВД России», Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Эмпирическая база диссертационного исследования представлена результатами проведенного социологического исследования и изучения уголовных дел в г. Москве, Южном федеральном (в 6 субъектах: г. Севастополе, Республике Калмыкия, Астраханской, Волгоградской и Ростовской областях, Краснодарском крае) и Северо-Кавказском федеральном округах (в 5 субъектах: Республиках Дагестан, Ингушетия, Северная Осетия – Алания, Карачаево-Черкесской Республике и Ставропольском крае), а также в Республике Бурятия, Самарской, Саратовской, Магаданской, Московской, Иркутской, Тульской, Ульяновской областях и Алтайском крае. Проведено анкетирование 448 респондентов, из которых 196 следователей, 64 руководителя следственных подразделений органов внутренних дел и Следственного комитета Российской Федерации, 73 прокурора районных и региональных прокуратур, 75 федеральных судей, 34 дознавателя, 6 начальников подразделений дознания. Изучено 275 уголовных дел, расследованных органами предварительного следствия и рассмотренных судами в указанных регионах.

Глава 1. Процессуальное принуждение в уголовном судопроизводстве: понятие, значение, средства

§ 1. Уголовно-процессуальное принуждение как вид государственного принуждения и его значение

Признаком цивилизованности любого общества является урегулированность общественных отношений правовыми нормами, которые не только определяют поведение людей, но и в идеале людьми воспринимаются и исполняются добровольно. Основными гарантиями исполнения требований норм права, конечно, является демократичность форм их принятия, справедливость, соответствие потребностям и уровню развития общества, духовно-нравственным традициям населения, убежденность жителей страны в необходимости следовать правовым нормам, понимание их значения для создания необходимого общественного порядка. Однако в числе средств обеспечения реализации норм права было и всегда будет принуждение, которое, хотя и носит субсидиарный характер по отношению к другим средствам, занимает стабильно значимое место среди таковых. Принуждение, наряду с вышеобозначенными гарантиями действенности правовых норм, – важная гарантия правопорядка, исполнения норм права.

Само понятие принуждения характеризуется многоаспектностью: принуждение представляет собой сложное социальное и правовое образование, исследование которого возможно не только с различных научных, но и мировоззренческих позиций.

Философское осмысление принуждения выступает краеугольным камнем, посредством которого особенности принуждения, его характеристики исследуются в самых различных отраслях науки, включая правовые науки. При этом, невзирая на большое внимание, уделенное крупными мыслителями вопросам принуждения, его сущность, признаки, характеристики, соотношение с моралью, насилием остаются полем для дискуссий и в философской мысли.

В словарях и научных трудах приводятся различные определения понятия «принуждение». Так, Толковый словарь русского языка трактует принуждение как средство «заставить сделать что-нибудь»⁶.

---

⁶ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2006. С. 595.

В качестве одного из синонимов принуждения приводится слово «насилие»⁷ – применение физической силы к кому-нибудь, принудительное воздействие на кого-нибудь, нарушение личной неприкосновенности, притеснение⁸. Насильно – значит «против воли, силой»⁹.

Ряд авторов определение «принуждение» связывают, прежде всего, с понятием «подчинение», которое является целью и результатом применения принуждения¹⁰.

Другие ученые акцентируют внимание на активно-волевой характер принуждения, отмечая, что это действия субъекта, который свободен в выборе поведения, действуя с определенной целью, ограничивает свободу действий другого субъекта¹¹.

Действительно, ключевым вопросом в осознании сущности принуждения, в том числе и с философских позиций, является его соотношение со свободой воли, которая, в свою очередь, выступает центральным вопросом философии права. Этому вопросу отдают дань и философы древности, и представители немецкой классической философии, и отечественные мыслители.

Платон в рамках своего философского учения одним из первых заострил внимание на данной проблеме. Анализируя принуждение в философско-правовой концепции Платона, особо интересно, что он уже тогда осознавал, что законное должно быть справедливым, и тогда возможно создание государства, где есть глобальное принуждение с принудительной иерархизацией общества. Платон в данном случае развивает тезис Сократа о том, что законное и справедливое – это одно и то же, законы – средство фиксации справедливости в государстве, которая должна быть обеспечена, в том числе принудительно¹².

И. Кант в своих размышлениях уделял стержневое значение соотношению правопринуждения и свободы, которая, по представлениям философа, представляет собой возможность самостоятельно делать свой жизненный выбор, не выходя при этом за определенные

---

⁷ Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. М., 1969. С. 418.

⁸ См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. С. 393.

⁹ Там же. С. 393.

¹⁰ См.: Федоров В.П. Принуждение в системе социалистического управления: дис. ... канд. философ. наук: 09.00.00. Ленинград, 1975. С. 19; Добреньков В.И., Слепенков И.М. Социальное управление: словарь. М., 1994. С. 121; Ардашкин В.Д. О принуждении по советскому праву // Советское государство и право. 1970. № 7. С. 35–36.

¹¹ См.: Чукин С.Г., Сальников В.П., Балахонский В.В. Философия права. М., 2002. С. 193.

¹² См.: Введение в философию: учебное пособие для вузов / авт. колл.: Фролов И.Т. и др., 3-е изд., перераб. и доп. М., 2003. С. 36.

границы и не нарушая соответствующую свободу другого лица¹³. Тем самым И. Кант признавал необходимость средств, обеспечивающих правовое поведение и в некоторых ситуациях препятствующих неограниченной свободе¹⁴. Однако И. Кант жестко разделял принуждение по праву и моральное принуждение, называя их соответственно внешним (правовым) и внутренним (моральным). Моральное принуждение – принуждение самого человека действовать вопреки склонностям в соответствии с морально-этическим долгом. Его И. Кант определял «свободным самопринуждением». Правовое принуждение, с позиции немецкого философа, ставит лицо в совершенно иную ситуацию: принуждение извне воздействует на человека. В данном случае существенно меняется мотив исполнения требуемого – это уже не морально-этический долг, а угроза наказания, страх перед наступлением правовой ответственности¹⁵. Моральное принуждение предполагает действие не из-за страха наказания в отличие от правового, где такой мотив основной, как полагает И. Кант. Эти идеи актуальны и сегодня при определении сущности и границ принуждения, в том числе и в уголовном процессе. Один из основных до сих пор остро обсуждаемых вопросов стоит так: существует ли принуждение, когда обязанность исполняется добровольно даже при наличии принудительных гарантий ее исполнения?

Важно, что И. Кант включал в механизм обеспечения правомерного поведения самопринуждение, что, на наш взгляд, является одной из ключевых идей, актуальных и в настоящее время, стремления окончательно преодолеть правовой нигилизм в России, где исторический опыт показал неэффективность использования в этих целях лишь одного правового принуждения.

Так же как И. Кант, Г.В.Ф. Гегель считал главным признаком отличия права от нравственности принуждение (как возможность государства добиться безусловного выполнения правовой нормы в отличие от нравственной установки, подобной гарантии не предполагающей). При этом в философско-правовом учении Г.В.Ф. Гегеля принуждение трактуется как «поступок, стесняющий свободу другого человека или не признающий в нем свободную волю»¹⁶. Иначе гово-

---

¹³ См.: Туманов А.А. Обоснование свободы, права и правовой свободы в критической философии И. Канта: дис.... канд. философ. наук: 09.00.03. Мурманск, 2007. С. 229–230.

¹⁴ См.: Кант И. Метафизика нравов: в 2 частях // Критика практического разума. СПб., 1995. С. 286.

¹⁵ См.: Там же. С. 277.

¹⁶ Гегель Г.В.Ф. Философская пропедевтика // История философии права. СПб., 1998. С. 242.

ря, Г.В.Ф. Гегель в целом не ограничивал свободу заранее заданными параметрами, в том числе и этического характера.

А. Шопенгауэр понимал принуждение через волевой аспект¹⁷, полагая, что принуждение – проявление эгоизма человека, к тому же негативное, поскольку предполагает вторжение в сферу воли другого человека, признавал допустимость принуждения, если оно применяется как крайнее средство в целях защиты публичных интересов.

С.И. Гессен подходил к соотношению принуждения и свободы толерантно: принуждение и свобода не исключают друг друга, а являются взаимно проникающими составляющими друг друга¹⁸.

В XIX в. самостоятельное и значимое место в истории философии начинает занимать русская философия, которая находит свои собственные пути, начинает жить своими «вдохновениями и своими проблемами»¹⁹. Представителями русской философии были, как правило, религиозные философы и богословы, крупные светские мыслители и писатели, труды которых имеют глубокий нравственный смысл, духовную основу, что характерно для России и при осмыслении права как регулятора общественных отношений и при организации подчинения ему.

Так, В.С. Соловьев, хотя и отстаивает теократический общественный идеал, не отрицает правовое государство и признает необходимость правового принуждения. «Право, – утверждал В.С. Соловьев, – есть принудительное требование реализации определенного минимального добра или порядка, не допускающих известных проявлений зла»²⁰, т.е. право призвано обеспечить минимум добра и нравственности, и в этом его основное назначение. По В.С. Соловьеву, отсутствие права привело бы к произволу в поведении каждого человека, что не позволяло бы жить и совершенствоваться другим. Право, выполняя свою роль, не дает человеку стать «злодеем», для чего и необходимо принудительное правосудие²¹.

В философии Н.А. Бердяева отношение к принуждению можно усмотреть через понимание им свободы. «Своеобразие моего философского типа, прежде всего, в том, что я положил в основание философии не бытие, а свободу. В сущности, я всю жизнь пишу философию

---

¹⁷ См.: Шопенгауэр А. Мир как воля и представление: в 2-х т. Минск: Попурри, 1999. Т. 2. С. 601.

¹⁸ См.: Очироконнова Н.В. Проблема человека в философии С.И. Гессена: дис. ... канд. философ. наук: 09.00.03. М., 2005. С. 91.

¹⁹ Зеньковский В.В. История русской философии: в 2-х т. М., 1999. Т. 1. С. 343.

²⁰ Соловьев В.С. Оправдание добра // Соч.: в 2-х т. М., 1988. Т. 1. С. 450.

²¹ См.: Соловьев В.С. Право и нравственность. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2001. С. 99–114.

свободы, стараясь её усовершенствовать и дополнить»²². Философ воспринимает свободу как категорию трагичности, как тяжелое бремя для человека, который несёт ответственность за свои поступки, в связи с чем, часто стремится от свободы отказаться²³.

Значительный вклад в философское осмысление принуждения как категории, отличающейся от насилия, внес замечательный русский философ И.А. Ильин, который обосновал понятие «непредосудительное заставление (понуждение, пресечение)», его социальную необходимость²⁴. К основным видам такового он отнес «самопонуждение, самопринуждение, психическое понуждение, физическое понуждение и пресечение»²⁵.

Таким образом, мы видим, что представители и античной философии, и немецкой классической, и отечественной, в том числе религиозной, отнюдь не отрицали возможность принуждения, по-разному понимая его соотношение с нравственностью и свободой воли.

Л.Н. Толстой является ярким представителем приверженцев позиции отрицания силового принуждения, определяя насилие достаточно широко и фактически не отграничивая его от принуждения. «Всякое насилие состоит в том, что одни люди под угрозой страданий или смерти заставляют других людей делать то, чего не хотят насилуемые»²⁶. Такое отношение к принуждению привело Л.Н. Толстого к отрицанию ряда социальных и государственных институтов, без которых трудно представить существование современного мира. Известно отрицательное отношение Л.Н. Толстого к праву как регулятору общественных отношений в целом.

Н.М. Коркунов – замечательный отечественный юрист и философ, положительно оценивая принуждение в качестве государственной монополии²⁷, тем не менее, основные надежды возлагал на стимулирование положительного поведения людей иными средствами: «Нельзя человека силою заставить выполнить какой-либо труд. Его можно подвергнуть наказанию, но наказать не значит заставить»²⁸. Блестящая формула. О том же писал и С.А. Котляревский, отмечавший, что «в огромном большинстве случаев нельзя даже непосредственными физическими воздей-

---

²² Бердяев Н.А. Самопознание. М., 1990. С. 51.

²³ См.: Ермакова В.В. Проблема свободы в философии Н.А. Бердяева // Булгаковские чтения. 2009. № 3. С. 72–80.

²⁴ См.: Ильин И.А. О сопротивлении злу силою. Путь духовного обновления. Работы разных лет. СПб., 2006. С. 394-396.

²⁵ Там же. С. 272.

²⁶ Толстой Л.Н. Закон насилия и закон любви. О пути, об истине, о жизни. М., 2004. С. 814.

²⁷ См.: Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права; 2-е изд.. СПб., 2004. С. 103.

²⁸ Там же. С. 101.

ствиями вынудить повиновение»²⁹.

Итак, философское осмысление принуждения дает основание видеть в нем средство, необходимое для нормального существования государства и общества, обеспечивающего цивилизованные рамки свободы человека, ограничивающие его в возможности или стремлении вторгнуться в границы свободы общества и/или отдельных его представителей. Основным назначением принуждения выступает создание угрозы наступления невыгодных последствий или их применение в целях предотвратить или пресечь нарушение установленных общественных норм.

Российскому философскому пониманию принуждения в целом свойственна его связь с ответственностью человека перед некими сакральными силами, проявляющимися в сущности самого человека, и с нравственностью при явной субсидиарности принуждения по отношению к духовно-нравственным регуляторам общественной жизни. Эта характерная черта национального традиционного понимания принуждения является ключевой гарантией эффективного принуждения во всех сферах отечественной государственной деятельности, включая правовое принуждение в процессуальных сферах. Принуждение эффективно только тогда, когда оно нравственно, справедливо, когда без него не обеспечить добро, не одолеть зла. Причем справедливость уголовного судопроизводства должна быть обращена не только на обвиняемого, но и на потерпевшего, которому государство не смогло обеспечить его естественные неотчуждаемые права³⁰.

В юридической науке подход к пониманию государственного принуждения также продолжает дискутироваться.

Государственное принуждение представляет собой внешнее воздействие на поведение, основанное на организованной силе государства и обеспечивающее безусловное утверждение государственной воли, – пишет С.Н. Кожевников³¹.

В.В. Лазарев и С.В. Липень видят принуждение как возможность обязать действовать субъекта вопреки его воле, как проявление суверенитета государства³². В.К. Бабаев в определении государственного принуждения делает акцент на способы воздействия (физическое,

---

²⁹ Котляревский С.А. Власть и право. Проблема правового государства. М., 1915. С. 15.

³⁰ См.: Шаров Д.В. Защита законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве // Вестник экономической безопасности. 2016. № 5. С. 63–65.

³¹ См.: Кожевников С.Н. Государственное принуждение: особенности и содержание // Советское государство и право. 1978. № 5. С. 47–53.

³² См.: Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права; 2-е изд. М., 2000. С. 403.

психическое, имущественное или организационное принуждение), и его цель – обеспечение действия правовых предписаний³³. Н.В. Макарейко видит цель несколько шире – защита личных, общественных или государственных интересов³⁴. В более поздней работе данный автор определил государственное принуждение несколько иначе: через качественную разновидность социального принуждения, направленную на обеспечение общественного порядка и общественной безопасности³⁵. В.М. Корельский цель принудительного воздействия государства на личность, обеспечивающего его необходимое поведение, видит в обеспечении интересов общества и государства³⁶. В понимании В.В. Серegiной, государственное принуждение – это воздействие уполномоченных на то субъектов на сознание и поведение иных лиц путем применения к ним установленным процессуальным порядком принудительных мер, указанных в санкциях (диспозициях) правовых норм в целях борьбы с правонарушениями, охраны общественной безопасности и правопорядка»³⁷.

Практически во всех определениях подчеркивается наступление для принуждаемых отрицательных последствий личного, имущественного, организационного или иного порядка.

В целом, можно сделать вывод о том, что ученые связывают государственное принуждение с возможностью посредством различных принудительных мер воздействовать на субъект с целью вынудить его действовать вопреки его воли и желания в интересах, соответствующих государственным (это могут быть защищаемые государством личные или общественные, национальные интересы).

Между тем вопрос о том, каким образом норма, предусматривающая принуждение, воздействует на участников правовых отношений, остается острым, поскольку от его решения зависит необходимый уровень принуждения, в том числе возможность обеспечения правомерного поведения самим только существованием норм права, предусматривающих возможность принуждения. Отсюда вытекает вопрос: может ли выполнение обязанности быть добровольным, если за ее

---

³³ См.: Бабаев В.К. Право и государственное принуждение // Теория государства и права / под ред. В.К. Бабаева. М., 1999. С. 207.

³⁴ См.: Макарейко Н.В. Государственное принуждение как средство обеспечения общественного порядка: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Нижний Новгород, 1996. С. 11.

³⁵ См.: Макарейко Н.В. Государственное принуждение: проблемы теории и практики реализации: монография. М., 2015. С. 99.

³⁶ См.: Корельский В.М. Государственная власть // Теория государства и права / отв. ред. В.Д. Перевалов; 3-е изд. М., 2007. С. 61.

³⁷ Серегина В.В. Государственное принуждение по советскому праву. Воронеж, 1991. С. 47.

невыполнение предусматривается применение принудительного средства? От решения данного вопроса может зависеть и иной взгляд на принуждение, которое традиционно все же связывается с поведением субъекта, характеризуемым поступками, совершаемым вопреки воли и желания лица.

Согласно позиции Н.С. Братуся нельзя вести речь о принуждении, если лицо выполняет обязанности добровольно³⁸. О.Э. Лейст, напротив, усматривает принуждение там, где имеются правоограничения, вне зависимости от добровольности следования им³⁹. Б.Т. Базылев смотрит на принуждение аналогично: «Властное воздействие в виде категорического предписания определенного поведения (психическое принуждение) либо в форме непосредственного воздействия (физическое принуждение)»⁴⁰. Фактически два последних подхода ограничивают само функционирование принуждения наличием норм права, его предусматривающих, и не связывают его с мотивами выполнения обязанностей адресатами таких норм.

Принуждение, как представляется на первый взгляд, двувекторно, оно действует посредством: 1) угрозы наступления негативных последствий или 2) применения к лицам, нарушившим нормативно установленные правила поведения самих этих последствий. Однако само по себе существование нормы права, предусматривающей принуждение, не означает, что лицо не имеет возможности действовать добросовестно и добровольно, без принуждения. В конечном счете лицо может выполнять некие обязанности, даже не представляя, что за их невыполнение он может подвергнуться принуждению. «Принуждения нет, если обязанности выполняются добровольно»⁴¹, – отмечал И.Л. Петрухин уже применительно к вопросам уголовно-процессуального принуждения. Он усматривает критерий принуждения не в характере действий властных участников уголовного судопроизводства, а в психическом отношении гражданина – субъекта, на которого такие действия направлены к возложенной на него обязанности⁴². Принуждение отсутствует, если невластный участник судопроизводства действует добровольно, осознанно одобряя применяемые к нему меры и свое поведение. Близка к изложен-

---

³⁸ См.: Братусь Н.С. Юридическая ответственность и законность. М., 1976. С. 27.

³⁹ См.: Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву. М., 1981. С. 81.

⁴⁰ Базылев Б.Т. Сущность санкций в советском праве // Правоведение. 1976. № 5. С. 32–38.

⁴¹ Петрухин И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. М. 1985. С. 69–75.

⁴² Петрухин И.Л. Человек и власть (в сфере борьбы с преступностью). М., 1999. С. 232.

ной точке зрения позиция В.А. Михайлова⁴³.

В.М. Корнуков, придерживаясь несколько иной позиции, утверждает, что «добровольное подчинение принуждению» – логически несостоятельное понятие, поскольку, если человек подчиняется, то налицо принуждение, если же это происходит добровольно в результате убеждения, то он сам себя ограничивает, сознательно ставит общественные интересы выше некоторых личных⁴⁴. Судя по контексту, В.М. Корнуков также не называет принуждением добровольное исполнение обязанностей, хотя и обеспеченных процессуальным принуждением.

В связи с этим нельзя согласиться, что лишенными принудительности могут считаться только те действия, которые участники процесса проводят по своей инициативе, стремясь обеспечить свои интересы⁴⁵, а другие, даже не встречающие противодействия, – все же принудительные⁴⁶.

Принуждение – крайнее средство. Правовые нормы должны выполняться членами общества, прежде всего, путем осознания необходимости такого поведения как единственно возможного варианта, как нравственной ценности. Отторжение права обществом вне зависимости от его содержания, противопоставление его нравственности – пагубный путь, неспособный привести общество к правомерному поведению. Естественно, право, для того чтобы его предписания выполнялись членами общества добровольно, должно быть справедливым, понятным, принимаемым обществом с учетом исторических традиций его развития. Иноземные ценности, даже подкрепленные принуждением, не приживутся на негодной для этого почве. В.Д. Спасович пророчески предупреждал, что заимствования и перенесение готовых форм с одной почвы на другую «оказываются всегда безуспешными, потому что скопировать форму можно, но дух, содержание учреждения не передаются от народа народу, а они-то и составляют главное»⁴⁷.

Право, в содержании которого – духовно-нравственные основы жизни россиян, не может не считаться жителями России ценностью, а, следовательно, его использование в подавляющем большинстве случаев не должно требовать принуждения. К сожалению, в России

---

⁴³ См.: Михайлов В.А. Меры пресечения в российском уголовном процессе. М., 1996. С. 8.

⁴⁴ См.: Корнуков В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1978. С. 17–18.

⁴⁵ См.: Ефремова С.В. Обоснованность следственных действий как гарантия прав и свобод участников процесса: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Самара, 2004. С. 36.

⁴⁶ См.: Гельдибаев М.Х. Обеспечение прав и свобод человека и гражданина в сфере уголовно-процессуального принуждения: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09. СПб., 2001. С. 151.

⁴⁷ Спасович В.Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судостроительством и судопроизводством. М., 2001. С. XI.

длительное время на разных исторических этапах право было ориентировано на ценности, не принимаемые россиянами, генетически западноевропейские. Достижения российской правовой культуры, в том числе и в уголовном судопроизводстве, должны основываться на менталитете россиян⁴⁸.

В этом одна из причин понимания принуждения как средства, позволяющего обеспечить действия человека вопреки своим воле и желанию, в то время как он должен ориентироваться (даже если и принуждаться) и действовать в интересах общества и страны, учитывая, что его личные интересы (как нравственного члена общества) даже на теоретическом уровне не могут жестко противопоставляться общественным и государственным интересам. В связи с этим акцент в определении принуждения следует делать не на стремлении заставить сделать то, что человек не хочет (смотри выше – понимание принуждения Л.Н. Толстым), а на важности обеспечить выполнение того, что необходимо социуму через понимание такой необходимости самим лицом, от которого требуется определенное поведение.

Вместе с тем даже чужеродность норм (характерных, например, для начального этапа действия УПК РФ) – не повод их не исполнять, право должно приводиться в соответствие с отечественными духовно-нравственными ценностями легальными средствами, через народное представительство. Народ к осознанию тех идей, которые должны быть положены в основу правового регулирования общественных отношений, не всегда приходит прямой дорогой, однако это осознание приходит всегда и неизбежно. Демократические правовые процедуры формирования представительных органов власти – гарантия отражения в законах воли большинства нравственно-здорового населения страны, которая формируется не в одночасье и нередко на пути формирования подвергается некоторым колебаниям, обусловленным внешними (некоренными причинами).

Стоит вспомнить разгоревшуюся в середине XIX в. борьбу между славянофилами и западниками по кардинальным вопросам философии и права, исторической роли и исторической судьбы России. Как известно, западники (П.Я. Чаадаев, В.С. Печерин, И.А. Гагарин, И.С. Тургенев, Б.Н. Чичерин, В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Н.П. Ога-

---

⁴⁸ См.: Агутин А.В., Трошкин Е.З., Губжиков Р.Х. Организационно-правовой механизм реализации концепции «должной правовой процедуры» и нравственные основы уголовно-процессуальной деятельности в отечественном уголовном судопроизводстве. М., 2016. С. 10; Агутин А.В. К вопросу о внешних условиях формирования мотивации при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Мос. ун-та МВД России. 2012. № 2. С. 71–76.

рёв, Н.Г. Чернышевский, В.П. Боткин, П.В. Анненков и др.) выступали за развитие России по западноевропейскому пути. В свою очередь представители течения славянофильства (А.С. Хомяков, И.С. Аксаков, Н.А. Бердяев, Г.В. Флоровский, В.В. Зеньковский и др.) утверждали о необходимости главенствования нравственных ценностей, христианских идеалов, монархических принципов и соборности над правом, отстаивали своеобразие исторического развития России и, идеализируя славянскую культуру, настаивали на особом пути развития для страны по причине принципиальных отличий от западноевропейских государств, для которых свойственно поклонение государству и стремление построить жизнь, прежде всего, на юридических, а не на нравственных нормах⁴⁹.

В чистом виде подходы славянофилов, конечно, неприменимы, что доказано самой историей, однако их подход к праву, как нежелательному регулятору общественных отношений, основан на противопоставлении права нравственности, в то время как нравственное право не может отторгаться любым народом, тем более народом России, который нравственность всегда считал высшей ценностью. Таким образом, соблюдение правовых норм, презумпция их нравственности должны стать нравственной ценностью жителей России и воспитываться в человеке наряду с иными нравственными качествами, на что, конечно, потребуется достаточно длительное время. Заметим, что всплеск правового нигилизма рубежа нынешнего и прошлого веков обусловлен очевидной несправедливостью правового регулирования периода «первоначального накопления капитала», приведшего к обнищанию основной массы честно трудящегося населения, что в свою очередь временно стимулировало некую нравственную деградацию и духовное обнищание⁵⁰. На всем постсоветском пространстве весьма активно и небезуспешно стали пропагандироваться ценности западной культуры, жестко контрастирующие с культурой народов, населяющих Россию. В результате нравственный каркас, укреплявшийся в течение десятилетий, был сломлен за короткий период⁵¹, несмотря на то что учеными того времени с обеспокоенностью отмечалось, что воспитательные задачи (ныне из УПК РФ фактически выхолощенные)⁵² правосудия первостепенны и должны решаться, даже если это осложнит познание истины⁵³.

---

⁴⁹ См.: Туманов В.А. Учения о праве // Общая теория права / под общ. ред. В.К. Бабаева. Н. Новгород, 1993. С. 16.

⁵⁰ См.: Победкин А.В. Уголовный процесс: состояние вне права: монография. М., 2013. С. 45.

⁵¹ См.: Там же. С. 6.

⁵² См.: Победкин А.В. Вернуть уголовному судопроизводству воспитательные задачи // Вестник Мос. ун-та МВД России. 2016. № 4. С. 100–104.

⁵³ См.: Кокорев Л.Д., Котов Д.П. Этика уголовного процесса. Воронеж, 1993. С. 57.

В идеале правовые нормы (отвечающие нравственным ценностям народа, им принимаемые и уважаемые) должны исполняться по велению совести и долга в результате осознания правомерного поведения как единственно возможного. Еще в 1911 г. Г.Ф. Шершеневич утверждал, что юридические правила усваиваются, прежде всего, путем домашнего и общественного воспитания, и только если у человека не воспитано чувство законности, остается последнее средство – страх, формированию которого может служить угроза⁵⁴. Заметим, что «страх» перед ответственностью (а в нашем случае – перед возможностью применения принуждения) – это средство, которое действует в случае отсутствия у гражданина «чувства законности» и осознания важности правомерного поведения⁵⁵. Такого рода средство является, вне всякого сомнения, принуждением, поскольку человек действует под влиянием возникающего страха, под угрозой.

Однако и здесь важно, чтобы применение принуждения к конкретным людям не воспринималось обществом как несправедливое. Будучи способной решить конкретную задачу, мера принуждения, воспринятая как несправедливая, повлечет больше отрицательных последствий, чем положительных: возвращение недовольства правом, негативная оценка должностных лиц и государства, применяющих такие меры, и т.д.

Принуждение эффективно тогда, когда даже как крайнее средство (в виде угрозы применения или реализованной конкретной принудительной меры) обеспечивает ощущение в обществе восстановленной справедливости, получает общественную поддержку, понимание.

В последнее время руководством страны одобрен ряд стратегических инициатив и неслучайно одним из основных положений обеспечения национальных интересов государства Стратегией национальной безопасности 2021 г.⁵⁶ провозглашено укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России. Именно на этом фундаменте должны строиться правовые институты принуждения, суще-

---

⁵⁴ См.: Шершеневич Г.Ф. Общее учение о праве и государстве. М., 1911. С. 75–78.

⁵⁵ См.: Манджиева Е.В. Воспитание, убеждение и принуждение в уголовном судопроизводстве: сменить вектор // Уголов. процесс и криминал: теория, практика, дидактика (Соврем. проблемы досудеб. произв-ва: уголовно-процессуальные, криминалистические и организационные аспекты): сб. матер. V Всерос. науч.-практ. конф. / под общ. ред. А.В. Акчурина. Рязань, 2019. С. 153–157.

⁵⁶ См.: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Интернет-портал правовой информации «Pravo.gov.ru» (дата обращения: 14.02.2022).

ствовать и реализовываться соответствующие правовые нормы.

Несмотря на то что, как указывалось выше, принуждение некоторыми словарями отождествляется с насилием, эти категории принципиально различны.

Вряд ли с правовой точки зрения можно согласиться, что, исходя из содержания действий, принуждение, как и насилие, вынуждает действовать помимо воли. Разграничение государственного принуждения и насилия представляет серьезную теоретическую сложность. Вопрос этот, действительно, активно изучался в науке: теории права, уголовного права, уголовно-процессуального права и др. Однако четких критериев разграничения указанных понятий, применимых к любой конкретной ситуации, выработать так и не удалось. Существует мнение, что «принуждение относится к психической функции насилия, входит в его состав и нацелено на подавление свободы воли пострадавшего»⁵⁷. Напротив, о насилии как одном из средств реализации принуждения пишет М.Б. Разгильдиева⁵⁸. А.А. Пионтковский отождествлял насильственное воздействие и принуждение лица к действиям, совершаемым помимо его воли⁵⁹.

Верно, что принуждение и насилие разграничить можно, пожалуй, только по одному критерию, да и то не всегда, – цели: принуждение всегда преследует цель принудить к определенным действиям, насилие – не обязательно связано со стремлением добиться определенных действий⁶⁰. Однако это формальное разграничение вряд ли поможет решить какую-либо серьезную научную или практическую проблему.

Относительно разграничения *государственного* (курсив – Е.М.) принуждения и насилия: разграничение относительно ясно. Так, Н.В. Макарейко выделяет следующие различия между принуждением и насилием: 1) государственное принуждение имеет детальную нормативную регламентацию; 2) государственное принуждение осуществляется специальным субъектом; 3) наличие опасности для насилия непредсказуемого сценария; 4) государственное принуждение является социально необходимым и социально оправданным⁶¹. «Государственно-правовому при-

---

⁵⁷ Девятковская С.В. Физическое или психическое насилие как составляющие принуждения // Юристъ-Правоведъ. 2016. № 4 (77). С. 40–42.

⁵⁸ См.: Разгильдиева М.Б. Правовое убеждение и принуждение: теоретические основы (на примере финансового законодательства) / под ред. Н.И. Химичевой. М., 2012. С. 153.

⁵⁹ См.: Пионтковский А.А. Преступления против личности. М., 1938. С. 88.

⁶⁰ См.: Мошков Д.С. Соотношение уголовно-правовых понятий: принуждение и насилие // Бизнес в законе. 2008. № 1. С. 121–123.

⁶¹ См.: Макарейко Н.В. Государственное принуждение и насилие: проблема соотношения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской Академии МВД России. 2014. № 3 (27). С. 32–36.

нуждению имманентно присуще правомерное поведение субъекта, который уполномочен индивидуализировать, конкретизировать и осуществить установленную законом принудительную меру», – пишет Г.М. Лановая⁶².

М.Н. Петренко также верно замечает, что характер насилия и принуждения один: воздействие на волю, не предполагающее возможности объекта принимать какие-либо решения, не предопределенные заставляющим. Различие же между этими понятиями автор видит в том, что признаком насилия является его применение без оснований, что противоречит сложившимся в обществе представлениям «о добре, зле, морали, нравственности, справедливости», отраженных в нормах права⁶³ (имея в виду принуждение во властной деятельности).

Анализируя ч. 4 ст. 164 УПК РФ, некоторые авторы приходят к выводу, что в кодексе запрещены не сами по себе «насилие и угрозы», а «насилие, угрозы и иные незаконные меры», поскольку принуждение, в том числе в виде разъяснения различных возможных угроз правового характера, в уголовном процессе, в частности при производстве следственных действий, вполне допустимы. Иначе говоря, им признается недопустимым применение лишь тех форм насилия и угроз, которые являются «незаконными мерами»⁶⁴.

Не забудем, однако, что Конституция Российской Федерации гласит: никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию (ст. 21). Тем самым в России воплощается концепция приоритета общих гуманистических ценностей, построенной на правозащитной идее⁶⁵. УПК РФ также прямо запрещает подвергать участников уголовного судопроизводства насилию, пыткам, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению (ч. 2 ст. 9 УПК РФ). При производстве следственных действий в соответствии с ч. 4 ст. 164 УПК РФ запрещено применение насилия, угроз и иных незаконных мер, а равно создание опасности для жизни и здоровья участвующих в них лиц.

---

⁶² Лановая Г.М. Принуждение в системе форм правоприменения: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2006. С. 7–8.

⁶³ См.: Петренко М.Н. О «насилии» и «принуждении» во властной деятельности // Проблемы в российском законодательстве. 2011. № 4. С. 178–181.

⁶⁴ Рыжаков А.П. Рассуждения относительно закрепленного в ч. 4 ст. 164 УПК РФ общего правила // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2008. № 1. С. 5–11.

⁶⁵ См.: Категории прав и законных интересов личности и их использование в сфере уголовного судопроизводства / А.В. Гриненко, Г.А. Гуджабидзе, В.Д. Потапов, Н.С. Железняк // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 1. С. 139–147.

Принцип уважения чести и достоинства личности, предусмотренный ст. 9 УПК РФ, который и запрещает применение насилия, конечно, не означает, что честь и достоинство личности не могут страдать в ходе уголовного процесса. Важно, чтобы унижение не рассматривалось как цель процессуальных действий, а принуждение должно применяться только в тех пределах, которые необходимы и никак не больше. Верно по этому поводу замечают А.В. Гриненко и Д.А. Иванов, полагающие, что принуждение не может являться самоцелью и при возможности следователь, суд должны идти по пути наименьшего принудительного воздействия⁶⁶. Принуждение при этом не должно перетекать в жестокость и должно оправдываться только конституционно значимыми целями⁶⁷.

Итак, разграничение принуждения как государственного воздействия на личность и насилия по степени ограничения свободы проявления воли человека не является универсальным критерием. Представляется, что основным критерием в отграничении принуждения от насилия должна быть правомерность государственного воздействия на личность как с точки зрения цели принуждения, самих его форм, так и обоснованности и соразмерности применения к лицу конкретной принудительной меры. Несоразмерное применение к лицу принуждения – такое же насилие, как и применение принуждения, не предусмотренного законом, или вопреки установленному порядку.

Государственное воздействие на личность в уголовном судопроизводстве может восприниматься как справедливое только будучи законным, основанным и соразмерным, в противном случае оно неизбежно воспринимается и самим участником уголовного судопроизводства, на которого оно направлено, и обществом как насилие.

Ответ на вопрос о существовании принуждения при добровольном исполнении обязанностей требует обращения к проблеме сочетания убеждения и принуждения.

Принуждение неразрывно связано с убеждением и нередко противопоставляется ему. Вместе с тем это понятия, находящиеся в диалектической взаимосвязи. Убеждение, которое в философском понимании есть «процесс, посредством которого взгляды и поведение человека без принуждения подвергаются словесному воздействию дру-

---

⁶⁶ См.: Гриненко А.В., Иванов Д.А. Совершенствование мер процессуального принуждения в российском уголовном судопроизводстве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 2 (46). С. 91–96.

⁶⁷ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека // Права человека. 2012. № 11 (80). С. 63.

гих людей»⁶⁸ в любой области, включая уголовное судопроизводство, является первичным и основным средством обеспечения правомерного поведения⁶⁹.

Правовое же регулирование общественных отношений имеет сложный и неоднозначный характер, и поэтому вопрос о сочетании убеждения и принуждения как средств воспитания приобретает первостепенную теоретическую и не менее практическую важность при решении государственных задач.

Советский энциклопедический словарь определяет убеждение как «процесс систематического и целенаправленного воздействия на духовное и физическое развитие личности в целях подготовки ее к производственной, общественной и культурной деятельности»⁷⁰. С точки зрения психологии, философии, социологии и педагогики, понятие «убеждение» имеет два значения: во-первых, убеждение – метод целенаправленного воздействия на личность для формирования его убеждений, во-вторых, убеждение – результат этого воздействия, т.е. система представлений и взглядов человека, сформированных в результате убеждения. Оба понятия находятся между собой в причинно-следственных отношениях⁷¹.

Убеждение как процесс – это не единовременный акт, посредством которого обеспечивается необходимое поведение человека в конкретный момент. Убеждение должно пониматься шире, как воспитательный процесс, в который вовлечены самые разные средства (нравственного, социального, правового характера). Убеждение призвано пробуждать в человеке его лучшие нравственные качества, позволяющие обеспечить его социализацию, включая добровольное выполнение правовых предписаний. Целью убеждения является воспитание у граждан внутренней потребности и стойкой привычки правомерного поведения, что позволяет без значительных волевых усилий и вне зависимости от угрозы ответственности контролировать свои поступки и априори соблюдать установленные законом и моралью нормы поведения.

Конкретный вариант сочетания методов убеждения и принуждения, которые в научной литературе называют универсальными, всеобщими,

---

⁶⁸ Краткая философская энциклопедия / под ред. Е.В. Губского, Г.В. Кораблева и В.А. Лутченко. М., 1984. С. 465.

⁶⁹ См.: Ребане И.А. Убеждение и принуждение в деле борьбы с посягательством на советский правопорядок. Тарту, 1966. С. 4.

⁷⁰ Советский энциклопедический словарь / под ред. А.М. Прохорова; 2-е изд. М., 1983. С. 248.

⁷¹ См.: Парыгин Б.Д. Основы социально-психологической теории. М., 1976. С. 268–269.

основными⁷², в целом зависит от состояния общества, уровня его экономического, политического, социального и духовного развития, однако убеждение и принуждение, действительно, представляют собой «два исторически обусловленных метода воздействия на сознание и волю людей в процессе регулирования общественной жизни»⁷³.

Н.И. Лазаревский справедливо считал, что основанием власти может быть убеждение народа в том, что данное правительство имеет право на издание своих распоряжений и законов⁷⁴, а отнюдь не сами эти законы, распоряжения и принуждение к их исполнению. Это же имел в виду Т. Гоббс, предложивший известную формулировку: «Отличие от веры заключается в том, что убеждения – это продукт собственных размышлений, а не просто принятие суждений по доверию»⁷⁵.

Наиболее близкой нам представляется позиция М.И. Жумагулова, который отмечает, что метод убеждения однозначно является более продуктивным, и необходимо его развитие в структуре методов управления, которое в результате становится более стабильным, постоянным и надежным⁷⁶.

Убеждение, кроме того, наиболее естественный способ воздействия на человека⁷⁷, который посредством раскрытия явлений жизни общества и разъяснения действующих норм права оказывает активное воздействие на сознание людей, формирует убежденность в необходимости добровольного и точного соблюдения установленного в обществе правопорядка. Обязанность соблюдения норм права опирается, главным образом, на убежденность населения в том, что эти нормы являются его волей и справедливо защищают от противоправных посягательств. Д.Н. Бахрах правильно заметил, что в обществе принуждение применяется только на базе убеждения⁷⁸.

---

⁷² См.: Бабаев С.В. Принуждение и убеждение в деятельности современного Российского государства: лекция. Н. Новгород, 2001; Головкин Р.Б., Мамчун В.В., Новиков М.В. Теория государства и права. Владимир, 2004; Мельникова М.А. К вопросу о методах административной деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы // Российское общество и государство: актуальные проблемы на современном этапе: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / сост. и общ. ред. А.С. Тимощука. Владимир, 2009.

⁷³ Сперанский И.А. О применении убеждения и принуждения в борьбе с преступностью // Труды Высшей школы МВД СССР. Выпуск 28. М., 1971. С. 217–223.

⁷⁴ См.: Лазаревский Н.И. Русское государственное право: Конституционное право; 4-е изд. Пг., 1917. Т. 1: Вып. 1. С. 11.

⁷⁵ Гоббс Т. Избранные произведения: в 2 т. М., 1964. Т. 1. С. 408.

⁷⁶ См.: Жумагулов М.И. О сущности и понятии административно-правового принуждения // Государство и право. 2006. № 10. С. 22–30.

⁷⁷ См.: Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальное принуждение. М., 1985. С. 3.

⁷⁸ См.: Бахрах Д.Н. Меры административного и общественного воздействия на правонарушителей. М., 1971. С. 4.

Однако убеждение в необходимости правомерного поведения предполагает не только разъяснение моральности определённого поведения. Возможна здесь и опора на первый из выше обозначенных векторов принуждения: разъяснение возможного применения мер принуждения, однако не в целях вызвать страх перед принуждением (в данном случае мы бы имели дело уже с собственно принуждением – угрозой реализации принудительных мер), а для разъяснения, по какой причине и в связи с чем законодатель не просто запрещает то или иное деяние, но и устанавливает определенное принудительное воздействие за совершение данного деяния. Кроме того, справедливое, законное и обоснованное принуждение оказывает убеждающее, воспитательное воздействие на жителей страны, демонстрируя неизбежное торжество справедливости.

Таким образом, первый вектор действия принуждения также двойственен: человек, выполняя обязанность добровольно, не ввиду возникшего страха перед ответственностью и принуждением, даже в случае разъяснения ему возможного принуждения – это еще не принуждение; здесь оно только возможно, если человек станет действовать под страхом возможной ответственности, а не вопреки велению собственной совести: разъяснение возможного принуждения – метод убеждения, который в уголовном судопроизводстве следует использовать как можно более активно.

Российское государство, являясь по своей природе демократическим правовым государством, несомненно, прежде всего, должно опираться на метод убеждения, в числе средств которого и разъяснение возможного принуждения и его причин, и далее – в случае неисполнения требований закона – обеспечение правомерного поведения путем применения принуждения. Таким образом, убеждение и принуждение взаимно дополняют друг друга, способствуют достижению социально значимого результата.

Таким образом, надлежащее поведение участников правоотношений, обусловленное осознанием его необходимости, важности, соответствия нравственным ценностям (даже в случае разъяснения причин возможного реального принуждения за неисполнение обязанностей), не является следствием принуждения, и по возможности именно такое поведение должно обеспечиваться правоприменителем.

В то же время выполнение обязанности ввиду страха перед возможной ответственностью, предусмотренным принуждением, даже не применяемым пока реально, – это уже принуждение в действии, активная фаза принуждения, проявляющаяся в психологическом воз-

действию на поведение угрозой неблагоприятных последствий: в данном случае мы имеем дело уже с принуждением, а не убеждением. Например, дача свидетелем правдивых показаний ввиду разъясненной возможной уголовной ответственности за дачу ложных показаний, а не ввиду понимания важности правдивых показаний и своего нравственного долга: такие показания – реальное психическое принуждение.

Принуждение тогда эффективно, когда справедливо. Причинение вреда индивидом обществу и другому лицу в нарушение установленных правил поведения несправедливо, а, следовательно, принуждение государства к правомерному поведению имеет своей целью восстановление справедливости, то есть, несмотря на причинение вреда, оно будет иметь благую цель, и его можно считать справедливым (так понимал справедливость, например, Цицерон)⁷⁹.

Ответ на вопрос о справедливости государственного принуждения, тем не менее, не может быть исчерпан вышеприведенной формулой, хотя в целом она является его ключевой составляющей.

Содержание ответа на этот вопрос не зависит от плоскости, в которой он рассматривается – правовой или этической. С точки зрения этики, «если средства аморальны, то и цель аморальна, аморальные средства не могут привести к моральному результату»⁸⁰, следовательно, если конкретный принудительный акт расценивается как несправедливый, то это происходит вне зависимости от того, какие цели он преследует. С точки зрения правового подхода, это правило должно действовать в полной мере. В.В. Лазарев пишет: «Высокая цель может в известных пределах оправдать «нехорошее» средство, если его приходится применять по необходимости как единственное, ведущее к цели»⁸¹. Однако это высказывание уважаемого ученого должно быть правильно понято. «Нехорошее» средство – это крайнее средство, нежелательное, но необходимое в конкретной ситуации. Оно должно быть не просто законным, обоснованным, но и применяться при исчерпанности всех иных непринудительных средств и, прежде всего, средства убеждения. С.С. Алексеев определял государственное принуждение как важнейшее средство воздействия на поведение людей, основанное на организованной силе государства и обеспечивающее безусловное утверждение воли государства, которое выступает в виде вспомогательного спо-

---

⁷⁹ См.: Цицерон М.Т. О государстве // Антология мировой философии. М., 1969. Т. 1, ч. 1. С. 496–497.

⁸⁰ Иконникова Г.И., Ляшенко В.П. Основы философии права. М., 2001. С. 152.

⁸¹ Лазарев В.В. Применение советского права. Казань, 1972. С. 18.

соба подавления отрицательных волевых устремлений отдельных субъектов для обеспечения подчинения этих лиц государственной воле⁸², фактически подчеркивая вторичность этого средства перед непринудительным обеспечением должного поведения.

Принудительное средство должно быть справедливым и с этической, и с правовой позиций. В конечном счете оценка оснований и условий применения мер принуждения осуществляется на платформе духовно-нравственных основ жизни общества, именно они выступают ключевым фактором правильного толкования и применения нормы права. Нравственность, являющаяся средой, в которой формируется общественное ощущение справедливости, объективно представляет собой первичный критерий правомерности поведения.

Нестандартно, но в целом верно, что «...условием допустимости принуждения является наличие устоявшейся системы общественных ценностей, служащих мериллом определения правомерности, либо неправомерности общественного поведения, а соответственно нравственной допустимости применения принуждения»⁸³.

Собственно идеи убеждения, воспитания человека уголовно-процессуальными средствами стали уходить из уголовно-процессуального законодательства России в конце прошлого века и даже теоретически обосновывались в программном и во многом спорном документе: Концепции судебной реформы в РСФСР⁸⁴ 1991 г. (далее – Концепция), которая объективно опиралась на буржуазные, в том числе некоторые западные ценности ввиду ориентированности на них государства⁸⁵.

К примеру, авторы Концепции отождествляли «народное представительство» и «правосудие» как «маску антидемократического режима», требовали ликвидации из закона упоминания на «международную солидарность трудящихся», «создание материально-технической базы коммунизма», «коммунистическую мораль» и «подготовку детей к активному участию в строительстве коммунистического общества», что собственно и было с успехом реализовано. Вот только вместе с коммунистической и социалистической терминологиями из

---

⁸² См.: Алексеев С.С. Проблемы теории государства и права: в 2-х т. Свердловск, 1972. Т 1. С. 377.

⁸³ Паршина А.А. Институционально-правовые формы государственного принуждения и насилия: дис. ... канд. юрид. наук: 23.00.02. Ростов-на-Дону, 2002. С. 30.

⁸⁴ См.: О Концепции судебной реформы в РСФСР: постановление Верховного Совета РСФСР от 24 нояб. 1991 г. № 1801 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44, ст. 1435.

⁸⁵ См.: Победкин А.В. Уголовное судопроизводство как не востребовавшее средство воспитания человека // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 40–45.

УПК РФ были выхолощены практически все идеи воспитательного плана, которые, будучи реализуемыми, неизбежно переносили акцент с принуждения на убеждение.

Воспитательная работа исключена из функций правоприменителя и стала для него несвойственной⁸⁶. Собственно диалектическая связь принуждения и убеждения не позволяет сделать иного вывода: роль принуждения при утрате воспитанием как средством убеждения своего значения в целом в уголовном судопроизводстве, прежде всего, в ходе правоприменения, неизбежно возрастает, даже если авторы реформ уголовного судопроизводства, а также законодатель, предлагающий широкий спектр средств принудительного характера разной степени жесткости, такой цели перед собой и не ставили. Сегодня справедливо отмечается, что в отношении лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, необходимо снижение репрессии и смягчение мер принуждения⁸⁷.

Несмотря на провозглашенную правозащитную направленность уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ), практика его применения однозначно свидетельствует о приоритете принуждения перед убеждением как в рамках производства по конкретному уголовному делу, так и в целом в системе судопроизводства. Например, до настоящего времени не удастся сломать негативную тенденцию широкого применения меры пресечения в виде заключения под стражу даже при развитии системы мер пресечения; заметим, что и прекращение уголовного дела, уголовного преследования при назначении судебного штрафа – не что иное, как стремление принудить к уплате денежных средств в ущерб задаче установить действительно виновного, чем провести в жизнь общую и частную превенцию преступлений.

Действующий УПК РФ вряд ли способен обеспечить эффективное правоприменение, если сам не станет средством воспитания, ориентирующим на формирование внутренней осознанной потребности соблюдать закон, которую не сформировать, если сам закон лицемерен, технократичен, пропитан чуждыми ценностями, тяжеловесен и нестабилен⁸⁸, а нередко и сам провоцирует на совершение преступления.

В качестве примера такого стимулирования можно привести увели-

---

⁸⁶ См.: Победкин А.В. Уголовное судопроизводство как невостребованное средство воспитания человека // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 40–45.

⁸⁷ См.: Андреева О.И., Зайцев О.А., Епихин А.Ю. Запрет определенных действий как новая мера обеспечения безопасности личности в уголовном процессе // Вестник Томск. гос. ун-та. 2018. № 436. С. 225–229.

⁸⁸ См.: Победкин А.В. Уголовно-процессуальный закон России: на пути к отечественным нравственным ценностям // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 4. С. 62–70.

чение возможностей для неоднократного прекращения уголовного дела (уголовного преследования) по нереабилитирующим основаниям при многократном совершении одних и тех же преступлений⁸⁹. Таким образом, даже в случаях неоднократного совершения лицом преступлений, уголовное преследование (уголовное дело) в отношении него будет неоднократно прекращено по нереабилитирующим основаниям, что в свою очередь вызывает определенные опасения⁹⁰ с точки зрения выполнения судопроизводством задач превенции преступлений.

Неудивительно, что, по данным МВД России, в последние годы отмечается постоянный рост преступлений, которые совершены лицами, ранее совершавшими преступления. Так, в 2017 г. – 650 565 (58,2 %) от общего количества расследованных преступлений, в 2018 г. – 634 027 (58,3 %), в 2019 г. – 617 914 (58,7 %), в 2020 г. – 617 184 (59,8 %), за 2021 г. – 618 158 (60,0 %)⁹¹.

Итак, государственное принуждение – крайнее средство обеспечения действия правовых норм как нравственной ценности, применяемое при исчерпанности средства убеждения в условиях справедливости как самого применяемого средства (законность, обоснованность, соблюдение установленного порядка и невозможность ограничиться применением непринудительной или мерой с меньшим принудительным потенциалом), так и цели, которую обеспечивает данная принудительная мера.

Целью государственного принуждения является та идеальная модель результата, которую стремится достичь государство как представитель всего общества в результате применения принудительных мер. Исходя из назначения государственного принуждения в обществе, можно выделить следующие цели его осуществления: пресечение и предупреждение противоправного поведения; предупреждение и защита общества от нежелательных явлений; восстановление нарушенных прав или возмещение причиненного ущерба; наказание правонарушителей и др.

Принуждение служит средством обеспечения общественного по-

---

⁸⁹ См.: О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19: ред. от 29 нояб. 2016 г. // Рос. газ. 2013. № 145.

⁹⁰ См.: Панфилов П.О. Особенности производства по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 2019. С. 155.

⁹¹ См.: Сборники о состоянии преступности в России за январь – декабрь 2021 года, январь – декабрь 2020 года, январь – декабрь 2019 года, январь – декабрь 2018 года, январь – декабрь 2017 года // ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России». URL: <http://мвд.рф./dejatelnost/statistics> (дата обращения: 11.02.2022).

рядка, режима законности, охраны прав и законных интересов личности, общества, государства.

Уголовно-процессуальное принуждение как государственное принуждение характеризуется конкретными целями, средствами, предусмотренными уголовно-процессуальным законодательством⁹². Оно является «методом государственного воздействия, проявляющегося в уголовно-процессуальных средствах, направленных на осуществление задач уголовного судопроизводства»⁹³.

В рамках уголовно-процессуальной деятельности принуждение занимает одно из стержневых мест как по значимости, так и по объемам⁹⁴, в том числе и в части применения превентивных мер⁹⁵. Собственно к пониманию этого пришел И.Я. Фойницкий, который в конце своей научной деятельности подытожил: «Я понял, что именно в области уголовного права и процесса лежат границы для вторжения государства в область личной свободы граждан, и потому научная разработка этих дисциплин может более всего обеспечить господство права»⁹⁶.

Конечно, требования уголовно-процессуального закона большей частью исполняются его участниками добровольно, и принуждение не является неотъемлемой характеристикой уголовно-процессуальных правоотношений. «Однако, – как верно заметила О.И. Цоколова, – в числе основ существования правосудия – возможность применения властной государственной силы»⁹⁷.

И.Л. Петрухин, связывая государственное принуждение в уголовном процессе с реализацией процессуальной обязанности того или иного участника уголовного процесса, выделяет следующие функции принуждения: 1) обеспечение выполнения обязанности в дальнейшем; 2) заставление исполнения обязанности; 3) выяснение пригодности для исполнения обязанности; 4) ответственность за невыполнение обязанности. Исключение – принуждение для обеспечения прав самого принуждаемого⁹⁸.

---

⁹² См.: Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальное принуждение. М., 1985. С. 16.

⁹³ Там же. С. 30.

⁹⁴ См.: Петрухин И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. М., 1985. С. 4.

⁹⁵ См.: Ткачева Н.В. Теория и практика мер пресечения, не связанных с заключением под стражу: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Челябинск, 2003. С. 97.

⁹⁶ Смирнов А.В. К 160-летию со дня рождения И.Я. Фойницкого // Российский юридический журнал. 2007. № 4. С. 179–182.

⁹⁷ Цоколова О.И. Применение органами предварительного следствия и дознания мер процессуального принуждения под судебным контролем: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 1995. С. 4.

⁹⁸ См.: Петрухин И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. М., 1985. С. 69–75.

Уголовно-процессуальное принуждение обусловлено возможностью поведения участника уголовного судопроизводства, которое препятствует реализации назначения уголовного судопроизводства, решению стоящих перед ним задач. Цель принуждения в уголовном судопроизводстве – обеспечить соблюдение участником уголовного судопроизводства процессуальных обязанностей, которые он должен ясно понимать, и содержание которых ему в обязательном порядке должно разъясняться. В этой связи принуждение, применяемое даже в форме угрозы реальной реализации, если ему не предшествовало убеждение, не может считаться справедливым. Таким образом, справедливость принуждения в уголовном судопроизводстве обусловлена не только соблюдением норм, предусматривающих основание и порядок применения мер принуждения, но и системностью изложения в уголовно-процессуальном законе процессуальных обязанностей, самих мер принудительного характера, эффективностью разъяснения их содержания и убеждения в необходимости соблюдения.

По содержанию воздействия уголовно-процессуальное принуждение выражается в психологическом (в том числе и угрозе применения средства принудительного характера), физическом и имущественном воздействиях на участника уголовного процесса. Однако, как отмечалось выше, эти ограничения могут быть приняты на себя участником уголовного судопроизводства и добровольно, чего, в первую очередь, и должны добиваться должностные лица, осуществляющие уголовное судопроизводство. В данном случае даже разъясненные последствия принудительного характера выступают еще не принуждением, а убеждением.

Уголовно-процессуальное принуждение включает в себя целостную систему многочисленных средств принудительного характера – мер процессуального принуждения, которые имеют определённые признаки, выделяемые учеными.

П.С. Элькинд выделяла следующие: 1) применение мер процессуального принуждения только в сфере уголовного судопроизводства; 2) четкая регламентация законом перечня лиц, подвергаемых принуждению, его оснований, форм, пределов и порядка; 3) обеспечение законности и обоснованности применения уголовно-процессуального принуждения системой процессуальных гарантий личности, строжайшим контролем⁹⁹.

---

⁹⁹ Элькинд П.С. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права. М., 1967. С. 15.

Другие авторы на признаки мер принуждения смотрели шире: 1) меры принуждения существуют в форме правоотношения; 2) имеют характер ограничения субъективных прав; 3) выражаются во внешнем воздействии на субъектов, их деятельность или имущество¹⁰⁰. Любое принуждение, даже выступающее в виде угрозы наступления неблагоприятных последствий, действительно, выступает в виде правоотношения, поскольку разъяснение таких последствий происходит не иначе как на основании норм права, являющихся формой соответствующего правоотношения.

Учитывая изложенное, полагаем возможным предложить следующее определение уголовно-процессуального принуждения с точки зрения его значения и соотношения с иными формами обеспечения правомерного поведения человека в уголовном процессе: оно представляет собой вид государственного принуждения, применяемого в сфере уголовного судопроизводства в качестве крайнего средства в целях обеспечения поведения участников уголовного судопроизводства (выполнения ими предписанных им обязанностей), способствующего эффективному решению задач, стоящих перед уголовным судопроизводством, посредством воздействия на указанных участников угрозой применения средств принудительного характера, либо собственно их применением на основаниях и в порядке, предусмотренном законом при исчерпанности средств убеждения, которые могут состоять и в разъяснении возможного принуждения.

§ 2. Средства принудительного характера в уголовном судопроизводстве России: понятие, содержание, система

Стоит отметить, что в зависимости от исторических условий и, в частности, от действия конкретных уголовно-процессуальных норм¹⁰¹ менялись и научные представления о принуждении в российской уголовно-процессуальной науке. Традиционно в большей степени интерес проявлялся к такой составной части процессуального принуждения, как меры пресечения. Данной области в дореволюционный пе-

---

¹⁰⁰ См.: Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальное принуждение. М., 1985. С. 16–17; Корнуков В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1978. С. 19–20.

¹⁰¹ См.: Луговец. Н.В. Задержание подозреваемого и иные меры процессуального принуждения: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Саратов, 2004. С. 11.

риод развития России посвящены труды А.Ф Кистяковского¹⁰², П.И. Люблинского¹⁰³, С.И. Викторского¹⁰⁴, И.Я. Фойницкого¹⁰⁵.

Однако невозможность ограничивать принуждение в целом, системе средств, носящих принудительный характер, только мерами пресечения обозначалась уже в трудах дореволюционных специалистов.

Так, С.И. Викторский полагал, что судебная власть должна иметь право принимать комплекс мер, который позволит ей действовать правильно в целях охраны общественной жизни. Однако, подчеркивал, что направленность на разных лиц, предметы (равно как и сегодня меры, предусмотренные гл. 14 УПК РФ) может повлечь опасность причинения ими излишней стеснительности, в связи с чем необходимо круг таких мер жестко ограничить и предусмотреть случаи их применения (заметим, что подход С.И. Викторского для «иных» мер процессуального принуждения и других средств принудительного характера, не указанных в гл. 14 УПК РФ, актуален и сегодня). Что касается деления принудительных мер, то С.И. Викторский делил их на меры: 1) предпринимаемые для собирания доказательств; 2) обеспечивающие присутствие подсудимого на суде; 3) имеющие целью охранить от нарушения правила судопроизводства и порядок на суде; 4) для решения вопроса о «разумении несовершеннолетних»¹⁰⁶.

М.В. Духовской, изучая меры пресечения¹⁰⁷, предлагал не игнорировать и «особые меры пресечения, применяемые в отношении малолетних, безумных и сумасшедших, военнослужащих и по делам казенных управлений»¹⁰⁸, тем самым, усматривая зачатки широкого понимая принуждения, которое, очевидно, мерами пресечения ограничиться никак не может.

В 1910 г. И.Я. Фойницкий писал о том, что меры принуждения в зависимости от целей или назначения, могут быть классифицированы на: 1) меры получения доказательств; 2) меры обеспечения явки подсудимого; 4) допрос подсудимого; 4) меры обеспечения судебного

---

¹⁰² См.: Кистяковский А.С О пресечении обвиняемому способов уклоняться от следствия и суда. СПб., 1868.

¹⁰³ См.: Люблинский П.И. Свобода личности в уголовном процессе. СПб., 1906; Меры пресечения. М., 1926.

¹⁰⁴ См.: Викторский С.И. Русский уголовный процесс. М., 1912.

¹⁰⁵ См.: Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. СПб., 1996.

¹⁰⁶ Викторский С.И. Русский уголовный процесс. М., 1997. С. 328–329.

¹⁰⁷ См.: Духовской М.В. Русский уголовный процесс. М., 1908. С. 258–263.

¹⁰⁸ Там же. С. 270–271.

разбора¹⁰⁹. Подчеркивая, что указанные меры принуждения в ряде случаев достигают степени ограничения близкого к наказанию, основание их применения – отнюдь не вина тех лиц, к которым они применяются, а «фактические интересы общества» в необходимости осуществления правосудия, которое вправе требовать содействия от каждого лица, однако лишь в пределах необходимости¹¹⁰. Тем самым, И.Я. Фойницкий подчеркивал, что меры принуждения могут и должны в случае необходимости применяться к любому участнику уголовного судопроизводства, однако полагал, что по общему правилу меры принуждения могут применяться только судом и, лишь в исключительных случаях, органами несудебными¹¹¹.

Таким образом, уже во второй половине XIX в. был заложен подход к системе средств принудительного характера как к сложной системе, в числе которых меры пресечения – только один из элементов, а сама система строится из составных частей, имеющих целью обеспечить эффективность уголовного судопроизводства на всем его протяжении и при выполнении разных частных задач.

В советский период ученые-процессуалисты рассматривали вопросы принудительного достижения целей и задач уголовного судопроизводства, прежде всего, с позиций, гарантирующих осуществление государственных интересов¹¹², что в условиях общественной собственности на средства производства вполне объяснимо.

М.А. Чельцов делил меры принуждения на три группы: 1) обеспечивающие неуклонение обвиняемого от правосудия; 2) направленные на обеспечение доказательств; 3) обеспечивающие порядок судебного разбирательства¹¹³. В первую группу он включал «меры обеспечения в узком смысле слова» – меры пресечения¹¹⁴. В то же время меры, направленные на получение доказательств, рассматривались им как меры принуждения.

---

¹⁰⁹ См.: Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. СПб., 1996. Т. II. С. 313–314.

¹¹⁰ См.: Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. СПб., 1996. Т. II. С. 314.

¹¹¹ См.: Там же. С. 314.

¹¹² См.: Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж, 1975; Корнуков В.М. Меры процессуального принуждения в советском уголовном процессе. Саратов, 1978; Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность. Вопросы теории и практики. Казань, 1981; Еникеев З.Д. Меры уголовно-процессуального принуждения в системе средств обеспечения обвинения и защиты. Уфа, 1978; Чистякова В.С. Законность и обоснованность применения мер уголовно-процессуального принуждения. М., 1978; Кудин Ф.М. Принуждение в уголовном судопроизводстве. Красноярск, 1985.

¹¹³ См.: Чельцов М.А. Уголовный процесс. М., 1948. С. 329.

¹¹⁴ См.: Там же. С. 333–334.

М.С. Строгович рассматривал в качестве мер принуждения только меры пресечения¹¹⁵, что было объяснимо действовавшими в указанный период уголовно-процессуальными законодательными актами: Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г.¹¹⁶ (далее – Основы 1958 г.) и уголовно-процессуальные кодексы союзных республик (в том числе и уголовно-процессуальный кодекс 1960 г.¹¹⁷ (далее – УПК РСФСР 1960 г.), в которых формально выделялась одна разновидность уголовно-процессуального принуждения – меры пресечения.

Однако характеристикой принудительности обладали и другие процессуальные действия как по уголовно-процессуальному кодексу РСФСР 1922 г.¹¹⁸ (далее – УПК РСФСР 1922 г.), уголовно-процессуальному кодексу 1923 г.¹¹⁹ (далее – УПК РСФСР 1923 г.), так и по УПК РСФСР 1960 г.: например, привод, отстранение от должности, обязательство о явке, наложение ареста на имущество и др.

В действующем УПК РФ меры принуждения охватывают, кроме мер пресечения, также и задержание, и жестко ограниченный круг «иных» мер процессуального принуждения (раздел IV УПК РФ).

Очевидно одно: меры пресечения выделены в самостоятельную главу лишь в силу законодательной, доктринальной и историко-правовой традиций. Все иные меры принуждения вполне могли бы считаться «иными», в том числе и задержание, и те средства, которые в разделе IV вовсе не регламентированы. Однако почему отдельная глава посвящена именно задержанию, а не, например, наложению ареста на имущество, временному отстранению от должности или денежному взысканию (единственно ярко выраженной мере процессуальной ответственности), далеко неясно.

Обратимся к зарубежному опыту. Система мер уголовно-

---

¹¹⁵ См.: Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. I. С. 273–286.

¹¹⁶ См.: Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик: Закон СССР от 25 дек. 1958 г.: ред. от 28 нояб. 1989 г. // Ведомости Верховного суда СССР. 1959. № 1, ст. 15.

¹¹⁷ См.: Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: утв. ВС РСФСР 27 нояб. 1960 г.; ред. от 29 дек. 2001 г., с изм. от 26 нояб. 2002 г.; с изм. и доп., вступающими в силу с 1 июля 2002 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40, ст. 592.

¹¹⁸ См.: Об Уголовно-Процессуальном Кодексе (вместе с Уголовно-Процессуальным Кодексом РСФСР): постановление ВЦИК от 25 мая 1922 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1922. № 20–21, ст. 230.

¹¹⁹ См.: Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР: постановление ВЦИК от 15 февр. 1923 г.: ред. от 31 янв. 1958 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1923. № 7, ст. 106.

процессуального принуждения в УПК¹²⁰ государств–участников СНГ весьма разнообразна, и при этом в УПК РФ используется различная их классификация:

1) в Республиках Беларусь, Казахстан, Таджикистан, Молдова и Туркменистане: задержание, меры пресечения, иные меры процессуального принуждения;

2) в Азербайджанской Республике, Республике Армения: задержание, меры пресечения, другие меры процессуального принуждения;

3) в Кыргызской Республике: задержание, меры пресечения; иные меры обеспечения уголовного судопроизводства;

4) в Республике Узбекистан: задержание, меры пресечения, приостановление действия паспорта (проездного документа), отстранение от должности, приводы, помещение лица в медицинское учреждение, обеспечение безопасности участников процесса, ответственность за нарушение процессуальных обязанностей и порядка на дознании, предварительном следствии и в суде;

Итак, как видно из приведенной классификации, «иные» меры процессуального принуждения, перечень которых весьма схож с гл. 14 УПК РФ, включены в систему мер уголовно-процессуального принуждения в ряде государств на постсоветском пространстве.

Кроме того, наряду с вышеперечисленными, в некоторых государствах есть меры пресечения, которые свойственны только отдельным государствам–участникам СНГ. Например, временное лишение водительских прав по УПК Республики Молдова, применяемое к лицам, совершившим транспортное преступление или иное преступление с использованием транспортных средств (ст. 182). Отметим, что 41,5 % опрошенных респондентов считают, что сегодня перечень «иных» мер процессуального принуждения необходимо расширить временным лишением права вождения транспортного средства, 46,4 % – временным запретом на выезд с места регистрации (проживания), 42,9 % – временным запретом на выезд за границу.

Еще одной несвойственной для УПК РФ мерой пресечения в УПК государств–участников СНГ является передача под надзор полиции. Данная мера пресечения предусмотрена только УПК Азербайджана (ст. 169).

Относительно системы мер уголовно-процессуального принуждения, имеющейся в УПК Украины, отметим, что она включает в себя

---

¹²⁰ В данном случае имеются в виду Уголовно-процессуальные кодексы соответствующей страны.

задержание лица и меры пресечения. Самостоятельный раздел, регламентирующий меры процессуального принуждения, отсутствует, и меры процессуального принуждения, именуемые в России как «иные», распределены по всему УПК Украины.

Анализируя меры уголовно-процессуального принуждения в европейских государствах, необходимо отметить, что в данном случае выявить схожесть их систем достаточно сложно ввиду существенного различия самого порядка уголовного судопроизводства¹²¹, обусловленного особенностями традиций, ценностей, политической и экономической систем¹²² и т.д.

Во Франции не принято использовать термин «меры пресечения». В УПК Франции речь идет о «судебном контроле и временном заключении». Основной мерой пресечения является судебный контроль (комплексная «мера пресечения», состоящая в ряде различных запретов), тогда как заключение под стражу является исключительной¹²³. Среди мер судебного контроля особо выделяется залог¹²⁴.

В ФРГ меры принуждения весьма разнообразны (меры, направленные на обеспечение присутствия обвиняемого, свидетелей, других лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства; меры, направленные на недопущение нарушений при предварительном расследовании; меры, гарантирующие сбор доказательств; меры по обеспечению судебных решений)¹²⁵, однако специально не систематизированы¹²⁶.

В целом важно то, что опыта выделения неких мер процессуального принуждения в главы, где бы они значились как «иные», законодательство европейских стран не содержит.

Невзирая на большой интерес ученых к государственному принуждению в уголовном процессе к отдельным принудительным средствам или их группам, четко определить их систему до настоящего времени не удалось, в связи с чем все предлагаемые классификации в достаточной мере являются условными и выполняют в основном операционную роль.

На сегодняшний день достаточно остро стоит вопрос о соотношении

---

¹²¹ См.: Гайнов И.Д. Механизм реализации мер уголовно-процессуального принуждения (сравнительно-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Казань, 2010. С. 56.

¹²² См.: Фаткуллин Ф.Н., Фаткуллин Ф.Ф. Теория государства и права / под ред. Н.Х. Сафиуллина. Казань: КЮИ МВД России, 2002. С. 119.

¹²³ См.: Гайнов И.Д. С. 65.

¹²⁴ См.: Там же. С. 66.

¹²⁵ См.: Самарин В.И. Уголовный процесс европейских государств: монография / под ред. В.И. Самарина, В.В. Луцка. М., 2018. С. 122.

¹²⁶ См.: Гайнов И.Д. С. 68–69.

понятий процессуального принуждения, средств принудительного характера, мер процессуального принуждения и оптимальности предложенного законодателем содержания мер процессуального принуждения¹²⁷.

Вместе с тем в науке применительно к определению уголовно-процессуального принуждения просматривается подход, свидетельствующий о невозможности рассмотрения системы средств принудительного характера только теми, которые обеспечивают надлежащее поведение отдельных участников судопроизводства и без какой-либо связи с конкретным процессуальным действием, как это фактически предлагается в гл. 14 УПК РФ «Иные меры процессуального принуждения». Объясняется такой взгляд невозможностью проигнорировать в поисках содержания системы мер принуждения основных его черт: *цели и характера воздействия* на участников судопроизводства.

Так, З.Ф. Коврига связывала уголовно-процессуальное принуждение как с уголовно-процессуальными средствами пресечения неправомерных действий (бездействий), представляющих угрозу интересам правосудия, так и обеспечения условий успешного осуществления задач правосудия¹²⁸, т.е. с действиями и решениями, которые нужно обеспечить.

З.З. Зинатуллин, который, как и З.Ф. Коврига, видел в государственном принуждении метод государственного воздействия, отмечал, что правовые ограничения применяются для исключения деяний, представляющих угрозу интересам правосудия, а также в целях обеспечения условия успешного разрешения задач уголовного судопроизводства¹²⁹.

Ф.М. Кудин не ограничивал средства принуждения и участников общественных отношений принудительного характера, что представляется нам перспективным, и принимал уголовно-процессуальное принуждение за *разновидность процессуально-принудительных средств*, являющихся самостоятельным видом государственно-правового принуждения¹³⁰.

В.М. Корнуков меры процессуального принуждения определял как предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством *процессуальные средства принудительного характера* (курсив —

---

¹²⁷ См.: Манджиева Е.В. Основные этапы формирования института мер процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве России (к вопросу об оптимальности структуры раздела IV УПК России) // Государственная служба и кадры. 2018. № 4. С. 191–193.

¹²⁸ См.: Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж, 1975. С. 30.

¹²⁹ См.: Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность. Вопросы теории и практики. Казань, 1981. С. 11–12.

¹³⁰ См.: Кудин Ф.М. Принуждение в уголовном судопроизводстве. Красноярск, 1985. С. 74.

Е.М.), применяемые в строго установленном законом порядке органом дознания, следователем, прокурором, судом *в отношении обвиняемого, подозреваемого, потерпевшего, свидетелей и некоторых других лиц* для устранения действительных и возможных препятствий, возникающих в процессе расследования и разрешения уголовных дел, в целях обеспечения успешного осуществления задач уголовного судопроизводства¹³¹. Как нам кажется, В.М. Корнуков точно усмотрел связь принуждения (хотя дает определение только мерам процессуального принуждения), его средств и участников: принуждение применяется в виде средств принудительного характера к любым участникам уголовного судопроизводства в целях решения его задач. По существу сходным является определение мер принуждения, которое предлагает Н.И. Капинус¹³².

Ясно, что процессуальное принуждение в уголовном судопроизводстве реализуется с помощью средств принудительного характера. Однако в уголовно-процессуальном законе они не систематизированы и определить их даже весьма приблизительный перечень, тем более претендующий на закрытый, весьма затруднительно.

Сегодня в разделе IV УПК РФ закреплена система мер процессуального принуждения, включающая три группы: гл. 12 «Задержание», гл. 13 «Меры пресечения» и гл. 14 «Иные меры процессуального принуждения».

Однако, по результатам анализа вышеприведенных точек зрения на понятие процессуального принуждения, можно сделать вывод, что уголовно-процессуальное принуждение не ограничивается только установленными в разделе IV УПК РФ мерами, а предусматривает гораздо более широкий спектр средств. В самом деле, разве мерами процессуального принуждения не должен обеспечиваться процесс доказывания, порядок судебного разбирательства, иные этапы уголовного судопроизводства и реализация всех процессуальных институтов, выполнение своих процессуальных обязанностей, в том числе и властными участниками уголовного судопроизводства?

Наиболее остро в уголовно-процессуальной теории длительное время обсуждается вопрос о месте в системе средств принудительного характера следственных действий. Следственные действия, подавляющее большинство которых явно сопряжены с принуждением, в

---

¹³¹ См.: Корнуков В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1978. С. 20.

¹³² См.: Капинус Н.И. Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09. Москва, 2001. С. 39.

число мер процессуального принуждения законодателем не включены. Хотя в теории уголовного процесса сегодня отстаиваются и другие подходы к соотношению следственных действий и мер принуждения. Одна группа ученых однозначно включает следственные действия в систему мер принуждения¹³³, вторая – такую возможность отрицает¹³⁴.

Дифференцированно подходил к возможности отнесения следственных действий к мерам процессуального принуждения А.А. Чувилев, который относил к числу принудительных только те следственные действия, при которых принуждение применяется для подавления противодействия операциям, составляющим существо действия, т.е. направленности на получение доказательств. Иное принуждение (например, принудительное вскрытие хранилищ), по мнению А.А. Чувилева, принудительность следственным действиям не придает¹³⁵. Сторонники разграничения мер процессуального принуждения и следственных действий указывают на то, что они имеют различные цели, основания, условия, порядок применения и производства¹³⁶.

Стоит отметить, что в ряде зарубежных государств некоторые следственные действия регламентируются законодателем в тех же

---

¹³³ М.А. Чельцов, Ю.Д. Лившиц, В.М. Корнуков, В.А. Михайлов, И.Л. Петрухин, П.М. Давыдов, З.З. Зинатуллин, А.П. Рыжаков, Н.А. Громов к мерам процессуального принуждения относят такие следственные действия, как обыск, выемка, освидетельствование и т. д.; Давыдов П.М. Меры пресечения в советском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Ленинград, 1953. С. 13; Лившиц Ю.Д. Меры пресечения в советском уголовном процессе. М., 1964. С. 91; Корнуков В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1978. С. 43; Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность. Вопросы теории и практики. Казань, 1981. С. 11–12; Петрухин И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. М., 1985. С. 89; Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. М. 1951. С. 212; Михайлов В.А. Меры пресечения в российском уголовном процессе. М., 1996. С. 121; Рыжаков А.П. Меры пресечения. М., 1996. С. 76; Громов Н.А. Уголовный процесс России. М., 1998. С. 75.

¹³⁴ См.: Люблинский П.И. Меры пресечения. М., 1926. С. 3–4; Лузгин И.М. Методологические проблемы расследования. М., 1973. С. 194–195; Капинус Н.И. Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09. М., 2001. С. 37; Писарев А.В. Производство следственных действий, ограничивающих право граждан на личную неприкосновенность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Омск, 2002. С. 19.

¹³⁵ См.: Чувилев А.А. Правомерность, содержание и пределы принуждения при производстве следственных действий // Правовое принуждение в борьбе с преступностью. М., 1989. С. 46–47.

¹³⁶ См.: Ефимичев С.П. Уголовно-процессуальное принуждение и место мер пресечения в решении задач предварительного расследования // Уголовно-процессуальное принуждение и ответственность, их место в решении задач предварительного расследования. Волгоград, 1987. С. 22–32; Писарев А.В. Производство следственных действий, ограничивающих право граждан на личную неприкосновенность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Омск, 2002. С. 9.

главах уголовно-процессуального законодательства, что и меры принуждения, связанные с лишением свободы. Так, в ч. 4 «Меры обеспечения» Закона об уголовной процедуре Турции законодателем, наряду с задержанием, заключением под стражу или помещением под меры судебного контроля подозреваемого (подсудимого) в совершении преступления, включены нормы о правилах производства обыска и изъятия, под которыми понимаются запросы и действия, сопутствующие обыску и выемке, а также контроля сообщений, осуществляемых посредством телекоммуникаций¹³⁷.

Весьма обстоятельно институт следственных действий регулирует УПК Швейцарии, рассматривая их как основной способ получения доказательств. Однако следственные действия и меры процессуального принуждения разграничиваются нечетко. Так, следственные действия, направленные на получение доказательств (допрос, очная ставка, экспертиза и осмотр), законодатель поместил в титул 4 «Доказательства». В то же время титул 5 «Меры принуждения», помимо мер принуждения (задержания; заключения под стражу и альтернативных мер принуждения: залога, изъятие документов, удостоверяющих личность или официальных бумаг, возложение обязательства находиться только одному или с кем-либо в определенном месте или доме, запрет вступать в контакты с конкретными лицами, регулярно отмечаться в соответствующих органах, выполнять определенную работу, подвергнуться медицинскому лечению или контролю), регламентирует порядок производства обыска и обследования, ДНК-анализа, уголовной регистрации, изъятия образцов почерка и речи, выемки, тайного наблюдения¹³⁸.

В уголовном процессе Австрии законодатель предусматривает средства процессуального принуждения, под которыми понимаются способы правового регулирования, направленные на получение и сохранение доказательств либо на обеспечение надлежащего поведения обвиняемого в уголовном процессе. В зависимости от их значимости и процессуальной цели меры процессуального принуждения подразделяются на две основные группы: 1) средства, обеспечивающие неуклонение от участия в процессе обвиняемого, установление исти-

---

¹³⁷ См.: Григорьев В.Н., Сумин А.А. Введение в уголовный процесс Турции: монография. М., 2018. С. 13–14.

¹³⁸ См.: Трефилов А.А. Организация досудебного производства по УПК Швейцарии 2007 года: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 2014. С. 143, 161–162; Самарин В.И. Уголовный процесс европейских государств: монография / под ред. В.И. Самарина, В.В. Луцка. М. 2018. С. 229–235.

ны по делу, а также препятствующие обвиняемому в совершении новых преступлений (розыск лица, временное задержание, предварительное заключение, предварительное оказание помощи условно осужденному, залог); 2) средства, направленные на получение и сохранение доказательственного материала и вещественных доказательств (предметов, вещей), которые подлежат изъятию и конфискации (меры по обеспечению сохранности предметов (предварительное обоснование владельцем права на распоряжение каким-либо предметом или предварительный запрет передачи предметов и другого имущества третьим лицам, а также их отчуждения и передачи под залог); выемка; истребование справки о банковских счетах и банковских операциях; установление личности; обыск мест и предметов; личный обыск; телесное исследование; молекулярно-генетическое исследование; тайное наблюдение за поведением лица; проведение расследования с использованием сотрудников уголовной полиции под прикрытием (тайное расследование); мнимая сделка; выемка корреспонденции; истребование справки в учреждениях, оказывающих телекоммуникационные услуги; контроль телекоммуникации; оптический и акустический контроль; сравнение данных). Данную группу средств принудительного характера законодатель поместил в единую главу «Следственные мероприятия и собирание доказательств»¹³⁹.

Представляется, что следственные действия мерами процессуального принуждения в любом случае являться не могут ввиду различий в непосредственных целях первых и вторых¹⁴⁰. Мало того, собственно следственные действия вообще не могут быть включены в систему процессуального принуждения, поскольку не отвечают рассмотренным выше характеристикам последнего. В процессуальной литературе, определяя следственные действия, достаточно часто в числе их признаков указывают на сопряженность следственного действия с принуждением в ходе его производства или для его обеспечения¹⁴¹. Другие авторы не считают, что принуждение – обязательный

---

¹³⁹ Самарин В.И. Уголовный процесс европейских государств: монография / под ред. В.И. Самарина, В.В. Луцка. М. 2018. С. 172–184.

¹⁴⁰ См.: Капинус Н.И. Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09. М., 2001. С. 37; Писарев А.В. Производство следственных действий, ограничивающих право граждан на личную неприкосновенность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Омск, 2002. С. 19.

¹⁴¹ См.: Победкин А.В., Яшин В.Н. Следственные действия: монография. М., 2016. С. 17.

признак следственного действия¹⁴². А.В. Победкин и В.Н. Яшин указывают, что возможность принуждения при производстве следственных действий обусловлена их детальной процессуальной формой, обеспечивающей, в отличие от иных процессуальных способов собирания доказательств, права и законные интересы человека, подвергаемого принуждению¹⁴³. Однако сущность следственных действий состоит в том, что они – выражение активной познавательной деятельности должностного лица, осуществляющего производство по уголовному делу, основанной на общенаучных методах познания (наблюдение, моделирование, сравнение и др.), сопровождаемая комплексом удостоверительных операций¹⁴⁴. Процессуальное принуждение выражается в воздействии посредством различных методов на участников уголовного судопроизводства в целях обеспечения их поведения, необходимого для решения тех или иных задач уголовного судопроизводства при недостаточности убеждения. В этой связи принуждение, несомненно, может и должно применяться для обеспечения получения доказательств в ходе следственных действий. Однако, выражаясь в конкретных процессуальных действиях (средствах принудительного характера: например, вскрытие запертых помещений при производстве обыска, если владелец отказывается добровольно их открыть – ч. 6 ст. 182 УПК РФ), оно не является частью следственного действия, а представляет собой самостоятельное средство принудительного характера, применяемое для обеспечения эффективности производства следственного действия, т.е. в его содержание не входит и принудительность следственному действию не придает.

Относительно приведенной выше позиции А.А. Чувилева, предлагавшего дифференцированный подход к возможности считать следственное действие мерой процессуального принуждения, заметим, что даже разъяснение следователем свидетелю, потерпевшему ответственности, предусмотренной ст. 307 и 308 УК, не позволяет говорить о принудительном характере следственного действия: принудительным является само принудительное средство – разъяснение

---

¹⁴² См.: Быков В.М., Ткачева Н.В. Принуждение при производстве следственных действий // Право и политика. 2005. № 5. С. 137–138; Шурухнов Н.Г. Классификация следственных действий, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвуз. сб. науч. трудов / под ред. В.А. Лазаревой. Самара: Самарский гос. ун-тет, 2010. Вып. 5. С. 263–264.

¹⁴³ См.: Победкин А.В., Яшин В.Н. Следственные действия: монография. М., 2016. С. 15.

¹⁴⁴ См.: Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. Самара, 2004. С. 12–40.

возможной ответственности за ненадлежащее поведение¹⁴⁵, а не следственное действие.

При этом, конечно, следует согласиться с С.А. Шейфером, что любое следственное действие опирается на принуждение, которое сопутствует правовым обязанностям его участников и служит гарантией выполнения этих обязанностей¹⁴⁶, однако опираться на принуждение – не значит быть мерой принуждения или иным средством принудительного характера.

Собственно, такой подход применим к соотношению средств принудительного характера и иных процессуальных действий, в ходе которых эти средства могут применяться. Например, принятие следователем решения об окончании ознакомления с материалами уголовного дела обвиняемого, в случае когда последний без уважительных причин не ознакомился с материалами уголовного дела в установленный судом срок (ч. 3 ст. 127 УПК РФ), не означает, что ознакомление с материалами уголовного дела носит принудительный характер. Принудительность в данном случае присуща конкретному средству – установлению судом срока ознакомления и прекращению ознакомления в случае игнорирования обвиняемым требования суда. Или, например, ограничение во времени трансляции судебного заседания по радио, телевидению или в информационно-телекоммуникационной сети Интернет не означает принудительность судебного заседания, а является самостоятельной мерой, обеспечивающей порядок судебного заседания или безопасность его участников (ч. 5 ст. 257 УПК РФ).

Таким образом, принудительность не может быть характеристикой никаких иных процессуальных средств, кроме средств процессуального принуждения, применяемых в целях обеспечения эффективной реализации самых различных процессуальных действий.

Что же касается круга следственных действий, при которых могут быть применены средства принудительного характера¹⁴⁷, то по этому вопросу в настоящее время в науке уголовного процесса не существует

---

¹⁴⁵ См.: Россинский С.Б. Понятие и сущность следственных действий в уголовном судопроизводстве: дискуссия продолжается // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 2. С. 16–31; Он же. Дискуссия о сущности и правовой природе задержания подозреваемого продолжается // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 6. С. 134–146.

¹⁴⁶ См.: Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. Самара, 2004. С. 106.

¹⁴⁷ Далее автор будет исходить из обозначенной позиции, согласно которой принуждение, применяемое в ходе производства следственных действий, не является характеристикой принудительного характера следственного действия, а представляет собой выражение применения конкретного и самостоятельного средства принудительного характера, хотя авторы, позиции которых рассматриваются выше, относительно самой возможности считать следственное действие принудительным, имеют различные взгляды.

единой точки зрения. По мнению И.М. Лузгина, элементы принуждения содержат лишь некоторые следственные действия, такие как обыск, освидетельствование, получение образцов для сравнительного исследования¹⁴⁸. Н.И. Капинус стоит фактически на тех же позициях, усматривая принуждение только в тех следственных действиях, для производства которых необходимо вынесение постановления следователя либо определения суда¹⁴⁹. Ф.М. Кудин априори не считает принудительными допрос и предъявление для опознания, в то время как для других следственных действий принуждение вполне допускал. Уважаемый автор настаивал, что принуждение – не только обязывание лица к определённому поведению, а лишь то, которое стесняет права личности, обеспечивая выполнение обязанности. В этой связи, по мнению Ф.М. Кудина, при допросе и предъявлении для опознания принуждения нет. Если же его применять, то это чревато отрицательными последствиями¹⁵⁰. На тех же позициях стоит Г.П. Ивлиев, отмечающий, что допрос, опознание и следственный эксперимент не могут считаться принудительными процессуальными действиями, так как получить сведения об известных допрашиваемому обстоятельствах дела нельзя, помимо его воли и желания¹⁵¹. Т.Б. Гараева предлагает регламентировать применение принуждения при производстве следственных следующим образом: 1) осуществить правовое регулирование общих положений их применения в гл. 14 УПК РФ; 2) внести изменения и дополнения, конкретизирующие меры принуждения при производстве отдельных следственных и процессуальных действий¹⁵².

Напомним, что И.Л. Петрухин считал, что некоторые следственные действия, ограничивающие права и свободы подозреваемого, обвиняемого, их близких, родственников, нельзя отнести к мерам процессуального принуждения в тех случаях, когда их проведение согласуется с волей этих лиц или даже выгодно им, например, в целях получения оправдательных доказательств. Соответственно, он полагает, что принуждения в таких случаях нет, поскольку действия проводят-

---

¹⁴⁸ См.: Лузгин И.М. Методологические проблемы расследования. М., 1973. С. 194–195.

¹⁴⁹ См.: Капинус Н.И. Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09. М., 2001. С. 37.

¹⁵⁰ См.: Кудин Ф.М. Принуждение в уголовном судопроизводстве. Красноярск, 1985. С. 67–68.

¹⁵¹ См.: Ивлиев Г.П. Основания применения мер процессуального принуждения: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 1986. С. 35.

¹⁵² См.: Гараева Т.Б. Основания применения иных мер уголовно-процессуального принуждения: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Омск, 2021. С. 33.

ся согласно желанию лица, а не вопреки его воле¹⁵³. Разделяя позицию И.Л. Петрухина относительно принуждения в уголовном процессе как действий, обеспечивающих выполнение действий вопреки воле и желанию лица, отметим, что, если и допускать принудительный характер следственных действий, то не во всех случаях, даже для одного и того же действия: оно может считаться либо как действие соответствующее желаниям и интересам данного субъекта (непринудительное), либо как мера процессуального принуждения, т.е. производимое вопреки желанию и воле субъекта, подвергаемого принуждению.

Из этого следует, что согласно критерию, предложенному И.Л. Петрухиным¹⁵⁴, любые меры могут быть и принудительными, и непринудительными. Это значит, что все средства принудительного характера в уголовном судопроизводстве принудительны лишь потенциально, «извне»¹⁵⁵, если их применение подавляет волю лица. Средства принудительного характера приводят к реальному принуждению лишь в случаях, когда именно их применение обеспечивает правомерное поведение лица, в противном случае использование средства принудительного характера (например, разъяснение ответственности, предусмотренной ст. 307, 308 УК РФ при добровольном соблюдении потерпевшим, свидетелем обязанностей в части дачи показаний) является гарантией, имеющей потенциальное значение.

При этом следственные действия могут сочетаться с некоторыми средствами принудительного характера, если необходимо принудить лицо к выполнению процессуальной обязанности. Однако сами следственные действия к принуждению отношения не имеют, у них другие цели, обеспечиваемые соответствующей познавательной процедурой.

Представляется, что широкое понимание процессуального принуждения создает основу для полноценной защиты прав и свобод участников уголовного судопроизводства, необоснованно подвергнутых действию средств принудительного характера. Из правовой позиции Конституционного Суда¹⁵⁶ следует, что лицо имеет право на

---

¹⁵³ См.: Петрухин И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. М., 1985. С. 48.

¹⁵⁴ См.: Петрухин И.Л. Человек и власть (в сфере борьбы с преступностью). М., 1999. С. 49.

¹⁵⁵ Россинский С.Б. Еще раз о понятии и сущности следственных действий в уголовном судопроизводстве: дискуссия не закончена // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 1. С. 74–83.

¹⁵⁶ См.: По делу о проверке конституционности положений статей 1070 и 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 22 Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» в связи с жалобой гражданки А.: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 29 нояб. 2019 г. № 38-П // Рос. газ. 2019. № 227.

возмещение вреда при применении меры принуждения, являющейся таковой по сути, вне зависимости от того, отнесена ли формально эта мера к таковым положениями УПК РФ. В этой связи целесообразно использовать термин «средства принудительного характера», поскольку термин «меры принуждения» прочно связывается правоприменительной практикой только с теми, которые указаны в разделе IV УПК РФ (хотя должен прочно связываться по каким-то определённым основаниям).

По какой причине меры принуждения из раздела IV УПК РФ называются мерами принуждения, а иные действия принудительного характера, которые сопровождают следственные действия, средствами принудительного характера? Лишь по причине того, что первые имеют детальную процессуальную форму, т.е. подробно регламентируются (по примеру того, как следственные действия разграничиваются с иными способами собирания доказательств), тогда как иные средства принудительного характера (например, применяемые при производстве следственных действий) только предусмотрены, но не регламентированы.

Остается открытым вопрос о статусе средств принудительного характера, которые не включены в гл. 12–14 УПК РФ. Могут ли они быть отнесены к «иным» мерам процессуального принуждения? Являются ли вообще мерами принуждения или к ним точнее применение термина «средства принудительного характера»? Позволительно ли применять получение образцов для сравнительного исследования не только для назначения судебной экспертизы (с нормами, о производстве которых технически связана ст. 202 УПК РФ), но, допустим, в целях получения заключения специалиста? В чем смысл системной связи эксгумации с осмотром, если потребность в ней может возникнуть и для назначения судебной экспертизы, и для предъявления трупа для опознания? Примеры вопросов, актуальных для правоприменения, можно продолжать, и они связаны с местом нахождения нормы в системе норм процессуального права.

На какие же теоретические воззрения опирался законодатель, классифицируя меры принуждения подобным образом? Недостатка в таких, как отмечалось выше, нет¹⁵⁷.

В 2003 г. Е.Г. Васильевой были достаточно полно обобщены доктринальные классификации, нашедшие отражение в юридической литературе как советского, так и российского периодов¹⁵⁸. Наиболее распространенной стала классификация **по целям применения**.

---

¹⁵⁷ См.: Васильева Е.Г. Меры уголовно-процессуального принуждения: монография. Уфа, 2003. С. 20.

¹⁵⁸ См.: Там же. С. 20–27.

1 группа – меры, гарантирующие собирание доказательств, наличие которой признают И.Л. Петрухин¹⁵⁹, В.А. Михайлов¹⁶⁰, З.З. Зинатуллин¹⁶¹, Н.А. Громов¹⁶², А.П. Рыжаков¹⁶³, М.А. Чельцов¹⁶⁴, П.М. Давыдов¹⁶⁵, Ю.Д. Лившиц¹⁶⁶, В.М. Корнуков¹⁶⁷, А.И. Трусов¹⁶⁸. З.Ф. Коврига считает, что это «меры обеспечения», и включает сюда же наложение ареста на имущество¹⁶⁹. Подчеркнем, средства принудительного характера при производстве следственных действий, конечно, применяются, однако они не являются самими следственными действиями, а используются для обеспечения их эффективности.

2 группа – меры, применяемые в целях исключения или предупреждения препятствий в ходе уголовного судопроизводства (В.М. Корнуков, З.Ф. Коврига и др.) – меры пресечения, задержание, привод, отобрание обязательства о явке, отобрание обязательства о неразглашении данных предварительного следствия и которые, чаще всего, являются превентивными (предупреждающими) мерами, хотя меры пресечения могут носить и пресекающий характер.

При этом некоторые ученые (И.Л. Петрухин, В.И. Михайлов, Н.А. Громов, Ю.Д. Лившиц и др.) считают необходимым обособить меры, призванные предотвращать совершение преступлений (меры пресечения) в отдельную группу. М.А. Чельцов также считал нужным выделять меры пресечения в отдельную группу, однако по другой причине, ввиду того что они обеспечивают неуклонение обвиняемого от правосудия.

3 группа – меры, служащие обеспечением в части имущественных взысканий, исчерпываются по одной сути – наложение ареста на имущество (И.Л. Петрухин, В.А. Михайлов, Н.А. Громов, П.М. Давыдов, А.И. Трусов).

---

¹⁵⁹ См.: Петрухин И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. М., 1985. С. 3.

¹⁶⁰ См.: Михайлов В.А. Меры пресечения в российском уголовном процессе. М., 1996. С. 9–10.

¹⁶¹ См.: Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность. Казань, 1981. С. 12–13.

¹⁶² См.: Громов Н.А. Уголовный процесс России. М., 1998. С. 184–185.

¹⁶³ См.: Рыжаков А.П. Меры пресечения. М., 1997. С. 5.

¹⁶⁴ См.: Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. М., 1951. С. 212.

¹⁶⁵ См.: Давыдов П.М. Меры пресечения в советском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Л., 1953. С. 4.

¹⁶⁶ См.: Лившиц Ю.Д. Меры процессуального принуждения в советском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 1958. С. 5–6.

¹⁶⁷ См.: Корнуков В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1978. С. 25.

¹⁶⁸ См.: Уголовный процесс / под ред. К.Ф. Гуценко. М., 2001. С. 176.

¹⁶⁹ См.: Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж, 1975. С. 16–17.

По содержанию воздействия уголовно-процессуальное принуждение классифицируется учеными следующим образом:

- а) меры, ограничивающие право на свободу и неприкосновенность личности;
- б) меры, ограничивающие право неприкосновенности жилища и права личной собственности;
- в) меры, ограничивающие право на тайну переписки;
- г) меры, связанные с притеснением и ущемлением иных прав и интересов личности (З.Д. Еникеев)¹⁷⁰.

Либо:

- а) личные ограничения;
- б) ограничения имущественного характера;
- в) организационные ограничения (З.Ф. Коврига)¹⁷¹.

Из приведенных выше мнений обращает на себя внимание классификация З.Ф. Ковриги, с помощью которой меры процессуального принуждения разделены всего на две группы – **по целям применения**:

1) средства пресечения (меры пресечения, отобрание обязательства о явке, задержание, привод, розыск, этапирование, отстранение обвиняемого от должности, меры, принимаемые к нарушителям порядка в судебном заседании);

2) средства обеспечения (обыск, выемка, помещение обвиняемого или подозреваемого в медицинское учреждение, наложение ареста на имущество)¹⁷².

Заметим, что все вышеприведенные классификации, включая и классификацию З.Ф. Ковриги (например, наложение ареста на имущество может быть и средством пресечения, равно как и меры пресечения не всегда предупреждают, а иногда и пресекают), допускают смешение элементов классификационных групп и потому не могут считаться безупречными. Например, мерами, служащими для устранения возникших препятствий или тех, которые могут возникнуть, в ходе осуществления уголовного судопроизводства, вполне могут быть меры, служащие собиранию доказательств. Ограничения же имущественного характера неизбежно являются мерами организационной природы.

Споры между учеными-процессуалистами в части классификации мер принуждения не стихают и сегодня, невзирая на данную законо-

---

¹⁷⁰ См.: Еникеев З.Д. Меры процессуального принуждения в системе средств обеспечения обвинения и защиты. Уфа, 1978. С. 29.

¹⁷¹ См.: Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж, 1975. С. 21.

¹⁷² См.: Там же. С. 30–80.

дателем классификацию. Однако пока установить объективные критерии системы мер принуждения, как представляется, не удалось.

О.И. Цоколова усматривает такой критерий в **признаке принудительной изоляции обвиняемого, подозреваемого**, на основании чего, выделяет три группы: 1) меры принуждения, состоящие в принудительной изоляции подозреваемых и обвиняемых; 2) меры пресечения, не связанные с изоляцией; 3) иные меры процессуального принуждения¹⁷³.

Очевидно, однако, что все «иные» меры весьма разноплановы и также могут быть классифицированы.

В одной из последних работ, посвященных государственному принуждению, С.И. Вершинина критически оценила содержание и структуру УПК РФ и предложила модернизировать раздел IV «Меры процессуального принуждения» с учетом особенностей процессуальных статусов участников.

В первую группу предлагается включить меры принуждения, **применяемые к обвиняемым и подозреваемым**, также классифицируя ее на четыре подгруппы.

1. Превентивные меры принуждения, применяемые ко всем обвиняемым, подозреваемым:

а) меры психологического воздействия: обязательство о явке, подписка о невыезде (обязательство о надлежащем поведении);

б) меры имущественного воздействия: имущественное поручительство, залог;

в) меры физического воздействия: домашний арест, заключение под стражу.

2. Превентивные меры принуждения, применяемые к отдельным обвиняемым, подозреваемым: несовершеннолетним, военнослужащим к должностным лицам.

3. Меры принуждения, направленные на прекращение ненадлежащего поведения (привод, задержание, предупреждение, удаление из зала судебного заседания, изменение меры пресечения).

4. Меры принуждения, обеспечивающие возмещение ущерба: наложение ареста на имущество, взыскание процессуальных издержек.

Вторая группа, по взгляду С.И. Вершининой, состоит из мер принуждения, **применяемых к иным участникам судопроизводства** и состоящих в пресечении противоправного поведения (привод; преду-

---

¹⁷³ См.: Цоколова О.И. Теория и практика задержания, ареста и содержания под стражей в уголовном процессе: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09. М., 2007. С. 11.

прежде; удаление из зала судебного заседания; физическое пресечение противоправного поведения; меры процессуальной ответственности: денежное взыскание)¹⁷⁴.

Вряд ли столь сложная и громоздкая классификация может иметь выраженный практический смысл, тем более, что в ней очевидно слишком жестко и без достаточных оснований разграничиваются меры пресекательные и предупредительные. Кроме того, трудно уловить, в чем теоретический и практический смыслы классификации всех мер пресечения в зависимости от процессуального статуса участников, если ряд мер (наложение ареста на имущество, привод и др.) могут применяться как к подозреваемым, обвиняемым, так и к другим участникам судопроизводства.

Более простая, но не менее спорная, позиция Е.Г. Васильевой, которая различает две группы мер уголовно-процессуального принуждения:

1) те, которые содержат обязательное принуждение (задержание; меры пресечения, привод и меры уголовно-процессуальной ответственности);

2) те, которые можно считать принудительными потенциально (принудительные следственные действия, отобрание соответствующих подписок и предупреждение об ответственности)¹⁷⁵.

Безоговорочно с такой классификацией согласиться сложно. Меры принуждения и из первой, и из второй групп могут как применяться, так и не применяться в каждом конкретном случае. Кроме того, как было доказано выше, принуждение существует лишь в случае неисполнения обязанности добровольно.

Представляет интерес классификация И.Л. Петрухина, который разделил меры пресечения, предусмотренные УПК РСФСР 1960 г., на две группы:

1) фактически ограничивающие личную свободу граждан, включая свободу передвижения (заключение под стражу, подписка о невыезде, надзор администрации закрытого детского учреждения, наблюдение командования воинской части);

2) действующие только психологически, в том числе имущественные (залог, личное поручительство) и неимущественные (обще-

---

¹⁷⁴ См.: Вершинина С.И. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: нормативно-правовая природа и механизм функционирования: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09. Тольятти, 2017. С. 410–411.

¹⁷⁵ См.: Васильева Е.Г. Меры уголовно-процессуального принуждения. Уфа: Башкирск. ГУ, 2003. С. 23.

ственное поручительство, отдача несовершеннолетнего под присмотр)¹⁷⁶.

Данная классификация представляет интерес, поскольку вкупе с предложенной И.Л. Петрухиным иерархией мер пресечения по степени жесткости, ориентирует правоприменителя на применение адекватной меры пресечения. Однако эта классификация не охватывает иных, кроме мер пресечения, средств принудительного характера.

Заметим, что ранее нами приводились аргументы в пользу того, что любое средство принудительного характера, предусмотренное УПК РФ, всегда несет психологический элемент воздействия на участника уголовного процесса. Сама возможность применения принудительного средства стимулирует к законопослушному поведению, однако через принуждение, когда задача выполняется через страх как средство воздействия или как убеждение, когда участник судопроизводства выполняет обязанность, понимая необходимость правомерного поведения как собственный долг.

В этом смысле все средства принудительного характера, заложенные в УПК РФ, являются принудительными, если будут воздействовать на участника процесса через страх неблагоприятных последствий.

Справедливости ради, заметим, что некоторые специалисты считают представленную в законе систему мер принуждения вполне приемлемой. Так, Б.Б. Булатов пишет, что невозможно разместить в одном разделе максимальное число предусмотренных законом процессуальных принудительных средств, и видит две причины:

- 1) конструктивные особенности мер принуждения;
- 2) их содержательные особенности¹⁷⁷.

По мнению Т.Б. Гараевой, необходимо придерживаться традиционной классификации мер процессуального принуждения (задержание подозреваемого, меры пресечения, иные меры процессуального принуждения), и предлагает собственную классификацию «иных» мер процессуального принуждения:

- 1) превентивные принудительные меры (обязательство о явке, временное отстранение от должности, наложение ареста на имущество);
- 2) меры защиты (привод);
- 3) меры уголовно-процессуальной ответственности (денежное

---

¹⁷⁶ См.: Петрухин И.Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. М., 1989. С. 143.

¹⁷⁷ См.: Булатов Б.Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: монография. Омск, 2003. С. 42–43.

взыскание)¹⁷⁸.

Однако нами и не ставится вопрос о максимально возможном размещении в рамках одного раздела всех уголовно-процессуальных норм, регламентирующих применение принудительных средств. Речь о том, чтобы их классификация позволяла быть использованной для адекватного толкования положений УПК РФ в части целей, оснований и условий применения мер процессуального принуждения. «Иные» меры процессуального принуждения могут пониматься в узком смысле, т.е. охваченные гл. 14 УПК РФ, и в широком смысле – все другие, которые рассредоточены по тексту УПК РФ в несистематизированном виде. Выделение «иных» мер принуждения в узком смысле не имеет убедительных теоретических оснований и не оправдано с точки зрения оптимизации деятельности правоприменителя¹⁷⁹.

Ш.М. Магомедов видит в формировании института «иных» мер процессуального принуждения поступательное развитие общественных отношений, осознание необходимости обеспечить установленный порядок уголовного судопроизводства, надлежащего исполнения приговора при признании прав участников уголовного судопроизводства¹⁸⁰. Эта позиция, однако, не позволяет ответить на вопрос, для чего эти меры, как и все другие, направленные на обеспечение нормального хода уголовного судопроизводства, достижение его назначения должны быть сгруппированы в одной и именно этой главе УПК РФ.

Отправной позицией для классификации мер принуждения должен стать посыл, согласно которому принудительные средства всегда являются самостоятельными мерами, хотя и связанными с иными процессуальными мерами, прежде всего, теми, которые они обеспечивают. Это правило действует как для мер принуждения, предусмотренных в гл. 12–14 УПК РФ, так и для тех, которые в них не указаны (принуждение при производстве следственных действий, эксгумация, получение образцов для сравнительного исследования и др.). Соответственно, их самостоятельный характер позволяет определять место норм, их регламентирующих в системе положений уголовно-процессуального законодательства с учетом различных системных связей. В числе этих связей основной, на наш взгляд, должна стать

---

¹⁷⁸ См.: Гараева Т.Б. Основания применения иных мер уголовно-процессуального принуждения: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Омск, 2021. С. 44–45.

¹⁷⁹ См.: Манджиева Е.В. Классификация мер принуждения: от «смешанного» критерия к связи с объектом обеспечения // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 3. С. 154–165.

¹⁸⁰ См.: Магомедов Ш.М. Применение иных мер процессуального принуждения: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. СПб, 2020. С. 12.

связь между мерой принуждения и процессуальным действием (комплексом процессуальных действий), процессуальным решением, которое им обеспечивается. Такой подход позволит использовать место норм, регламентирующих применение конкретного средства принудительного характера, среди иных процессуальных норм и институтов для адекватного толкования ее целей, оснований, участников, в отношении которых она применяется, т.е. в целом для обеспечения законности процессуального принуждения. Не исключается размещение ряда норм, предусматривающих принуждение в главах, посвященных принципам, общим условиям предварительного расследования, судебного разбирательства, либо в нормах об общих правилах производства следственных действий, или в системе отдельных процессуальных институтов (например, привлечение в качестве обвиняемого и допрос обвиняемого, производство следственных действий участниками уголовного судопроизводства и т.д.). Главное, чтобы систематизация положений, предусматривающих применение мер процессуального принуждения (прежде всего, тех, которые сегодня именуется «иными»), позволяла понимать их цели, основания применения, связь с другими процессуальными действиями и решениями и разграничение их между собой.

Традиционно отдельной главой, вероятно, целесообразно урегулировать меры пресечения. Возможно выделение в разделе IV УПК РФ иных глав, однако содержащих меры процессуального принуждения, имеющие важные общие характеристики и значение для всего уголовного судопроизводства (общие правила применения процессуального принуждения, меры уголовно-процессуальной ответственности и др.).

Вектор систематизации средств принудительного характера в УПК РФ необходимо пересматривать, учитывая, что их классификация важна не сама по себе, а как значимое средство адекватного толкования процессуальных норм в целях законного и обоснованного применения принуждения в уголовном судопроизводстве.

Глава 2. Факторы систематизации средств принудительного характера в уголовно-процессуальном законодательстве России

§ 1. Становление средств принудительного характера как фактор их систематизации

Исторические вопросы формирования того или иного правового явления имеют большое научное и практическое значения. Невозможно понять современные процессы, происходящие в обществе, не познав причин их возникновения, значимых характеристик этапов становления. Широко известно замечание Г.В. Плеханова, согласно которому будущее способен предвидеть тот, кто познал прошлое¹⁸¹.

Содержание любого законодательства всегда социально и исторически обусловлено¹⁸², и особенно это касается уголовно-процессуального законодательства, которое представляет собой сферу наиболее острого реагирования государства на одну из наиболее опасных угроз национальной безопасности – преступности. В этой связи самый заметный индикатор позиции государства относительно жесткости реакции на угрозу преступности уголовно-процессуальными средствами – средства принудительного характера, рассмотренные выше.

Несмотря на то что средства принудительного характера мерами принуждения не исчерпываются, последние (за некоторыми исключениями) наиболее жестко ограничивают права личности, чем средства, предусмотренные в иных разделах и главах УПК РФ. Возможно, именно поэтому законодатель посчитал возможным объединить их в один раздел, поскольку иные объяснения, как будет доказано ниже, достаточно убедительными не являются.

Меры процессуального принуждения видятся как наиболее рельефный индикатор (ввиду их заметной жесткости и частоты применения) соотношения публичных и частных интересов в уголовном процессе и существенно различаются в зависимости от его типов. Как

---

¹⁸¹ См.: Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. М., 1956. Т. 1. С. 573.

¹⁸² См.: Васильева Е.Г. Меры уголовно-процессуального принуждения: монография. Уфа, 2003. С. 12.

справедливо отмечал И.Я. Фойницкий, «...В истории уголовного процесса энергия мер пресечения всегда стояла в обратном отношении с развитием гражданской свободы»¹⁸³, что вовсе не означает, что гражданская свобода всегда подавляется жесткими мерами пресечения. Гражданская свобода предполагает развитость гражданского общества, его институтов, а значит и его ответственность за социально одобряемое, законопослушное поведение. В случае если в обществе существует неразвитость нравственных начал, слабая социальная ответственность жителей страны, аморфность конструктивно настроенных институтов гражданского общества, недостаточно средств убеждения или игнорирования их, то ужесточение мер принуждения в законодательной или правоприменительной плоскостях и, в частности мер пресечения, – объяснимая реакция государства, призванного обеспечивать национальную безопасность.

Каждое государство имеет собственный исторический путь развития, свои исторические и духовные традиции, которые поддерживаются и развиваются народом и которые определяют содержание всех социальных институтов, включая правовые. Соответственно, система мер принуждения в уголовном судопроизводстве России развивалась в тесной связи с указанными традициями и общественно-политической обстановкой.

Система мер принуждения¹⁸⁴ в современной России обусловлена, с одной стороны, правовым опытом дореволюционной России (которым с конца прошлого века нередко и не без оснований стали апеллировать как едва ли непревзойденным по цивилизованности и эффективности¹⁸⁵), с другой – доказавшим свою действенность с учетом опыта советского уголовного судопроизводства¹⁸⁶, с третьей – особенностями духовно-нравственных основ российского общества, которые сформулированы на основе приоритета нравственного над материальным, развитости ощущения справедливости, истины, служения, долга, чести, милосердия и др.

Классификация многочисленных и разнообразных средств при-

---

¹⁸³ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. СПб., 1996. Т. II. С. 327.

¹⁸⁴ Считаю важным еще раз подчеркнуть, что под термином «меры принуждения» мы будем понимать только те, которые поименованы так законодателем и предусмотрены в разделе IV УПК РФ.

¹⁸⁵ См.: Гогель С.К. Судебные уставы 1864 г. Значение их в истории культуры. Силы, обеспечившие быстрый и успешный исход судебной реформы // Вопросы уголовного права, уголовного процесса и тюремного управления. СПб., 1906. С. 387.

¹⁸⁶ См.: Бушная Н.В. Проблемы применения мер процессуального принуждения в стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Волгоград, 2006. С. 13.

нудительного характера в уголовном процессе России имеет существенное теоретическое и правоприменительное значения. Проведенная по строгому критерию, в понятных целях, она не только позволяет ясно представлять особенности элементов, составляющих каждую классификационную группу, но и правильно ориентирует правоприменителя относительно цели, оснований применения средств принудительного характера, возможности их сочетания, а также участников судопроизводства, им подвергаемых. В этой связи и классификация мер принуждения, которой придерживается законодатель, имеет выраженное практическое значение, обеспечивает (или должна обеспечивать) законность и обоснованность применения мер принуждения для достижения законных целей и путем задействования оптимально необходимых средств.

Классификация – «распределение по группам, разрядам, классам»¹⁸⁷, однако не произвольное, а, как отмечал Ф. Энгельс, – согласно внутренне присущей классифицируемым явлениям последовательности, в основе которой должны лежать *естественные объективные связи и различия классифицируемых предметов и явлений* (курсив – Е.М.)¹⁸⁸. Обратим внимание на выделенные курсивом слова. Классификация явлений пусть даже в учебных целях, не говоря уже о законодательных, имеет смысл, только если она способствует уяснению сложного многоэлементного явления, правильно ориентирует изучающего или правоприменителя, отличается строгостью и не страдает весьма распространенным пороком: смешением различных критериев для разных групп в рамках одной классификации. Строго проведенная классификация мер принуждения, могла бы позволить установить не только место каждой из них в системе, но и связь их друг с другом, а также раскрыть их внутренние закономерности, отграничив при этом всю их систему в целом от систем иного рода¹⁸⁹.

Нами отмечалось ранее, что в 1910 г. И.Я. Фойницкий предпринимал попытку классификации средств принудительного характера в уголовном процессе применительно к тем, которые сейчас объединены в гл. 12–14 УПК РФ, «смотря по цели или назначению их»: меры обеспечения явки подсудимого и допрос его, а также меры обеспече-

---

¹⁸⁷ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2006. С. 276.

¹⁸⁸ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Полное собрание сочинений. М., 1961. Т. 20. С. 564–565.

¹⁸⁹ См.: Корнуков В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1978. С. 22–23.

ния судебного разбора¹⁹⁰. Как видно, меры принуждения ясно разделены И.Я. Фойницким по целям, причем не абстрактным, а конкретным, – они связаны с другими процессуальными действиями, которые этими принудительными мерами обеспечиваются. Заметим, что И.Я. Фойницкий к мерам принуждения относил и допрос обвиняемого, т.е. следственное действие в современном его понимании, видимо, усматривая принуждение не в самом допросе, а в мерах по его обеспечению.

Исторический метод, в том числе и при понимании уголовно-процессуального права, сам по себе не в полной мере эффективен, если он не сопрягается с другими научными методами, не учитывает уровень и развитость философских представлений о явлении в тот или иной период времени¹⁹¹.

Так, в первой половине XIX в. широкое распространение получила историческая школа права, которая во многом определяла и направления научных исследований в области права¹⁹².

Известный русский юрист А.Ф. Кони уделял значительное внимание истории развития уголовно-процессуального законодательства в России, понимая важность этих исследований для решения современных проблем. А.Ф. Кони считал, что законы об уголовном судопроизводстве, помимо своего значения как ряда действующих правил об отправлении уголовного правосудия, имеют значение историческое, показывают пути и степень развития народа, его готовность к восприятию господствующих форм и обрядов уголовного процесса; политическое (в смысле обеспечения личных прав и свободы, и степени ограничения самовластия органов правосудия, и произвола в способах отправления последнего) и этическое – развивают правосознание народа и обеспечивают проникновение в процессуальные правила нравственных начал¹⁹³.

Становление средств принудительного характера в широком смысле, поскольку наименование некоторых из них «иными мерами процессуального принуждения» – спорная новелла действующего уголовно-процессуального законодательства, о чем подробно написано в выше, – в уголовном судопроизводстве России определялось множеством причин,

---

¹⁹⁰ См.: Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. СПб., 1996. Т. II. С. 313–314.

¹⁹¹ См.: Волков Б.С. Методология исторического познания уголовного права // Два века юридической науки и образования в Казанском университете. Казань, 2004. С. 33.

¹⁹² См.: Разумовский И.П. Историческая школа права (определение). Энциклопедия государства и права / под ред. П.И. Стучки. М., 1925–1926. Т. 2. С. 299–302.

¹⁹³ См.: Кони А.Ф. История развития уголовно-процессуального законодательства в России. Собрание сочинений: в 8 т. / под ред. В.Г. Базанова и др. М., 1967. Т. 4. С. 317.

предпосылок, которые, в свою очередь, определялись не только развитием собственно процессуальных форм, но и, прежде всего, развитием государства¹⁹⁴.

По мнению Н.Л. Дювернуа, зарождение института принуждения можно усмотреть в Русской Правде XI в.¹⁹⁵, где использовалось понятие «поручника» (поручителя), который отвечал за явку ответчика в суд. На поручника перед ответчиком ложились последствия неявки. Поскольку в XIII–XIV вв. родовая община отвечала за своего члена, мерой принуждения можно считать поручительство общины или влиятельных людей, ответственность которых была больше имущественной, чем личной¹⁹⁶.

Поручительство, видоизменяясь, на протяжении всего периода развития уголовного судопроизводства оставалось одной из заметных мер принуждения психологического характера.

В Русской Правде активно происходит развитие не только уголовно-правовых, но и уголовно-процессуальных норм, возникают нормы об ордалиях¹⁹⁷. Ордалии – испытания железом, водой и пр. получают распространение в период наибольшего развития состязательного процесса обвинительного типа, чуть позже возникают сыск и розыск. В результате, ордалии стали уступать другим мерам принуждения: показаниям свидетеля, письменным доказательствам, повальному обыску и пытке¹⁹⁸. При этом, в отличие от действующего уголовно-процессуального законодательства России, принуждение при получении доказательств, в частности ордалиях, было не самостоятельным процессуальным средством, включающимся в случае необходимости, а сливалось с самим способом собирания доказательств, превращая его в средство принудительного характера.

Корни мер процессуального принуждения усматриваются в Псковской судной грамоте¹⁹⁹. В ней достаточно детально регламентирован вызов обвиняемого в суд, а также его привод посредством «позовника».

---

¹⁹⁴ См.: Михайлова О.Е. Иные меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Калининград, 2009. С. 11.

¹⁹⁵ См.: Дювернуа Н.Л. Антология юридической науки. Источники права и суд в Древней России. СПб., 2004. С. 172.

¹⁹⁶ См.: Люблинский П. И. Свобода личности в уголовном процессе. СПб., 1906. С. 212.

¹⁹⁷ См.: Никитина О.В. Сущность и значение судебного контроля при применении иных мер процессуального принуждения в досудебном производстве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Казань, 2006. С. 19; Клеандрова В.М., Чистяков О.И. Предисловие «Серафим Владимирович Юшков и его «Русская Правда» к книге Юшкова С.В. Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение / под ред. О.И. Чистякова. М., 2002. С. XX.

¹⁹⁸ См.: Юшков С.В. Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение / под ред. О.И. Чистякова. М., 2002. С. 83.

¹⁹⁹ См.: Лабутина И.К. Псков. Историческая справка. Псков, 2001. С. 23.

«Позовником» мог быть либо служащий, либо частный человек, которого нанимал истец. Позовник в церковно-административном центре той общины, к которой принадлежал обвиняемый, предъявлял вызываемому «позовницу» – акт, который оплачивался пошлиной²⁰⁰. Согласно указанной грамоте «...Пристав не только вызывает на суд, но может и «рисковать» или «сковать» великими полномочиями пристава, которым может быть простой псковитин» (ст. 55). При этом плата за привод удерживалась с преступника или с истца, если пристава не удалось установить вину лица, или найти его в указанном месте²⁰¹.

С учетом изложенного можно сделать вывод о том, что уже в XI–XIII вв. законодательство Руси содержало зачатки мер процессуального принуждения, которые сегодня именуется как «иные».

Меры процессуального принуждения продолжают развиваться в Новгородской судной грамоте, уставных грамотах наместничьего управления, губных и земских грамотах, указных грамотах, кормленных грамотах²⁰². В основном регламентации подвергались вопросы явки сторон и свидетелей. Явка могла обеспечиваться как самими сторонами, так и с помощью приставов «или людей посылати с приставами» (срочная грамота 1462–1470-х гг. по делу Ивана Ознобиши и Никифора Стольнича «О Земле Московской»). Поскольку публичность еще не в полной мере в тот период является характеристикой уголовного судопроизводства, некоторые документы определяют сроки явки сторон по соглашению, при достижении которого «не требовалась выдача великокняжеским приставом срочной грамоты». Иногда неявка ответчика означала проигрыш дела (Бессудная Грамота Великого князя Ивана III)²⁰³.

В конце XV в. в Москве ведутся работы по подготовке сборника законов, в результате которых в 1497 г. издается Судебник («Законы великого князя Иоанна Васильевича»), посвященный в большей мере организации центрального и местного управления, суда (первая и вторая части), материальному и гражданскому праву (третья часть), а также содержит нормы уголовно-процессуального характера. Примечательно, что этот документ недвусмысленно вводит розыскное начало в борьбе с «ведомыми лихими людьми»²⁰⁴. Активно применяются задержание,

---

²⁰⁰ См.: Михайлова О.Е. Иные меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Владимир, 2009. С. 13.

²⁰¹ См.: Там же.

²⁰² См.: Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1984. Т. 2.

²⁰³ См.: Михайлова О.Е. Иные меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Владимир, 2009. С. 13–14.

²⁰⁴ Там же. С. 14.

«облихование», крестное целование, пытка, повальный обыск (для выявления характеристики человека, на которого показали люди)²⁰⁵.

Как видим, производство розыска и применение принуждения, включая урегулированную легально пытку, заняли прочное место в процессе по делам о преступлениях.

Однако Судебник 1497 г. ввел розыскной процесс не в полной мере. По уголовным делам о менее тяжких преступлениях сохранялись старые порядки: неявка в суд обвинителя влекла прекращение дела, неявка ответчика (обвиняемого) – признание его виновным²⁰⁶. При этом ответчики должны были называть поручителей, которые обязывались гарантировать явку ответчика в суд²⁰⁷.

По Судебнику 1550 г. розыскное начало начинает превалировать: стержневые методы доказывания – обыск (расспрос) и пытка²⁰⁸. Всех, кого «облихуют» при обыске, до суда лишали свободы²⁰⁹.

Последовательно государство взяло на себя функцию уголовного преследования и разрешения дела²¹⁰. При допросах пытка стала обычным, действенным средством принуждения, однако применявшимся при определённых основаниях и в установленном порядке, а если обвиняемый получал характеристику «лихого» человека, то он в любом случае допрашивался с применением пытки. Если под пыткой обвиняемый признавался, то его казнили, а если нет («не скажет на себя сам»), то пожизненно заключали в тюрьму с обязательным возмещением за его счет иска²¹¹. Пытка долгие годы является на Руси легальным средством принудительного характера, однако направлена фактически не на выявление реальных обстоятельств, а на получение формального результата, позволяющего разрешить уголовное дело. А.С. Александров называет пытку своеобразной культурой отечественного уголовного судопроизводства²¹², окончательно преодолеть

---

²⁰⁵ См.: Чельцов-Бебутов М.А. Курс советского уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. М., 1957. Т. 1. С. 659–660.

²⁰⁶ См.: Там же. С. 660.

²⁰⁷ См.: Михайлова О.Е. Иные меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Владимир, 2009. С. 15.

²⁰⁸ См.: Гайнов И.Д. Механизм реализации мер уголовно-процессуального принуждения: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Казань, 2010. С. 19.

²⁰⁹ См.: Там же.

²¹⁰ См.: Новиков С.А. Показания обвиняемого в современном уголовном процессе России. СПб., 2004. С. 18.

²¹¹ См.: Там же. С. 19.

²¹² См.: Александров А.С. Пытка как реальность современного уголовного процесса (сатирическая зарисовка) // Практическое законоискусство. 2008. № 1. С. 27–34.

которую в стремлении получить показания обвиняемого, признающего свою вину, не удалось до настоящего времени.

Мы же еще раз подчеркнем, что жесткость и разнообразие средств принудительного характера в уголовном судопроизводстве напрямую зависят от развитости средств воспитания и убеждения.

Таким образом, в эпоху Ивана Грозного состязательный и розыскной порядок существуют совместно как для гражданского, так и для уголовного суд²¹³. Меры принуждения достаточно жестки и состоят в основном в ограничении или лишении свободы, иные меры применяются нечасто (в частности, поруки). Обыски и выемки производились должностным лицом по собственному усмотрению «в случае основательного подозрения»²¹⁴. К сожалению, данная традиция привлекательности самых жестких мер процессуального принуждения сохраняется и сегодня.

В 1649 г. было принято Соборное уложение, которое, будучи кодексом, исторически и логически служило продолжением Русской Правды и Судебников, однако соответствовало более высокому уровню развития государства, производственных, социальных отношений, политической системы²¹⁵. Розыскной процесс начинает серьезно подавлять состязательный (обвинительный).

При обвинительном процессе большую роль играла договоренность сторон, в том числе и по вопросам явки к судье. Судья мог, однако, взять «ставочные, поручные записи» о том, что им (сторонам – Е.М.) «до вершения дела без указа с Москвы не съезжать» (ст. 123). Усматриваем в этом зарождение такой меры пресечения как подписка о невыезде.

При розыском процессе подозреваемого «в душегубстве, разбое, татьбе» помещали в тюрьму, однако допускалась и порука. Хотя по общему правилу применялось именно помещение в тюрьму на длительные сроки. По государственным преступлениям задержание становится обязательной мерой²¹⁶. В Соборном уложении упоминается и о доставке неявившегося лица в суд посредством привода, и наказа-

---

²¹³ См.: Хрестоматия по уголовному процессу России / авт.-сост. проф. Э.Ф. Куцова. М., 1999. С. 30.

²¹⁴ Виленский Б.В. Российское законодательство X–XX вв. М., 1991. Т. 8. С. 303.

²¹⁵ См.: Гайнов И.Д. Механизм реализации мер уголовно-процессуального принуждения: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Казань, 2010. С. 20.

²¹⁶ См.: Михайлова О.Е. Иные меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Владимир, 2009. С. 16.

ние в виде битья батогами (ст. 119)²¹⁷.

Реформирование судопроизводства при Петре I состоит в том, что остатки обвинительного (состязательного) судопроизводства уходят в прошлое. Содержание под стражей, соответственно, остается основной мерой принуждения²¹⁸.

При Екатерине II делаются попытки внедрить в уголовный процесс отдельные принципы, провозглашаемые мыслителями европейского Просвещения. В частности обозначалось, что меры уголовно-процессуального принуждения и меры уголовного наказания имеют разные цели, в связи с чем содержание обвиняемого под стражей до суда по возможности следует сокращать. Однако сроки содержания под стражей продолжали оставаться длительными²¹⁹. По состоянию на 1825 г. в России насчитывалось 127 тыс. следственных арестантов²²⁰. Заметим, что после царствования Екатерины II ситуация не изменилась в лучшую сторону²²¹.

Некоторые черты гуманизации прослеживаются в уголовном судопроизводстве в начале XIX в.²²². Александр I официально отменяет пытку, хотя она применяется и далее. П.И. Люблинский пишет: «Обращение с заключенными было гуманное. Их нельзя было заковывать в ручные кандалы, плотно прилегающие к телу, но в крайнем случае – в кандалы просторные, от которых не испытывается боли. В тюрьмах следили за раздельным содержанием лиц разного пола»²²³.

Принятый в 1832 г. Свод законов Российской Империи (далее – Свод 1832 г.) является официальным собранием действующих законодательных актов Российской Империи, принятых в период с 1649 г. по 1831 г., расположенных в тематическом порядке, в котором были подведены итоги многолетней законодательной работе, что позволило четко определить существующие проблемы действующего законодательства и определить пути его дальнейшего совершенствования.

В статьях Свода 1832 г., посвященных регламентации предвари-

---

²¹⁷ См.: Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1984. Т. 2. С. 113.

²¹⁸ См.: Гайнов И.Д. Механизм реализации мер уголовно-процессуального принуждения: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Казань, 2010. С. 21.

²¹⁹ См.: Там же. С. 22.

²²⁰ См.: Петрухин И.Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе // Институт государства и права. М., 1989. С. 132.

²²¹ См.: Гайнов И.Д. Механизм реализации мер уголовно-процессуального принуждения: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Казань, 2010. С. 22.

²²² См.: Там же. С. 23.

²²³ Люблинский П.И. Свобода личности в уголовном процессе. СПб., 1906. С. 66.

тельного расследования, также регулировались вопросы применения мер принуждения. Невзирая на то что по ряду опасных преступлений жесткость мер пресечения не уступала прежним временам, лица задерживались, заключались под стражу; тем не менее, законодатель предусматривал определенные гарантии, которые состояли в обязанности следственных органов рассматривать улики по таким делам «со всевозможной осмотрительностью, под опасением взыскания в пользу обиженного бесчестия и причиненных ему убытков, если он взят будет незаконно и неделно» (ст. 977)²²⁴.

А.Ф. Кистяковский справедливо отметил, что издание Свода законов есть важная эпоха в истории нашего законодательства вообще и судопроизводства, в частности. Однако он же сетовал по поводу того, что Свод законов не установил правил, согласно которым применение принудительных мер определялось бы точно описанными основаниями, а не произвольными решениями судей и полиции. Иначе говоря, А.Ф. Кистяковский делал вывод, что главные недостатки, которыми российские законы страдали до издания Свода – неопределенность и непоследовательность, по-прежнему остались свойственны законодательству, в том числе и потому, что Свод, в отличие от кодекса, только систематизировал законы, вобрав в себя их недостатки²²⁵.

Следует заметить, что до принятия Устава средства принудительного характера в основном сводились к тем, которые сегодня именуются мерами пресечения, за исключением привода и ряда принудительных мер, связанных с получением доказательств. В целом это объяснялось достаточной узостью задач, стоящих перед уголовным процессом, неразвитостью представлений о значимости убеждения, которое в том числе может выражаться в разъяснении возможности применения принудительных мер разного уровня жесткости в целях добиться добровольного исполнения обязанностей.

Бесспорно, Свод 1832 г. был достаточно передовым для своего времени, хотя бы по той причине, что в нем впервые на законодательном уровне введены понятие и система «мер пресечения» (ст. 876, т. XV): содержание в тюрьме и при полиции, домашний

---

²²⁴ Михайлова О.Е. Иные меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Владимир, 2009. С. 16.

²²⁵ См.: Кистяковский А.Ф. О пресечении обвиняемому способов уклоняться от следствия и суда. СПб., 1868. С. 107; Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. СПб., 1914. С. 320.

арест, полицейский надзор, отдача на поруки²²⁶, а также основания и условия их избрания²²⁷.

Разумеется, что в обозначенный временной период никакие отчеты в части применения каких-либо мер принуждения не составлялись, за исключением такой меры пресечения, как содержание под стражей, которая была основной мерой пресечения в этот период времени. В России следственно-арестованных насчитывалось: в 1853 г. – 339 831 человек (485 человек – на каждые сто тысяч населения), в 1860 г. – 331 293 человек (447 человек – на каждые сто тысяч населения)²²⁸. Тогда заключение под стражу применялось, несмотря на некоторую регламентацию оснований и условий, даже не столько для того чтобы исключить побег или уклонение обвиняемого от производства, а для внушения ему страха, получения признательных показаний, что во многом определялось жестоким и бесчеловечным режимом содержания. В связи с чем, А.Ф. Кистяковский справедливо отмечал: «Об этом нельзя не пожалеть, тем более что разрешение вопроса об относительной применяемости каждой из четырех мер могло бы бросить свет на всю систему мер пресечения»²²⁹.

Отметим, что впервые термин «принуждение» в уголовном законодательстве России встречается в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (далее – Уложение). Уложение характеризовалось заметным усилением ответственности лиц, вызываемых в суд. К примеру, присяжные заседатели за неявку в суд без уважительных причин подвергались денежному взысканию в первый и во второй разы от 10 до 200 руб., а в третий – предавались суду и подвергались ответственности согласно ст. 414 Уложения²³⁰.

Позднее принуждение как понятие употребляется в Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1885 г. (п. 1 ст. 142² гл. 11 «Об оскорблении чести, угрозах и насилии» отделения второго «Об угрозах и насилии») – «... принуждение посредством...отлучения от общения»²³¹.

В Наказе полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступление либо проступок (далее –

---

²²⁶ См.: Люблинский П.И. Свобода личности в уголовном процессе. СПб., 1906. С. 240.

²²⁷ См.: Виленский Б.В. Российское законодательство X–XX вв. М., 1991. Т. 8. С. 99.

²²⁸ См.: Кистяковский А.Ф. О пресечении обвиняемому способов уклоняться от следствия и суда. СПб., 1868. С. 110.

²²⁹ Там же. С. 107.

²³⁰ См.: Викторский С.И. Русский уголовный процесс. М., 1911. С. 330–334.

²³¹ Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями // Интернет-портал Республики Беларусь «Pravo.ru» (дата обращения: 20.02.2022).

Наказ полиции), утвержденном Указом императора Александра II от 8 июня 1860 г., значительная часть посвящена вопросам применения мер принуждения. Полиция, в случае производства ею дознания, имела право арестовывать или задерживать подозреваемых в совершении преступлений, за которые по закону полагалось лишение всех прав состояния или потеря всех личных привилегий²³². В иных случаях у подозреваемого отбиралась только подписка о явке по первому требованию к следователю или в суд (ст. 16 Наказа полиции).

Согласно Наказу судебным следователям, утвержденному Указом Александра II от 8 июня 1860 г., следователь при наличии каких-либо доказательств виновности лица в совершении преступления имел право вызвать или же доставить посредством привода заподозренное лицо для допроса, по результатам которого следователь определял меру пресечения подозреваемому²³³.

Н.Н. Розин констатировал, что Свод законов ситуацию полицейского произвола, смешения полицейских и судебных мер, минимальные возможности обжалования принудительных мер, которая существовала и столетие назад, не исправил, а снова закрепил. Кардинально иначе эти вопросы решались Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – Устав), хотя следы старого порядка еще долго проявлялись и в новом²³⁴.

И хотя в целом система мер принудительного характера в отечественном уголовном процессе имела достаточно стабильное ядро, начиная с Устава, общественный строй не мог не влиять на систему, существо указанных мер и их распространенность.

Наиболее ярко связь средств принудительного характера в уголовном судопроизводстве с характером общественных производственных отношений проявляется применительно к мерам пресечения, поскольку именно они длительное время составляли единственное, относительно систематизированное законодателем ядро принудительных мер.

Так, Устав, который определил дальнейшее развитие отечественного уголовного судопроизводства вплоть до настоящего времени, предусматривал такие меры пресечения, как отобрание вида на жи-

---

²³² См.: Наказ полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступление либо проступок // Правила и формы для производства следствий (по Судебным уставам 20 ноября 1864 г.). СПб., 1870. С. 314–322.

²³³ См.: Козловский Н.А. Подозрение в советском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Свердловск, 1989. С. 23.

²³⁴ См.: Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. Рига, 1924. С. 320.

тельство или обязательство подпиской о явке к следствию и неотлучке с места жительства, отдача под особый надзор полиции, отдача на поруки, взятие залога, домашний арест и взятие под стражу²³⁵. Перечень мер пресечения, указанный в Уставе, резко отличается от мер, предусматривавшихся ранее, т.е. в уголовном судопроизводстве с розыскными начальниками, где основной мерой пресечения был арест с последующим содержанием под стражей преимущественно в тюрьмах совместно с лицами, отбывающими уже назначенное наказание. В результате Судебной реформы начала 60-х гг. XIX вв, придавшей уголовному судопроизводству демократический, состязательный характер, система мер пресечения постепенно приобретает вполне современный вид и не исчерпывается уже двумя основными мерами пресечения. В результате появляются «пограничные», более гибкие меры пресечения: отдача под поруки, которая граничит с залогом, с одной стороны, и подпиской о явке, с другой; появляется альтернативная, более мягкая мера пресечения по сравнению с арестом, ограничивающая свободу передвижения, – домашний арест²³⁶, который, справедливости ради, носил выраженный «элитарный характер», обходился дорого и применялся крайне редко к отдельным, в основном статусным лицам. Также нечасто применялась мера пресечения в виде отдачи под особый надзор полиции по причине детальной законодательной регламентации. В конечном счете, как и ранее, применялись две основные меры пресечения – поручительство и содержание под стражей²³⁷. О.И. Цоколова полагает, что и по настоящее время законодателем ничего более эффективного, чем предварительное заключение под стражу, не изобретено²³⁸. Действительно, заключение под стражу в настоящее время остается самой притягательной мерой пресечения для правоприменителя, однако, полагаем, объясняется это особенностями сложившейся правоприменительной практики, рутинностью самого подхода, а не недостатком законодательно предложенной системы мер пресечения, которая уже во второй половине XIX в. была достаточно гибкой.

---

²³⁵ См.: Викторский С.И. Русский уголовный процесс. М., 1912. С. 309.

²³⁶ См.: Пикалов И.А. Становление института мер процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве России (исторический аспект): монография. М., 2010. С. 98–99.

²³⁷ См.: Попов К.В. Проблемы участия суда в применении мер пресечения: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Краснодар, 2004. С. 28.

²³⁸ См.: Цоколова О.И. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. и современные проблемы мер уголовно-процессуального принуждения / материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Уголовное судопроизводство: история и современность», посвященной 150-летию Устава уголовного судопроизводства Российской империи // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 7 (44). С. 1440–1445.

В.Д. Кузьмин-Караваев приводит следующий свод статистических сведений по уголовным делам относительно числа случаев применения каждой из мер пресечения к осужденным в мировых судах и учреждениях в 1889 г. и 1898 г. соответственно: содержание под стражей – 30 692 и 16 836, домашний арест в 1889 г. не применялся, в 1898 г. – 2, взятие залога – 311 и 452, отдача на поруки – 773 240, отдача под надзор полиции – 20 и 11 578, отобрание вида на жительство – 56 и 9 605, отмечая, что содержание под стражей на практике является практически единственной мерой пресечения в отличие от остальных, вместе взятых²³⁹. Заметим, что случаи применения домашнего ареста единичны, залог также – мера нераспространённая.

В Уставе меры пресечения четко структурировались: располагались от менее строгих к более строгим, применялись по четким критериям²⁴⁰, допускалось применение только одной меры пресечения²⁴¹. Первоначально предписывалось избирать меру пресечения каждому обвиняемому, однако в дальнейшем комиссия по пересмотру Устава в 1894 г. признала, что в отдельных случаях избрание меры пресечения не является обязательным, заложив тем самым идейную основу для современной «иной» меры процессуального принуждения – обязательство о явке.

Кроме того, в Уставе законодатель закрепил такие виды мер процессуального принуждения в современном понимании, как:

1) привод (ст. 388–397 отделения 1 «Призыв или привод обвиняемого к следствию» и ст. 398–402 отделения 2 «Допрос обвиняемого» гл. 5 «О предоставлении обвиняемого к следствию и допрос его» раздела II «О предварительном следствии» книги 2 «Порядок производства в общих судебных местах»);

2) отстранение от должности (ст. 1100–1101 гл. 2 «О предании суду» раздела III «О судопроизводстве по преступлениям должности» книги 3 «Изыятия из общего порядка уголовного судопроизводства»);

3) наложение ареста на имущество (ст. 268 отделения 2 «Существо обязанностей и степень власти судебных следователей» гл. 1 «О лицах, участвующих в производстве предварительного следствия» раздела II «О предварительном следствии» книги 2 «Порядок производства в общих судебных местах»);

---

²³⁹ См.: Кузьмин-Караваев В.Д. Пресечение способов уклонения от следствия и суда. СПб., 1902. С. 23–24.

²⁴⁰ См.: Викторский С.И. Русский уголовный процесс. М., 1912. С. 309.

²⁴¹ Заметим, что сегодня такая классификационная группа уже не является гарантией возможности применения к лицу только одной меры пресечения.

4) денежное взыскание (ст. 69 отделения 2 «Вызов сторон и свидетелей» гл. 2 «О порядке начатия у мировых судей» книги 1 «Порядок производства в мировых судебных установлениях», ст. 323–324 «Осмотр и освидетельствование чрез следователя» отделения 1 «Осмотр и освидетельствование» гл. 4 «Об исследовании события преступления» раздела II «О предварительном следствии» книги 2 «Порядок производства в общих судебных местах и ст. 438 гл. 7 «О вызове и допросе свидетелей» раздела II «О предварительном следствии» книги второй «Порядок производства в общих судебных местах»).

Устав, существенно преобразовав систему мер принуждения, регламентировал также основания, условия и порядок задержания, право применять которые осталось за полицией (ст. 51 отделения 1 «Поводы к начатию дела» гл. 2 «О порядке начатия дела у мировых судей» книги 1 «Порядок производства в мировых судебных установлениях», ст. 257 отделения 1 «Участие полиции в производстве предварительного следствия» раздела II «О предварительном следствии» книги 2 «Порядок производства в общих судебных местах») и применения мер пресечения, которые постепенно приобретали вполне современный вид (ст. 77–84 отделения 3 «Отсрочка разбирательства и меры к пресечению способов уклоняться от суда» гл. 2 «О порядке начатия у мировых судей» книги 1 «Порядок производства в мировых судебных установлениях» и ст. 415–432 гл. 6 «О пресечении обвиняемому способов уклоняться от следствия» раздела II «О предварительном следствии» книги 2 «Порядок производства в общих судебных местах»). Нами не случайно приведены (хотя и не в полной мере) структурные элементы Устава, в которых регламентировались цели, основания и порядок производства мер принуждения в их современном понимании: меры принуждения даже структурно связывались с обеспечиваемыми процессуальными действиями, попытка объединить их в одну группу не предпринималась.

Также в Уставе получили законодательное закрепление такие средства принудительного характера, как освидетельствование и осмотр (ст. 105–109 отделения 2 «Порядок разбирательства» гл. 3 «О разбирательстве у мировых судей» книги 1 «Порядок производства в мировых судебных установлениях»). Осмотром и освидетельствованием через сведущих лиц Устав именуется экспертиза²⁴², рассматривавшаяся не в качестве самостоятельного вида доказатель-

---

²⁴² См.: Виленский Б.В. Российское законодательство X–XX вв. М., 1991. Т. 8. С. 229.

ства, а как вид осмотра и освидетельствования, проводимых по поручению суда или следователя специалистами, выступающими в качестве «помощников» судебных органов (ст. 315–324 «Осмотр и освидетельствование через следователя», ст. 325–335 «Осмотр и освидетельствование через сведущих людей вообще», ст. 336–352 «Осмотр и освидетельствование чрез врачей» и ст. 353–356 «Освидетельствование обвиняемого, оказавшегося сумасшедшим или безумным» отделения 1 «Осмотр и освидетельствование» гл. 4 «Об исследовании события преступления» раздела II «О предварительном следствии» книги 2 «Порядок производства в общих судебных местах»). Этими же главами Устав регламентировал порядок производства таких принудительных следственных действий, как обыск и выемка, в том числе в доме или ином жилом помещении. Судебная власть «наконец, должна быть наделена широкими правами по ограничению свободы личности от произвольных арестов»²⁴³, – писал С.И. Викторский. В этом направлении были сделаны существенные шаги: обыск и выемку имели право производить судебные следователи (мировые судьи), а полиция – только тогда, когда она заменяла следователя или по поручению мирового судьи. В целом, в Уставе прямо про принуждение при обыске и выемке не говорилось, однако отмечалось, что следователь имеет право открывать запертое, когда хозяин того не сделает добровольно, избегая напрасного повреждения осматриваемых помещений.

При этом вне общей системы мер пресечения находились такие особые меры, как передача несовершеннолетних обвиняемых под присмотр родителей, опекунов, других благонадежных лиц, в детские приюты, при монастырях (Закон 1897 г.)²⁴⁴, а также ближайшее наблюдение начальства (в отношении военнослужащих).

Отметим, что система мер принуждения Устава ясно разделена по конкретным целям, связывая их с другими процессуальными действиями, которые этими принудительными мерами обеспечиваются. Такой подход был сохранен и в дальнейшем, невзирая на изменение общественного строя, и просуществовал вплоть до принятия действующего УПК РФ.

Система мер уголовно-процессуального принуждения, закрепленная в Уставе, практически не менялась до 1917 г. После Октябрьской революции, которая постепенно привела к полному отказу от

---

²⁴³ Викторский С.И. Русский уголовный процесс. М., 1997. С. 86.

²⁴⁴ См.: Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. СПб., 1996. Т. II. С. 337.

ранее существовавшего уголовно-процессуального законодательства царской России, в системе мер процессуального принуждения преемственность не была нарушена и прослеживалась достаточно четко. В новом законе Советской России нашли свое отражение меры принуждения, которые существуют в настоящее время²⁴⁵. Советские уголовно-процессуальные кодексы сохраняли традицию выделения мер пресечения в отдельный структурный элемент, однако другие меры принуждения все же увязывали с «объектами», обеспечиваемыми конкретными принудительными мерами: каждая мера процессуального принуждения важна не сама по себе как принудительное средство, а как способ обеспечить определенные процессуальные действия и решения²⁴⁶.

Действовавшие ранее меры уголовно-процессуального принуждения официально не были отменены. С принятием Декрета о суде № 1 от 24 ноября 1917 г. прекратили действие такие меры, как отобрание вида на жительство и особый надзор полиции, в остальном же изменений не произошло. Это было связано с тем, что теперь применяться могли лишь те меры пресечения, которые не противоречат «революционной совести и революционному правосознанию»²⁴⁷. Остальные меры пресечения, указанные в Уставе, постепенно наполнялись новым социальным содержанием²⁴⁸ и последовательно получали обновленную процессуальную форму.

УПК РСФСР 1922 г. регламентировал такие меры принуждения, как меры пресечения, куда входили: подписка о невыезде, поручительство (личное и имущественное), залог, домашний арест и заключение по стражу (ст. 147–164 гл. XII «Меры пресечения») и задержание подозреваемого, которое сохранил в том виде, в каком оно присутствовало в Уставе, выделив задержание в ст. 105, 106 гл. VIII «О дознании». Нельзя не отметить то обстоятельство, что впервые на законодательном уровне задержание подверглось тщательной регламентации с точным указанием целей, оснований, срока и порядка из-

---

²⁴⁵ См.: Михайлова О.Е. Иные меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Владимир, 2009. С. 215.

²⁴⁶ См.: Манджиева Е.В. Институт иных мер процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве: имеет ли он объективные основания? // Юристъ-Правоведъ. 2019. № 3 (90). С. 66–72.

²⁴⁷ О суде: Декрет Совета народных комиссаров РСФСР от 24 нояб. 1917 г. № 1 // Газета Временного рабочего и крестьянского правительства. 1917. № 17; Собр. узаконений. 1917. № 4, ст. 50.

²⁴⁸ См.: Ткачева Н.В. Теория и практика мер пресечения, не связанных с заключением под стражу: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Челябинск, 2003. С. 22.

вещения судьи или следователя, отличая его от ареста²⁴⁹. Отдельная глава, посвященная иным мерам принуждения, отсутствовала. Однако, проведенный анализ позволяет говорить о регламентации в качестве таковых привода (гл. IV «О доказательствах», гл. XI «Предъявление обвинения и допрос», гл. XII «О судебном заседании»), отстранения от должности (гл. XI «Предъявление обвинения и допрос»), обязательства о явке (гл. XII «Меры пресечения») и наложения ареста на имущество (гл. IX «Общие условия предварительного следствия»).

УПК РСФСР 1923 г., по мнению Л.В. Головки, «представляет собой некое связующее звено между Уставом и поздним советским уголовным процессом образца УПК РСФСР 1960 г.»²⁵⁰ и фактически продублировал все положения о задержании, мерах пресечения и «иных» мер принуждения в их современном понимании. Иначе говоря, УПК РСФСР 1923 г. сохранил в этой части подходы, заложенные в УПК РСФСР 1922 г.

Залог, по сравнению с Уставом, своей сути не поменял. Однако, поскольку общественные отношения принципиально изменились, само его существование стало вызывать резкую критику ряда видных ученых. Так, М.С. Строгович резко выступал против этой меры пресечения в советском уголовном процессе. Он писал, что залог по своей природе пригоден лишь в отношении имущих, состоятельных лиц, это значит, что, применяя его по тяжким преступлениям вместо заключения под стражу, в неравное положение ставятся малоимущие лица.

М.С. Строгович прямо называл залог «откупом» от тюрьмы в ситуациях отказа от его внесения, поскольку избрание заключения под стражу в таких ситуациях невозможно (внеся залог, обвиняемый попросту откупался бы от тюрьмы)²⁵¹.

В советском законодательстве был предусмотрен и домашний арест – лишение обвиняемого свободы в виде изоляции его на дому с назначением стражи или без нее. В современное время мнения относительно применения домашнего ареста в то время разделились: так, Е.В. Гусельникова пишет о том, что жизнеспособность данной нормы в УПК РСФСР 1922 г. не подтвердилась²⁵², а С.М. Тимофеев и Л.К. Трунова отмечают, что в то время домашний арест, в отличие от

---

²⁴⁹ См.: История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры. М., 1955. С. 50, 70.

²⁵⁰ Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки; 2-е изд. М., 2017. С. 157.

²⁵¹ См.: Строгович М.С. Избранные труды: в 3-х т. М., 1990. Т. 2. С. 30–31.

²⁵² См.: Гусельникова Е.В. Заключение под стражу в системе мер пресечения: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Томск, 2001. С. 180.

дореволюционного времени, достаточно широко применялся²⁵³. Отметим, однако, что А.Я. Вышинский, прекрасно знавший практику применения мер пресечения в стране, отмечал, что данная мера на протяжении существования до 1960 г. практически не применялась и носила декларативный характер²⁵⁴.

Особо много споров среди советских ученых-процессуалистов вызывало законодательное закрепление имущественного поручительства и залога, возникающее по поводу приемлемости данных институтов в государстве, где провозглашается классовое равенство, и отрицается имущественная стратификация. Тем не менее, эти меры пресечения в период НЭПа применялись в основном к хозяйствующим субъектам, занимавшимся предпринимательством²⁵⁵.

Система мер пресечения оставалась неизменной вплоть до декабря 1958 г., когда были приняты Основы 1958 г., которые регламентировали задержание подозреваемого в совершении преступления и меры пресечения. Именно Основы 1958 г. предоставили следователю право производить задержание подозреваемого наряду с органами дознания, в результате чего задержание лица по подозрению в совершении преступления по объективным причинам превратилось в отдельную меру процессуального принуждения²⁵⁶, которая не могла уже связываться только с дознанием.

На базе Основ 1958 г. был разработан УПК РСФСР 1960 г., согласно которому законодатель подтвердил право задержать лицо, подозреваемое в совершении преступления не только органу дознания (ст. 122, 123 гл. 9 «Дознание»), но и следователю (теперь регламентация задержания размещалась в ст. 127 гл. 10 и относилась к общим условиям производства предварительного следствия, что не вызывает никаких возражений с точки зрения логики). При этом указание на цель задержания (предупреждение уклонения подозреваемого от следствия и суда), в отличие от предыдущего советского уголовно-процессуального законодательства, в законе отсутствовало.

Глава 6 УПК РСФСР 1960 г. предусматривала в отношении воен-

---

²⁵³ См.: Тимофеев С.М. Домашний арест как мера пресечения: проблемы и перспективы применения / материалы Науч.-практ. конф. // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью в современных условиях. Орел, 2003. Вып. 7. С. 64; Трунова Л.К. Современные проблемы применения мер пресечения в уголовном процессе: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09. М., 2002. С. 227.

²⁵⁴ См.: Помошкова Н.В. Домашний арест в России: от меры наказания до меры пресечения // Вестник Казанского юрид. ин-та МВД России. 2016. № 4 (26). С. 105–107.

²⁵⁵ См.: Лившиц Ю.Д. Меры пресечения в советском уголовном процессе. М., 1964. С. 71.

²⁵⁶ См.: Григорьев В.Н. Задержание подозреваемого. М., 1999. С. 76.

нослужащих такие меры пресечения, как подписка о невыезде, личное поручительство или поручительство общественных объединений, заключение под стражу, залог, наблюдение командования воинской части, а в отношении несовершеннолетних – отдача под присмотр.

По факту отсутствия в УПК РСФСР 1960 г. домашнего ареста в качестве меры пресечения специалисты замечали, что, ввиду практической не востребоваемости этой меры пресечения в советский период, для ее реального практического применения требовалось бы разработать детальную регламентацию, в чем вряд ли была необходимость, поскольку без этой меры ряд десятилетий обходились и потребности в ней не испытывали²⁵⁷.

Вновь домашний арест в качестве меры пресечения был предусмотрен только в УПК РФ 2001 г. УПК РФ не включил меру пресечения «Поручительство общественных объединений», что связывается с серьезным изменением социально-экономической ситуации в стране, вследствие чего применение поручительства общественного объединения на сегодняшний день стало неактуальным, да и социально неэффективным²⁵⁸, при этом предусмотрел такие меры пресечения, не связанные с заключением под стражу, как домашний арест и запрет определенных действий (введен позднее), вопрос об эффективности которых достаточно спорен.

К сожалению, заключение под стражу по настоящее время занимает первое место по количеству среди избранных мер пресечения, несмотря на комплекс принимаемых законодателем мер, разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации²⁵⁹. Очевидно, как наиболее строгая мера пресечения, она должна применяться в крайних случаях²⁶⁰ не только по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности²⁶¹, но и по другим уголовным делам.

Однако особенности общественных производственных отноше-

---

²⁵⁷ См.: Шадрин В.С. Домашний арест: обновляемая мера пресечения // Криминалист. 2012. № 1. С. 45–51.

²⁵⁸ См.: Козявин А.А. Социальное назначение и функции уголовного судопроизводства: монография. М., 2010. С. 153–156.

²⁵⁹ См.: О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 дек. 2013 г. № 41; ред. от 11 июня 2020 г. // Рос. газ. 2013. № 294.

²⁶⁰ См.: Химичева О.В. УПК РФ: реформа продолжается // Вестник Мос. ун-та МВД России. 2012. № 2. С. 34–36.

²⁶¹ См.: Послание Президента Российской Федерации Владимира Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 3 декабря 2015 года // Рос. газ. 2015. № 6844.

ний проявляются и здесь: обеспечение экономической безопасности государства требует использования средств различных отраслей права, в том числе и уголовно-процессуального²⁶². Именно поэтому сегодня законодатель устанавливает прямые запреты применения наиболее строгой меры пресечения – заключения под стражу в ряде случаев в отношении лиц, обвиняемых в совершении преступлений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности²⁶³, Конституционный Суд ограничивает наложение ареста на имущество в отношении средств, используемых в производственной деятельности²⁶⁴, по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики значительно жестче требования к удержанию предметов в качестве доказательств (ст. 81¹ УПК РФ). В результате появилась еще отдельная группа лиц, в отношении которых установлены особенности производства²⁶⁵, что вполне понятно с экономической точки зрения.

Кроме того, УПК РСФСР 1960 г. достаточно детально регламентировал такие меры принуждения, как обязательство о явке, разместив соответствующую норму в ч. 5 ст. 89 гл. 6 «Меры пресечения» и подчеркивая, что обязательство о явке не является мерой пресечения; привод (гл. 5 «Доказательства», гл. 11 «Предъявление обвинения и допрос обвиняемого»), регламентировав его, однако, только применительно к приводу одного участника процесса – обвиняемого; отстранение от должности (гл. 11 «Предъявление обвинения и допрос обвиняемого»), подчеркнув, что указанная мера применяется в случае необходимости без разъяснения, что под ней следует понимать; наложение ареста на имущество (гл. 14 «Выемка, обыск, наложение ареста на имущество»²⁶⁶), связав это действие со следственными мероприятиями, предполагающими изъятие имущества и денежное взыскание (гл. 3 «Участники процесса», гл. 5 «Доказательства», гл. 6

---

²⁶² См.: Панфилов П.О. Особенности производства по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской и экономической деятельности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 2019. С. 21.

²⁶³ См.: Там же.

²⁶⁴ См.: По делу о проверке конституционности части первой статьи 81¹ и пункта 3¹ части второй статьи 82 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Синклит»: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 11 янв. 2018 г. № 1-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 4, ст. 685.

²⁶⁵ См.: Панфилов П.О. О реализации принципа равенства всех перед законом и судом при производстве по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности // Юристъ-Правоведъ. 2017. № 1 (80). С. 117–123.

²⁶⁶ Связывая наложение ареста на имущество больше со следственными действиями, чем мерами принуждения.

«Меры пресечения», «Общие условия производства предварительного следствия», гл. 26 «Производство по наложению денежных взысканий»), продемонстрировав связь этой меры ответственности с процессуальным статусом участника судопроизводства.

Законодатель упорно связывает «иные» меры принуждения с теми действиями, которые обеспечиваются этими мерами или вытекают из результатов их производства (например, отстранение обвиняемого от должности после предъявления обвинения).

Какой-либо отдельной главы, посвященной специально средствам принудительного характера, в УПК РСФСР 1960 г., кроме главы о мерах пресечения, не было. Отсутствовала она и в УПК РСФСР 1922 г., и УПК РСФСР 1923 г.

Специалисты в своем большинстве признают, что, с точки зрения юридической техники, УПК РСФСР 1960 г. был явным шагом вперед по сравнению с УПК РСФСР 1922 г. и УПК РСФСР 1923 г. – все процедуры, условия и основания процессуальных действий были разработаны в нем более подробно, логично и точно²⁶⁷, и при этом в самостоятельную группу из всех средств принудительного характера выделялись только меры пресечения.

Отметим, что во второй половине XX в. – активном периоде исследования проблем процессуального принуждения – учеными предлагались самые разнообразные классификации мер процессуального принуждения. Именно в это время возникает идея выделения группы «прочих»²⁶⁸ мер, однако их хотя бы примерный перечень не приведен²⁶⁹. Законодатель при этом воздерживался от использования термина «иные», равно как и любого другого термина применительно к мерам принуждения, не относящихся к перечню мер пресечения.

Логические связи большинства средств процессуального принуждения здесь очевидны: наложение ареста на имущество – с выемкой и обыском – видимо, в связи с возможностью принудительного изъятия объектов и возможностью наложения на них в последующем ареста. Сегодня на изъятые объекты, включая вещественные доказательства, также можно наложить арест, что подтвердил своим решением Конституционный Суд Российской

---

²⁶⁷ См.: Смирнов А.В. Состязательный процесс. СПб., 2001. С. 209–210.

²⁶⁸ Лившиц Ю.Д. Меры процессуального принуждения в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 1958. С. 6.

²⁶⁹ См.: Булатов Б.Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: монография. Омск, 2003. С. 37.

Федерации²⁷⁰ (денежное взыскание – с общими условиями производства предварительного следствия и участниками уголовного судопроизводства; привод – с получением доказательств, обязательство о явке – с мерами пресечения).

Нельзя сказать, что систематизация, использованная в УПК РСФСР 1960 г., идеальна. Например, наложение ареста на имущество может применяться не только в отношении имущества, включая денежные средства, являющиеся вещественными доказательствами; привод вполне может быть применен для обеспечения явки участников судопроизводства не только в связи необходимостью получения доказательств. Денежное взыскание, вероятно, более логично смотрелось бы в связи с процессуальным статусом участника судопроизводства или в нормативном акте, содержащем нормы материального права.

Тем не менее, правоприменитель, опираясь на данную систематизацию, все же имел возможность более ясно понять целеполагание того или иного средства принудительного характера, в том числе и, прежде всего, тех, которые сегодня именуется в УПК РФ как «иные» меры процессуального принуждения.

Логичный УПК РСФСР 1960 г. на протяжении 30 лет отличался удивительной стабильностью неспроста, подвергаться постоянному обновлению стал только в 90-е гг. XX в. Сторонники реформирования советского уголовного судопроизводства исходили, прежде всего, из необходимости смягчения карательного потенциала уголовно-процессуального законодательства, ограничения случаев применения принудительных мер, в том числе и с ориентацией на отдельные западные образцы судопроизводства, не учитывая, однако, того, что снижение воспитательного потенциала, резервов убеждения неизбежно приведет к последовательному возвращению принуждения в его самых жестких формах, если не в самом законе, то при его применении.

В 1990 г. коллективом ученых-процессуалистов Г.Н. Ветровой, Л.Д. Кокоревым, П.А. Лупинской, И.Л. Петрухиным была создана теоретическая модель уголовно-процессуального законодательства

---

²⁷⁰ См.: По делу о проверке конституционности части первой статьи 81¹ и пункта 3¹ части второй статьи 82 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Синклит»: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 11 янв. 2018 г. № 1-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 4, ст. 685.

СССР и РСФСР²⁷¹, состоящая из теоретической модели Основ уголовно-процессуального законодательства СССР и союзных республик (далее – теоретическая модель Основ) и Уголовно-процессуального кодекса РСФСР (далее – теоретическая модель УПК РСФСР). Это были крайне интересные и научно обоснованные проекты. В них предлагались идеи, сориентированные на меняющиеся общественные отношения, однако при этом учитывался положительный опыт уголовного процесса СССР и применимый зарубежный опыт. Эти документы столь высокого качества, что представляется целесообразным внимательно обратиться к той ее части, которая касается мер принуждения, включая «иные» меры процессуального принуждения.

Заметим, что обеих теоретических моделях УПК РСФСР выделялись разделы, специально посвященные мерам принуждения. Согласно ст. 33 раздела 3 «Меры принуждения» теоретической модели Основ основаниями для применения мер принуждения служило препятствие участником уголовного процесса производству следственных или судебных действий, невыполнение возложенных на него обязанностей, а также пресечение дальнейшей преступной деятельности подозреваемого, обвиняемого и обеспечение исполнения приговора. Теоретическая модель Основ регламентировала такие меры принуждения, как задержание подозреваемого (ст. 36) и меры пресечения (ст. 37). Стоит отметить, что в этом же разделе предусматривалась ст. 40 «Помещение в медицинское учреждение», регламентирующая проведение судебно-медицинской либо судебно-психиатрической экспертизы. По сути, это была первая попытка разорвать связь меры процессуального принуждения и обеспечиваемого им действия.

Раздел 4 «Процессуальное принуждение» теоретической модели УПК РСФСР предусматривал семь глав: гл. 10 «Основания и пределы ограничения прав личности и уголовном процессе», гл. 11 «Задержание», гл. 12 «Меры пресечения», гл. 13 «Отстранение от должности», гл. 14 «Приводы», гл. 15 «Помещение лица в медицинское учреждение», гл. 16 «Ответственность за нарушение процессуальных обязанностей и порядка на дознании, предварительном следствии и в суде».

Основаниями для применения мер процессуального принуждения являлось препятствие участником уголовного процесса проведению следственных или судебных действий, невыполнение им возложенных обязанностей и необходимость пресечения дальнейшей преступ-

---

²⁷¹ См.: Уголовно-процессуальное законодательство СССР и РСФСР. Теоретическая модель / под ред. В.М. Савицкого. М., 1990. С. 317.

ной деятельности подозреваемого, обвиняемого и обеспечение исполнения приговора.

В отличие от УПК РСФСР 1960 г., ст. 96 теоретической модели УПК РСФСР предусматривала цель задержания (кратковременного лишения свободы лица, подозреваемого в совершении преступления), которая состояла в пресечении его преступной деятельности, предотвращении побега, сокрытия или уничтожения доказательств.

Обратим внимание, что соответствующие разделы именовались не «Меры процессуального принуждения», а «Процессуальное принуждение», что несколько ограничивало сферу действительного применения принуждения в уголовном судопроизводстве, поскольку такое могло быть использовано при необходимости и при производстве следственных действий.

Заметим, что с учетом специфики и целевого назначения, нормы, относящиеся к наложению ареста на имущество, были помещены в гл. 40 «Обеспечение исполнения приговора в части имущественных взысканий» раздела 7 «Возмещение имущественного вреда, причиненного преступлением» теоретической модели УПК РСФСР.

И все же, невзирая на сохранение отдельных элементов подхода, «средство принудительного характера – обеспечиваемая им мера», прослеживается тенденция объединения средств принудительного характера в самостоятельные разделы уголовно-процессуального законодательства. При этом авторы теоретических моделей воздерживаются от употребления понятия «иные» меры процессуального принуждения.

Интересно обратиться и к проекту Общей части Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации 1994 г.²⁷² (далее – Проект УПК РФ), который был разработан Государственно-правовым управлением Президента Российской Федерации, однако принят не был. Проект УПК РФ регламентировал «Меры процессуального принуждения» (раздел 4) в шести главах: гл. 16 «Задержание», гл. 17 «Меры пресечения», гл. 18 «Помещение в медицинское учреждение», гл. 19 «Наложение ареста на имущество», гл. 20 «Принудительное производство следственных действий» и гл. 21 «Меры процессуального взыскания».

Здесь также видно стремление к некоторой автономизации средств принудительного характера, однако вновь нет попытки выде-

---

²⁷² См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Проект // Российская юстиция. 1994. № 9. С. 2–92.

лить некие «иные» меры процессуального принуждения. Заметим, что в Проекте УПК РФ отстранение от должности включено в перечень мер пресечения (п. 10 ч. 1 ст.171), а в перечне принудительных следственных действий, регламентированных ч. 3 ст. 303, на проведение которых необходимо получение ордера суда указаны обыск, осмотр жилища и производство в нем других следственных действий, освидетельствование человека, арест корреспонденции, перехват телефонных и других сообщений, раскрытие банковского счета, эксгумация трупа человека.

Такое решение авторов Проекта УПК РФ вряд ли обоснованно, поскольку без учета самостоятельности любых средств принудительного характера в указанную главу включены следственные действия, при производстве которых таковое принуждение возможно в качестве обеспечивающего средства.

Проект УПК РФ также предусматривал производство таких принудительных следственных действий, как удержание свидетеля (ст. 204) и привод (ст. 205). Наложение ареста на имущество и меры процессуального взыскания представляли собой самостоятельные главы, что в целом и сейчас имеет под собой основания: наложение ареста на имущество по процедуре не менее сложно, чем, например, задержание; а денежное взыскание, очевидно, отличается от иных мер, предусмотренных в гл. 14 действующего УПК РФ, своей явно карательной направленностью. Такие меры в проекте УПК РФ представляли целую систему: арест на срок до 3 дней, штраф в размере до 10 минимальных размеров оплаты труда и порицание.

Несмотря на заметное сходство с указанной выше теоретической моделью, в проекте УПК РФ появились новые главы о наложении ареста на имущество и принудительном производстве следственных действий, а главы о приводе и отстранении обвиняемого от должности были сокращены и в виде отдельных статей были включены в главы «Принудительное производство следственных действий» и «Меры пресечения» соответственно. Б.Б. Булатов резонно заметил, что указанные изменения в проекте свидетельствуют об отсутствии четкой и последовательной позиции его разработчиков относительно понимания процессуального принуждения и определении их места в решении задач процесса²⁷³, что не преодолено, на наш взгляд, и сегодня.

---

²⁷³ См.: Булатов Б.Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: монография. Омск, 2003. С. 40.

Разработчики Проекта УПК РФ, как и действующего УПК РФ, не определились с основным вопросом: по какому признаку они систематизируют средства принудительного характера (по признаку связи с обеспечиваемыми действиями или по признаку возможного принудительного воздействия).

Представляет интерес Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств ²⁷⁴ (далее – МУПК), принятый 17 февраля 1996 г. на 7-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. Этот рекомендательный законодательный акт был создан после распада Советского Союза и образования СНГ в составе бывших республик СССР (кроме стран Прибалтики) с целью сближения и гармонизации уголовно-процессуального законодательства стран – членов СНГ для выработки общих правовых подходов и единых правовых понятий в сфере уголовного судопроизводства. К сожалению, одной из первых на модельное законодательство, в том числе и в сфере уголовного судопроизводства, не стала ориентироваться Россия²⁷⁵. УПК РФ во многом проигрывает МУПК²⁷⁶.

Значительное место в МУПК уделено институту мер процессуального принуждения (раздел 5 «Меры процессуального принуждения»), который состоит из 3 глав: «Задержание», «Меры пресечения» и «Принудительное производство следственных действий». Обращает на себя внимание тот факт, что МУПК, кроме тех мер пресечения, которые и сегодня применяются в уголовном судопроизводстве России, регламентирует такие меры пресечения, как поручительство организации, передача под надзор полиции и отстранение от должности. При этом отстранение от должности могло применяться и как единственная мера пресечения, и как дополнение к другой мере пресечения.

В перечне принудительных следственных действий МУПК предусмотрел те, которые требуют для производства получение санкции суда. Кроме того, гл. 22 МУПК регулируются основания и условия применения такого принудительного следственного действия, как привод. Итак, временное отстранение от должности – мера пресечения; привод и наложение ареста на имущество – следственные дей-

---

²⁷⁴ См.: Модельный Уголовно-процессуальный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств // Приложение к Информационному бюллетеню. 1996. № 10.

²⁷⁵ См.: Юртаева Е.А. Вопросы соотношения модельного и национального законодательства // Вестник Межпарламентской Ассамблеи. 2000. № 3 (26). С. 189–193.

²⁷⁶ См.: Еникеев З.Д. Проблемы гармонизации уголовно-процессуального законодательства стран СНГ // Евразийский юридический журнал. 2010. № 6 (25). С. 24–31.

ствия и одновременно меры принуждения – такова небезупречная позиция разработчиков МУПК.

Общим для указанных выше законодательных актов является то, что так называемые иные меры процессуального принуждения в них отсутствуют.

В других проектах УПК РФ предусматривался совершенно иной вариант регламентации процессуального принуждения. Так, в Проекте УПК РФ, подготовленном сотрудниками НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре Российской Федерации²⁷⁷, раздел «Меры процессуального принуждения и пресечения» включал в себя две главы: «Меры процессуального принуждения» и «Меры пресечения». В этом состоял принципиально ошибочный подход, поскольку меры пресечения формально не включались в состав мер принуждения, к которым относились подписка о явке, привод, задержание подозреваемого, помещение подозреваемого, обвиняемого в медицинское учреждение, отстранение от должности и наложение ареста на имущество. Авторы проекта не решились еще назвать меры процессуального принуждения «иными», однако еще один шаг к этому был сделан.

В Проекте УПК РФ, подготовленном рабочей группой Министерства юстиции Российской Федерации²⁷⁸, раздел 4 «Меры процессуального принуждения» также образуют две главы: «Меры пресечения»

(гл. 11) и уже «*Иные* (курсив – Е.М.) меры процессуального принуждения» (гл. 12). К «иным» мерам процессуального принуждения отнесены *задержание подозреваемого* (курсив – Е.М.)²⁷⁹, подписка о явке, привод, временное отстранение от должности, наложение ареста на имущество, денежное взыскание. Таким образом, «иные» меры процессуального принуждения в качестве самостоятельной группы мер процессуального принуждения были регламентированы впервые именно в указанном проекте УПК РФ, подготовленном Минюстом России.

В Проекте УПК РФ Комитета Государственной Думы Российской Федерации, внесенном депутатами-членами по законодательству и

---

²⁷⁷ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Проект. М.: НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре Российской Федерации. М., 1994. С. 40–45.

²⁷⁸ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Проект // Российская юстиция. 1994. № 11. С. 35–62.

²⁷⁹ Сегодня задержание регламентируется самостоятельной главой.

судебно-правовой реформе, раздел «Меры процессуального принуждения» состоит из трех глав: «Задержание подозреваемого», «Меры пресечения» и «*Иные* (курсив – Е.М.) меры процессуального принуждения». Задержание подозреваемого разработчики данного законопроекта рассматривают в качестве самостоятельной меры процессуального принуждения и посвящают ей, как и в действующем УПК РФ, отдельную главу. Перечень «иных» мер процессуального принуждения ограничивается обязательством о явке, приводом, наложением ареста на имущество, отстранением обвиняемого от должности и денежным взысканием.

В последних двух законопроектах в главах, посвященных мерам принуждения, нет норм, которые регламентировали бы производство следственных действий с элементами принуждения, а нормы, в части помещения лица в медицинское учреждение, располагались в рамках института производства экспертизы, что в целом возражений не вызывает и укладывается в традиционную концепцию: «средство принудительного характера – обеспечиваемое процессуальное действие».

Бесспорно, распад СССР заметно ускорил процесс реформ, при этом в ходе политической борьбы между союзными и российскими властными структурами уголовно-процессуальная и в более широком смысле судебная реформы рассматривались в качестве одного из важнейших политических инструментов²⁸⁰. При этом одной из основных задач судебной реформы ставилась комплексная реформа с учетом принципов системной организации и опыта зарубежных стран.

Теоретически это звучало нередко очень привлекательно. Так, И.Л. Петрухин считал важным, чтобы сокращение сферы применения процессуального принуждения стало одной из основных тенденций развития уголовного судопроизводства²⁸¹. Однако законотворческая и правоприменительная практики применения УПК РФ свидетельствуют, что в условиях капиталистических общественных отношений средства принудительного характера в уголовном судопроизводстве сами по себе не становятся мягче и их не становится меньше, напротив, снижение возможностей убеждения ориентирует практиков на максимально широкое применение самых жестких средств.

По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, заключение под стражу у практиков в большом приоритете. В 2019 г. судами заключение под стражу избиралось

---

²⁸⁰ См.: Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки; 2-е изд. М., 2017. С. 168.

²⁸¹ См.: Петрухин И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. М., 1985. С. 47.

94 632 раз, при этом домашний арест был избран лишь в 6 038 случаях и только 77 раз – залог. Тенденция сохранилась и в 2020-2021 гг. В 2020 г. случаи заключения под стражу составили 84 919 раз, домашнего ареста – 6 949 и только 244 случая избрания залога. В 2021 г. судами избрано заключение под стражу 87 905 раз, домашний арест – 6 828 раз и 25 раз применялся залог²⁸².

Вместе с тем многочисленные, включая законодательную, и продолжающиеся в настоящее время множиться теоретические классификации средств принудительного характера в уголовном процессе грешат игнорированием изложенных выше требований к систематизации элементов по группам. Возможно, недостатки теоретических воззрений на классификацию принудительных уголовно-процессуальных средств и обусловили позицию законодателя, классификация которого, нашедшая отражение в УПК РФ, не позволяет ясно увидеть, по каким критериям и целям она проведена.

Справедливости ради нельзя не отметить, что законодатель впервые комплексно²⁸³ (надо полагать, пытаясь создать исчерпывающий перечень мер принуждения) в отдельном разделе УПК РФ (раздел IV) достаточно детально урегулировал основания и порядок применения отдельных мер принуждения. Указанный раздел состоит из трех глав: «Задержание» (гл. 12), «Меры пресечения» (гл. 13) и «Иные меры процессуального принуждения» (гл. 14). Однако детальность регламентации порядка применения ряда средств принудительного характера не заменяет требований к их применению, обусловленных системными свойствами: правильное целеполагание, основания, четкое разграничение с иными средствами и недопустимость подмены одного другим.

Законодательная классификация имеет массу очевидных недостатков. Прежде всего, неясно, по какому критерию она проведена: очевидно, что ни по цели мер принуждения, ни по участникам, к ко-

---

²⁸² См.: Отчеты о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2019–2021 гг., форма № 1, раздел 4. Стат. обзор судебной практики. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 12.05.2022).

²⁸³ См.: Еникеев З.Д. Меры процессуального принуждения в системе средств обеспечения обвинения и защиты. Уфа, 1978. С. 29; Давыдов П.М., Якимов П.П. Применение мер процессуального принуждения по Основам уголовного судопроизводства СССР и союзных республик. Свердловск, 1961. С. 9–10; Элькинд П.С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л., 1963. С. 79; Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н. Предварительное следствие. М., 1965. С. 256; Капинус Н.И. Меры пресечения в российском уголовном процессе // Следователь. 2001. № 8. С. 21–40; Уголовный процесс / под ред. К.Ф. Гуценко. М., 2001. С. 176 и др.

торым возможно их применение, ни по уровню принудительности (временное отстранение от должности, например, вряд ли менее жесткая мера принуждения, чем личное поручительство), ни по степени ограничения прав человека (наложение ареста на имущество, временное отстранение от должности требуют судебного решения, в то время как ряд мер пресечения могут быть избраны по решению следователя, дознавателя). Сущность мер принуждения также не стала таким критерием: законодательная классификация не позволяет разграничить пресекательные и предупредительные меры, а также меры ответственности (меры пресечения могут иметь и пресекательное, и предупредительное значение, равно как и некоторые «иные» меры процессуального принуждения).

В действующем УПК РФ законодатель представил новую систему мер процессуального принуждения, во многом воспринявшую положения двух последних рассмотренных законопроектов: задержание, меры пресечения, «иные» меры процессуального принуждения.

В целом действующий УПК РФ эклектичен не только идейно, но и структурно²⁸⁴, что просматривается в предложенной системе мер процессуального принуждения. Заметим, что почти треть (29 %) опрошенных респондентов не считают законодательную классификацию мер процессуального принуждения оптимальной, и почти половина (45,1 %) с ответом затруднились.

Таким образом, может быть сделан следующий вывод.

Уже в XI–XIII вв. законодательство Руси содержало зачатки мер процессуального принуждения, которые сегодня именуется как «иные». Однако, ввиду неразвитости средств воспитания и убеждения, достаточной узости задач уголовного судопроизводства в целом, до принятия Устава средства принудительного характера в основном сводились к тем, которые сегодня именуется мерами пресечения, за исключением привода и ряда принудительных мер, связанных с получением доказательств.

Система мер принуждения Устава ясно разделена по конкретным целям, связывая их с другими процессуальными действиями, которые этими принудительными мерами обеспечиваются. Такой подход был сохранен и в дальнейшем, невзирая на изменение общественного строя, и просуществовал вплоть до принятия действующего УПК РФ.

---

²⁸⁴ См.: Победкин А.В. Как одухотворить Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2016. № 5. С. 49–54.

Советские уголовно-процессуальные кодексы сохраняли традицию выделения мер пресечения в отдельный структурный элемент, однако другие меры принуждения все же увязывали с «объектами», обеспечиваемыми конкретными принудительными мерами: каждая мера процессуального принуждения важна не сама по себе как принудительное средство, а как способ обеспечить определенные процессуальные действия и решения²⁸⁵.

Термин «иные» применительно к мерам процессуального принуждения был предложен в период разработки проектов уголовно-процессуального законодательства в конце прошлого века и нашел законодательное закрепление в действующем УПК РФ.

При этом, однако, законодатель не обозначил критерия классификации мер принуждения, признаков их системы, что не позволяет четко разграничить эти меры и ряд средств принудительного характера из других разделов УПК РФ.

§ 2. Современное состояние системы мер процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве

В ходе предшествующего исследования автор пришел к выводу, согласно которому средства принудительного характера, являющиеся «иными» мерами принуждения, т.е. кроме задержания и мер пресечения, отнюдь не исчерпываются обозначенными в гл. 14 УПК РФ. К ним относятся и другие меры, которые могут принудительно обеспечивать различные процессуальные действия: обыск и выемку (ст. 182–184 УПК РФ), получение образцов для сравнительного исследования (ст. 202 УПК РФ), освидетельствование (ст. 179 УПК РФ), осмотр жилища против воли проживающих в нем лиц (ч. 5 ст. 177 УПК РФ), эксгумацию трупа, если родственники покойного возражают против нее (ч. 3 ст. 178 УПК РФ), наложение ареста на почтово-телеграфную корреспонденцию, их осмотр и выемку (ст. 185 УПК РФ), контроль и запись переговоров (ст. 186 УПК РФ), помещение в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, или в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, для производства судебной экспертизы (ст. 203 УПК РФ), конфискация иму-

---

²⁸⁵ См.: Манджиева Е.В. Институт иных мер процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве: имеет ли он объективные основания? // Юристъ-Правоведъ. 2019. № 3 (90). С. 66–72.

щества (ст. 104.1 УПК РФ) и меры принуждения, которые применяются и к властным участникам уголовного судопроизводства (указания прокурора в порядке ст. 37 УПК РФ: вынесение мотивированного постановления о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства, требование от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе дознания или предварительного следствия, дача дознавателю письменных указаний о направлении расследования, производстве процессуальных действий и др.).

Учитывая такой широкий спектр мер процессуального принуждения, относящихся к «иным», не может не стать вопрос о возможности рассмотрения системы норм процессуального права, регламентирующих применение таких мер в качестве самостоятельного правового института, не ограниченного только теми мерами, которые приведены в гл. 14 УПК РФ.

Однако в первую очередь необходимо определиться с правовой природой исследуемого явления и понять, может ли подобная система считаться институтом? Выступает ли она в качестве института, т.е. в качестве самостоятельной структурной единицы уголовно-процессуального права либо применительно к данной системе необходимо использовать термин «институт» как к правовому явлению в широком смысле этого слова? Ранее С.С. Алексеев подчеркивал, что категория «институт» достаточно часто в доктринальных источниках применяется в очень широком понимании²⁸⁶.

О.В. Волынская считает, что «если нормативное предписание – исходный элемент, «живая» клеточка правовой материи, то правовой институт представляет собой первичную правовую общность»²⁸⁷. О.С. Иоффе утверждал, что «институт – не только не последнее после нормы подразделение отрасли права (имеются еще и подотрасли), но и не всегда первое подразделение, следующее за ней, так как самостоятельные органические образования встречаются иногда и внутри института. Такое образование можно было бы назвать субинститутами»²⁸⁸. Сегодня уже выделяют и подсубинституты²⁸⁹.

---

²⁸⁶ См.: Алексеев С.С. Структура советского права. М., 1975. С. 120.

²⁸⁷ Волынская О.В. Прекращение уголовного дела и уголовного преследования: теоретические и организационно-правовые проблемы: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09. М., 2007. С. 99.

²⁸⁸ Иоффе О.С. Структурные подразделения системы права (на материалах гражданского права) // Ученые записки ВНИИСЗ. М., 1968. Вып. 14. С. 45–60.

Сегодня является классическим понимание правового института как «обособленного комплекса правовых предписаний, регулирующих с помощью специфических приемов и способов однородный вид или сторону общественных отношений»²⁹⁰.

Именно на основе данной дефиниции были выделены признаки правового института, к которым, как минимум, относятся:

- 1) специфичность метода правового регулирования;
- 2) особенность предмета регулирования;
- 3) специфичность функций института;
- 4) его самостоятельная роль в обеспечении «цельного, относительно законченного регулирования общественных отношений»²⁹¹.

Можно согласиться и с тем, что при наличии укрупненной нормативной общности, регулирующей однородные правоотношения, признаваемая правовым институтом, включенные в нее нормативные образования меньшего масштаба должны именоваться субинститутами²⁹², суть которых в регулировании определенных особенностей, специфики видовых общественных отношений²⁹³. Однако возможна и дальнейшая дифференциация. А.Н. Таран, например, пишет, что «правовые институты, субинституты и подсубинституты, в отличие от ассоциаций правовых норм объединяют более сложные функциональные связи»²⁹⁴.

Э.О. Бемельницына, Е.А. Зайцева также настаивают на существовании «подсубинститутов»²⁹⁵.

По нашему мнению, подобный подход является достаточно целесообразным в целях исследования и системы иных мер процессуаль-

---

²⁸⁹ См.: Смыр А.Д. Модернизация оснований прекращения уголовного дела и уголовного преследования в законодательстве Российской Федерации и Республики Абхазия: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Волгоград, 2019. С. 12.

²⁹⁰ См.: Киримова Е.А. Правовой институт (теоретико-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Саратов, 1998. С. 15.

²⁹¹ Кабельков С.Н. Прекращение уголовного дела в стадии предварительного расследования по нереабилитирующим основаниям, не исключающим производство по делу: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2001. С. 29.

²⁹² См.: Смыр А.Д. Модернизация оснований прекращения уголовного дела и уголовного преследования в законодательстве Российской Федерации и Республики Абхазия: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Волгоград, 2019. С. 49.

²⁹³ См.: Киримова Е.А. Правовой институт (теоретико-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: Саратов, 1998. С. 13.

²⁹⁴ Таран А.Н. Отмена приговора судом кассационной инстанции и направление уголовного дела на новое судебное разбирательство как подсубинститут: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Краснодар, 2004. С. 25.

²⁹⁵ Бемельницына Э.О., Зайцева Е.А. Участие прокурора в судах второй, кассационной и надзорной инстанций: монография. Волгоград, 2011. С. 23.

ного принуждения, которые сегодня систематизированы законодателем в гл. 14 УПК РФ по нечеткому признаку, а по сути, представляют целый спектр принудительных мер, которые являются средствами принудительного характера, объединёнными в институты, субинституты и подсубинституты, и вряд ли заслуживают эпитета «иные».

Таким образом, можно сделать вывод, что, несмотря на то что средства принудительного характера не систематизированы в одну главу УПК РФ и рассредоточены в разных его частях, учитывая их общие характеристики – принудительное обеспечение процессуальных и следственных действий, то возможно считать их самостоятельным правовым институтом.

Подсубинститутами указанного института можно считать средства принудительного характера, обеспечивающие:

- 1) возможность производства следственных и иных процессуальных действий;
- 2) эффективность производства следственных действий;
- 3) надлежащее поведение обвиняемого, подозреваемого, лица, в отношении которого осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера;
- 4) возмещение вреда, причиненного преступлением.

Отметим, что до недавнего времени понятие «иные» меры процессуального принуждения использовалось исключительно в юридической литературе, но не в законодательстве²⁹⁶.

Понятие «иные» меры процессуального принуждения введено в научный оборот более пятидесяти лет назад²⁹⁷. Традиционно к ним относилось большинство принудительных мер, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством, за исключением мер пресечения, иногда и задержания.

Действующий УПК РФ не только закрепил этот термин, но и создал «под него» самостоятельную главу, объединив в ней нормы, регламентирующие применение обязательства о явке, привода, временного отстранения от должности, наложения ареста на имущество и денежного взыскания.

---

²⁹⁶ См.: Вербин С.В. К вопросу о развитии концепции уголовно-процессуального принуждения // Организационно-правовые проблемы профилактики правонарушений органами внутренних дел в современных условиях, Тюмень, 1992. С. 81–84; Ахпанов А.Н. Проблемы уголовно-процессуального принуждения в стадии предварительного расследования. Алматы, 1997. С. 38.

²⁹⁷ См.: Савгирова Н.М. Меры пресечения, иные меры процессуального принуждения. М., 1960. С. 25.

Внесение в УПК РФ самостоятельной главы «Меры принуждения», включающей «иные» меры процессуального принуждения, стало первой попыткой предпринять на законодательном уровне попытку систематизации мер принуждения в уголовном судопроизводстве (за исключением мер пресечения, которые систематизировались и ранее).

Как показал проведенный опрос сотрудников органов предварительного расследования и судей, так называемые иные меры процессуального принуждения активно применяются в правоприменительной деятельности. Так, 15,7 % респондентов показали, что применяли их по каждому уголовному делу, 32,3 % – часто (50 % и выше), 48,3 % – редко (менее 50 %) и только 3,6 % никогда не применяли. При этом обязательство о явке применяли 66,8 % опрошенных, привод – 88 %, наложение ареста на имущество – 64 %, временное отстранение от должности – 20,7 %, денежное взыскание – 1,7 %.

Обращаясь к законодательной классификации мер принуждения, следует единственный вывод: «иные» меры процессуального принуждения – это меры принуждения, не являющиеся задержанием и мерами пресечения.

Такой подход, очевидно, не дает возможности выявить сущность таких мер даже на уровне теории: правовой ли это институт, субинститут или подсубинститут? Определить критерии отнесения какой-либо меры принуждения именно к «иным» мерам попросту невозможно. Между тем принуждение действует в различных социальных связях²⁹⁸, понимание которых невозможно без ясной позиции законодателя о системе средств принудительного характера, включая «иные» меры принуждения.

Сегодня законодатель не предложил понятных оснований отграничений одной группы мер принуждения от других принудительных мер, признаков их системы, любая из которых характеризуется единством закономерно расположенных и находящихся во взаимной связи частей²⁹⁹, т.е. показателей, не дал возможности усмотреть критерий разграничения этих мер и ряда процессуальных действий, содержащих элементы принуждения, из других разделов УПК РФ. Именно совокупность признаков, которые характеризуют меры уголовно-процессуального принуждения, позволяет определить их систему³⁰⁰.

---

²⁹⁸ См.: Лившиц Ю.Д., Ткачёва Н.В. Социальная обусловленность института мер пресечения // Лившиц Ю.Д. Сборник научных трудов. Челябинск, 2004. С. 172.

²⁹⁹ См.: Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2006. С. 719.

³⁰⁰ См.: Чистякова В.С. Законность и обоснованность применения мер уголовно-

Самые первые попытки классификации мер процессуального принуждения сводились к делению их на следующие группы:

1) меры пресечения, главной целью которых и свойственной им всем является воспрепятствование обвиняемому совершить действия, препятствующие нормальному ходу уголовного судопроизводства. Эта же цель свойственна и задержанию, которое состоит в том, что задержанный лишается возможности совершить эти действия в период, когда решается вопрос о его причастности к преступлению, и необходимости применения к нему заключения под стражу;

2) меры по обнаружению и изъятию доказательств: обыск, выемка, в том числе почтово-телеграфной корреспонденции, привод и освидетельствование;

3) меры, обеспечивающие порядок в судебном заседании при слушании уголовных дел;

4) другие меры, каждая из которых имеет самостоятельное значение и не может быть причислена ни к какой из первых трех групп. К этим мерам процессуального принуждения относятся: отстранение обвиняемого от должности и наложение ареста на имущество³⁰¹. Как мы видим, первоначально в теории к этим мерам относили те, которые никуда не вписывались, что, в свою очередь, не может быть критерием для их систематизации.

Группа «иных мер процессуального принуждения» выделялась П.С. Элькинд, которая относила к ним привод, удаление из зала заседания и взыскание в виде штрафа³⁰², а также Н.В. Жогиним и Ф.Н. Фаткуллиным, по мнению которых к таковым следовало относить привод свидетеля и потерпевшего к следователю, наложение ареста на имущество в целях обеспечения возмещения причиненного преступлением материального ущерба, наложение ареста на почтово-телеграфную корреспонденцию, обыск, выемку, освидетельствование, отображение образцов почерка в качестве сравнительного материала для проведения судебной экспертизы, задержание, отстранение от занимаемой должности, наложение ареста на имущество в целях его последующей конфискации, обязательство о явке в органы следствия по вызову и помещение в психиатрическое учреждение на период

процессуального принуждения. М., 1978. С. 13–14.

³⁰¹ См.: Лившиц Ю.Д. Меры процессуального принуждения в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 1958. С. 56–57.

³⁰² См.: Элькинд П.С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л., 1963. С. 79.

проведения судебно-психиатрической экспертизы³⁰³.

В 1978 г. В.М. Корнуков, используя целевой признак, классифицировал меры процессуального принуждения на две группы мер, обеспечивающих: а) участие и надлежащее поведение обвиняемого и других лиц в уголовном процессе (меры пресечения, обязательство о явке, привод, задержание, отстранение от должности); б) обнаружение, изъятие и исследование доказательств (обыск, выемка, освидетельствование, получение образцов для сравнительного исследования, помещение в медицинское учреждение), гражданский иск или возможную конфискацию имущества³⁰⁴. Предусмотренные ст. 263 УПК РСФСР меры, обеспечивающие порядок судебного разбирательства (штраф, удаление из зала судебного заседания), рассматриваются В.М. Корнуковым как процессуальные санкции, выступающие при их применении в виде уголовно-процессуальной ответственности за противоправное поведение в зале судебного заседания, и в систему мер процессуального принуждения им не включаются³⁰⁵. Как мы видим, «иные» меры процессуального принуждения, которые сегодня законодателем включены в гл. 14 УПК РФ, В.М. Корнуков объединял с мерами пресечения. В позиции В.М. Корнукова была определенная логика: нынешние «иные» меры процессуального принуждения, действительно, обеспечивают надлежащее поведение обвиняемого и подозреваемого, однако и при производстве следственных действий обеспечивается надлежащее поведение участников судопроизводства, а удаление из зала судебного заседания – не только санкция, но и мера, обеспечивающая нормальное проведение судебного заседания, в связи с чем к классификации В.М. Корнукова есть вопросы.

Надо сказать, что на тот период времени большинством советских ученых-процессуалистов средство реагирования на нарушение порядка в судебном заседании, предусмотренное ч. 3 ст. 263 УПК РСФСР 1960 г. (чч. 1 и 3 ст. 258 УПК РФ), рассматривалось как санкция карательного характера, мера ответственности³⁰⁶.

---

³⁰³ См.: Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. М., 1965. С. 256.

³⁰⁴ См.: Корнуков В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1978. С. 24–25.

³⁰⁵ См.: Там же. С. 22.

³⁰⁶ См.: Там же. С. 21–22; Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность. Вопросы теории и практики. Казань, 1981. С. 11; Столмаков А.И. Правовосстановительные санкции в уголовном судопроизводстве // Сов. гос-во и право. 1982. № 5. С. 108–112; Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальная ответственность. Воронеж, 1984. С. 57; Кудин Ф.М. Принуждение в уголовном судопроизводстве. Красноярск, 1985. С. 48; Ветрова Г.Н. Санкции в уголовном праве. М., 1991. С. 79; Громов Н.А., Полунин С.А. Санкции в уголовно-процессуальном праве России. М., 1998. С. 78–80.

Однако заметим, что, исходя из характера и степени выраженности в мерах собственно принуждения, В.М. Корнуков все меры процессуального принуждения разделял на меры пресечения и «иные» (курсив – Е.М.) меры процессуального принуждения, включив в число последних задержание, привод, освидетельствование, получение образцов для сравнительного исследования, помещение лица в медицинское учреждение, при этом круг «иных» мер процессуального принуждения видел широко и приведенным перечнем не исчерпывал³⁰⁷.

Таким образом, по разным признакам В.М. Корнуков считал меры, названные сегодня в гл. 14 УПК РФ, либо находящимися в одной группе с мерами пресечения, либо иными мерами процессуального принуждения в зависимости от критерия классификации.

С учетом того, что в уголовно-процессуальном законе не указывалось, какие процессуальные действия относятся к иным мерам процессуального принуждения, В.С. Чистякова попыталась разработать данное понятие и выстроить их систему, констатируя, что в юридической литературе нет единства мнений о признаках и критериях выделения иных мер процессуального принуждения. В качестве возможных критериев указывались характер принуждения (все меры уголовно-процессуального принуждения делятся на меры пресечения и «иные» меры уголовно-процессуального принуждения) и целенаправленность мер принуждения (меры выделяются из всех принудительных мер, применяемых для обеспечения норм уголовно-процессуального права и делятся на группы). При этом В.С. Чистякова сомневалась в возможности определения перечня конкретных действий, относящихся к принудительным мерам с помощью только предложенных критериев. В конечном счете все процессуальные действия могут обеспечиваться принудительной силой. Кроме того, названные критерии недостаточны и для выделения из всех принудительных мер, применяемых для обеспечения исполнения норм уголовно-процессуального права, мер собственно уголовно-процессуального принуждения. Вместе с тем В.С. Чистякова предложила перечень мер, которые объединила в группу иных мер процессуального принуждения. В этот перечень ею были включены: задержание, отстранение обвиняемого от должности, обязательство о явке, обыск, выемка, наложение ареста на имущество; наложение ареста на почтово-телеграфную корреспонденцию и ее выемка в почтово-телеграфных учреждениях, привод, получение образцов для сравни-

---

³⁰⁷ См.: Корнуков В.М. Указ. соч. С. 22.

тельного исследования, освидетельствование, помещение обвиняемого или подозреваемого в медицинское учреждение; удаление из зала заседания подсудимого, гражданского истца, гражданского ответчика, потерпевшего или их представителей, эксперта, специалиста, переводчика в случае нарушения ими порядка в судебном заседании, обязательство о явке, в ходе чего подчеркивалось об их неодинаковости по сущности и характеру, а также о наличии чисто принудительного характера у одних и возможной добровольной реализации других³⁰⁸.

Отметим, что все перечисленные В.С. Чистяковой процессуальные действия, действительно, являются средствами принудительного характера, но «иными» их можно именовать только по отношению к мерам пресечения. Сами по себе эти средства принудительного характера могут быть классифицированы на субинституты и подсубинституты и без использования эпитета «иные».

В свою очередь З.Д. Еникеев признал обоснованным деление мер принуждения на две группы: 1) меры пресечения; 2) иные меры процессуального принуждения³⁰⁹, относя к последней группе совокупность мер, соотносимую с предложенной В.С. Чистяковой³¹⁰.

Заметим, что, невзирая на использование классификационной группы «иных» мер процессуального принуждения в научных целях, в указанных выше работах предложение о необходимости выделения мер, перечисленных сегодня в гл. 14 УПК РФ в отдельную главу УПК РФ, не высказывалось. Надо полагать потому, что никто из ученых так и не смог найти единых идей, объединяющих указанные меры в полноценную систему.

Несмотря на то что в уголовно-процессуальной теории уголовно-процессуальному принуждению, мерам принуждения в целом и отдельным их институтам уделяется большое внимание, современные исследователи данной тематики, тем не менее, в своем большинстве восприняли изменения уголовно-процессуального законодательства в части введения гл. 14 в УПК РФ как данность, и вопрос о концептуальных причинах, повлекших объединение данных мер в одну главу УПК РФ в числе первоочередных, к сожалению, не обсуждается.

---

³⁰⁸ См.: Чистякова В.С. Законность и обоснованность применения мер уголовно-процессуального принуждения. М., 1978. С. 13–14.

³⁰⁹ См.: Еникеев З.Д. Меры процессуального принуждения в системе средств обвинения и защиты. Уфа, 1978. С. 15.

³¹⁰ См.: Чистякова В.С. Законность и обоснованность применения мер уголовно-процессуального принуждения. М., 1978. С. 23–28; Еникеев З.Д. Социальная ценность и эффективность мер уголовно-процессуального пресечения. Уфа, 1979. С. 5–6.

Несомненно, на эффективность применения мер процессуального принуждения оказывает влияние и законодательная техника, в ходе которой законодателем принято решение классифицировать меры процессуального принуждения на три группы, одной из которых является «иные» меры процессуального принуждения. При этом, однако, законодатель не предложил понятных оснований их отграничения от других принудительных мер, признаков их системы, не дал возможности усмотреть критерий разграничения этих мер и ряда процессуальных действий, содержащих элементы принуждения, из других разделов УПК РФ³¹¹.

Учитывая, что не решены основные концептуальные вопросы относительно классификационных оснований для иных мер процессуального принуждения, особую обеспокоенность вызывает достаточность процессуальных гарантий при их применении.

Эффективность действия правовых норм обеспечивается целой системой гарантий, вопрос о которых глубоко исследовался в науке уголовного процесса. Наряду с социальными и нравственными, огромную роль играют гарантии правовые, юридические, т.е. система предусмотренных правом средств, обеспечивающих эффективное решение задач, решаемых посредством права: система норм права, права и обязанности участников уголовного судопроизводства, принципы, меры принуждения, правовая ответственность, деятельность участников уголовного судопроизводства и др.³¹².

При этом в ряде случаев эффективное действие одних норм обеспечивается наличием других³¹³, и нередко от качества последних и зависит эффективность применения. Именно система процессуальных гарантий законности и обоснованности применения мер процессуального принуждения является тем самым показателем, благодаря которому законодателем отграничивается метод государственного принуждения от произвола.

Традиционно процессуальные гарантии классифицируются на: гарантии прав и законных интересов личности в сфере уголовного судопроизводства и гарантии правосудия. Последние подразумевают

---

³¹¹ См.: Манджиева Е.В. Институт иных мер процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве: имеет ли он объективные основания? // Юристъ-Правоведъ. 2019. № 3 (90). С. 66–72.

³¹² См.: Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А.Д. Бойкова и И.И. Карпеца. М., 1989. С. 211–212; Стецовский Ю.И. Право на свободу и личную неприкосновенность: нормы и действительность. М., 2000. С. 101.

³¹³ См.: Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность (очерк теории). М., 1976. С. 78–79.

различные правовые средства и способы, которые направлены на обеспечение уголовно-процессуальной деятельности властных участников лиц уголовного процесса, т.е. на обеспечение достижения правильного результата по уголовному делу. Они являются гарантиями публичных интересов. В целом же «гарантии правосудия и гарантии прав личности являются одновременно гарантиями установления истины»³¹⁴, т.е. обеспечивают реализацию общей социальной потребности в правильном установлении обстоятельств по уголовному делу, справедливых решениях.

Однако поставить знак полного равенства между гарантиями правосудия и гарантиями прав личности в любом случае нельзя³¹⁵, как нельзя отрицать, что между частными и публичными интересами всегда есть и будут некоторые противоречия³¹⁶. Меры уголовно-процессуального принуждения применяются не только в целях обеспечения правильного установления обстоятельств по уголовному делу, т.е. являются не только гарантиями правосудия. Процессуальное принуждение нередко обеспечивает и интересы личности, например, право потерпевшего на доступ к правосудию и на возмещение вреда, причиненного преступлением. Применение меры принуждения в отношении одних участников судопроизводства может быть процессуальной гарантией для других, и в то же время иметь значение для общества.

Технико-юридические гарантии, наряду с «иными», также являются правовыми³¹⁷, поскольку обеспечивают правильное понимание, толкование и применение норм права.

Правильная систематизация уголовно-процессуальных гарантий, свидетельствующая об их согласованности, четком разграничении целей, задач, оснований, – сама по себе серьезная гарантия как правосудия, так и законных интересов личности.

Однако именно относительно правильной и логичной систематизации мер принуждения в уголовном процессе есть обоснованные со-

---

³¹⁴ См.: Здриковский В.А. К понятию гарантий объективности уголовно-процессуального исследования: материалы конференции по итогам научно-исследовательской работы. Свердловск, 1968. С. 46–51.

³¹⁵ См.: Шадрин В.С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. Волгоград, 1997. С. 36.

³¹⁶ См.: Кокорев Л.Д., Лукашевич В.З. Процессуальные гарантии прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве // Вестник Ленинградского университета, 1977. № 11. С. 109–116.

³¹⁷ Теория государства и права / под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. М., 1997. С. 506.

мнения. Способ регламентации мер процессуального принуждения, примененный в разделе IV УПК РФ, в настоящее время не свободен от недостатков.

В целом понятно, что «мерами процессуального принуждения» законодатель предлагает считать средства, основным и главным содержанием которых является именно принуждение, не сопровождающееся решением иных задач. Однако, во-первых, это дезориентирует правоприменителя относительно понимания принуждения в уголовном процессе и препятствует эффективному возмещению вреда, причиненного преступлением; во-вторых, любая принудительная мера обеспечивает решение какой-либо конкретной задачи (например, привод, обязательство о явке и др.); в-третьих, выделение в самостоятельную группу, разделенную на подгруппы, определенных принудительных мер должно сопровождаться ясным разграничением этой группы и входящих в нее подгрупп по основаниям, условиям и субъектам применения. По каждому названному пункту в современном законе существуют проблемы.

Следует констатировать, в частности, некоторую нелогичность существующей системы иных мер процессуального принуждения и поставить вопрос об оптимальности гл. 14 УПК РФ в современном ее виде.

Нельзя не видеть системной связи между рядом мер принудительного характера и иными процессуальными действиями. При наличии этих связей разрыв между этими действиями, даже объяснимый только законодательной техникой, не может не влиять на качество правоприменения.

Таким образом, принимая УПК РФ, законодатель отказался от классического для отечественного уголовно-процессуального законодательства подхода регламентации принудительных мер. Так, в самостоятельной главе УПК РФ отражены только ограничивающие свободу обвиняемого (подозреваемого) принудительные меры³¹⁸, применяющиеся с целью пресечения и предупреждения незаконного поведения лиц, подлежащих привлечению к уголовной ответственности. Однако отсутствие четких критериев ограничения групп мер процессуального принуждения от других принудительных мер и разграничения подгрупп между собой положительно на эффективности уголовно-процессуальных гарантий не сказалось. В этой связи перечень «иных» мер процессуального принуждения, а также название самой

---

³¹⁸ Муравьев К.В. Оптимизация уголовного процесса как формы применения уголовного закона: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09. Омск, 2017. С. 324.

гл. 14 УПК РФ оставляют много вопросов.

Слабость систематизации мер процессуального принуждения сказывается на законности их применения отрицательно, позволяя подменять одну меру другой, ограничивая возможности реализации права на возмещение вреда, причиненного преступлением, т.е. не является в настоящее время действенной гарантией как правосудия, так и защиты прав человека.

Например, помещение в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, или в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, для производства судебной экспертизы (ст. 203 УПК РФ). Каково его соотношение с мерой пресечения в виде заключения под стражей достаточность гарантий прав и законных интересов лица, помещаемого в психиатрический стационар? Если лицо, заключенное под стражу, помещается в подобную медицинскую организацию, считается ли оно содержащимся под стражей? Каковы цели, основания, сроки применения этого средства принудительного характера?

Безусловно, предусмотренное гл. 51 УПК РФ производство о применении принудительных мер медицинского характера, требует усиленных процессуальных гарантий обеспечения прав лица, в отношении которого такое производство осуществляется. Однако, несмотря на все усилия по приведению УПК РФ в соответствии с позицией Конституционного Суда³¹⁹, законодатель уклонился от внятного решения вопроса в части соотношения помещения в психиатрический стационар с мерой пресечения в виде заключения под стражу³²⁰.

Мы солидарны с М.А. Щербаковой, которая полагает, что при помещении лица в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, оно остается под стражей, но добавляется новая цель, дополнительная – излечение³²¹.

Предпринятая законодателем попытка отрицательно повлияла на качество правоприменения: правоприменитель утратил ясное понимание роли конкретной меры уголовно-процессуального принужде-

---

³¹⁹ См.: По делу о проверке конституционности статьи 435 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д. и К.: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 24 мая 2018 г. № 20-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 23, ст. 3387.

³²⁰ См.: Щербакова М.А. Помещение в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в уголовном судопроизводстве: сущность и цели // Известия ТулГУ. Эконом. и юрид. науки. 2022. Вып. 1. С. 128–135.

³²¹ См.: Там же.

ния системе средств уголовного процесса, связь ее с другими процессуальными действиями, четко не видит цели и основания применения. Между тем все это – гарантии законного их применения в том числе – подмены одной меры процессуального принуждения другой, что неизбежно повлекло бы нарушение прав и свобод человека. Объединив ряд мер процессуального принуждения в главе «Иные меры процессуального принуждения», законодатель создал лишь видимость некой систематизации. Обратной ее стороной стал ряд проблем и вопросов, которые дают основание предположить, что в части мер процессуального принуждения в УПК РФ имеет место «ложная систематизация», на деле умножающая хаос³²².

Очевидно, что при нерешенности вопросов, связанных с понятием, системой, признаками, классификацией иных мер процессуального принуждения, ограничением их от других процессуальных мер, в том числе принудительного характера, невозможно системно разрешить проблему оснований их применения и гарантий, обеспечивающих при этом должный уровень защиты прав человека. В этой связи целесообразность систематизации иных мер процессуального принуждения в самостоятельную главу УПК РФ имеет не только техническое, но и сущностное значение. Надежные гарантии прав и свобод человека могут быть обеспечены только при условии понятных целей, оснований, мотивов применения иных мер процессуального принуждения³²³.

На сегодняшний день можно достаточно уверенно утверждать, что, объединив в одной главе разнородные меры принуждения, законодателем запутаны многочисленные вопросы: основания применения иных мер процессуального принуждения, система участников, к которым могут быть применены отдельные из них, уровень обеспечения прав и свобод человека при их применении. Существенными процессуальными гарантиями законодатель посчитал нужным обеспечить лишь наложение ареста на имущество, внеся в ст. 115 УПК РФ кардинальные изменения.

Соответственно, возникает резонный вопрос: если эти меры объединены в одну главу, то цели, основания их применения, основной костяк участников, в отношении которых эти меры могут применять-

---

³²² См.: Манджиева Е.В. Институт иных мер процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве: имеет ли он объективные основания? // Юристы-Правоведь. 2019. № 3 (90). С. 66–72.

³²³ См.: Манджиева Е.В. Основные этапы формирования института мер процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве России (к вопросу об оптимальности структуры раздела IV УПК России) // Государственная служба и кадры. 2018. № 4. С. 191–193.

ся, должны быть едиными? Очевидно, что применительно к средствам, предусмотренным гл. 14 УПК РФ, это не так³²⁴. В результате, складывается впечатление, что в отношении данного института мер принуждения имеет место бессистемный, более того, безответственный подход.

Возникает закономерный вопрос: какая необходимость возникла регламентировать «иные» меры процессуального принуждения иначе, чем это было сделано в советское время? Почему в данное время эти меры трактуются как «иные» и заслуживают объединения в одну главу УПК РФ? Кем и на основании каких аргументов опровергнута логика уголовно-процессуального законодательства Советского Союза, СНГ, российского законодательства XIX – конца XX вв., связывавшая большей частью меры процессуального принуждения с обеспечиваемыми ими процессуальными действиями.

Возможно, что такая глава и имела бы право на существование, но меры, ей регламентированные, должны иметь общие признаки, к числу которых, прежде всего, должны быть отнесены цель и основания.

В настоящее время систематизация «иных» мер процессуального принуждения в уголовно-процессуальном законодательстве России (гл. 14 УПК РФ) не основана на критериях, позволяющих считать ее отвечающей требованиям, предъявляемым к системе.

§ 3. Цели и основания применения мер процессуального принуждения как факторы их систематизации

На сегодняшний день к обоснованности выделения законодателем в отдельную гл. 12 УПК РФ института задержания (ст. 91–96) есть серьезные вопросы, которые относятся к числу дискуссионных³²⁵. Правильное определение места задержания в системе мер принуждения создает проблему не только для выработки единого теоретического представления о данной мере принуждения, но и для ее применения³²⁶. Давая в п. 11 ст. 5

---

³²⁴ См.: Манджиева Е.В. Цели и основания применения иных мер процессуального принуждения: необходима унификация // Перспективы государственно-правового развития в XX в.: сб. материалов Всерос. науч.-теорет. конф. Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2019. С. 264–268.

³²⁵ См.: Химичева О.В., Шаров Д.В. Некоторые аспекты обеспечения прав лица при задержании по подозрению в совершении преступления // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 5. С. 56–61.

³²⁶ См.: Победкин А.В., Яшин В.Н. Фактическое и процессуальное задержание подозреваемого: необходимо решение законодателя // Известия Тульского гос. ун-та. Эконом. и юрид. науки. 2018. № 1–2. С. 16–24.

УПК РФ определение «задержания», законодатель, однако, не в полной мере отражает его сущность и содержание, умалчивая о целях задержания, а отдельная глава, ему посвященная, не дает возможности выявить эти цели путем системного анализа.

Высказывалась точка зрения и о том, что задержание прямо необходимо отнести к иным мерам процессуального принуждения³²⁷. И сегодня согласно проведенному опросу 10,3 % опрошенных респондентов считают, что необходимо расширить перечень гл. 14 УПК РФ путем внесения в него задержания в качестве иной меры процессуального принуждения.

Задержание как процессуальное действие всегда привлекало ученых-процессуалистов³²⁸, поскольку, по сути, представляет собой «... не что иное, как лишение свободы со всеми вытекающими отсюда последствиями»³²⁹.

Стоит отметить, что еще в советской юридической литературе предпринимались попытки ввести понятие термина «задержание» с целью жесткого обособления института уголовно-процессуального права, принципиально отличного от других мер административного воздействия. Для этого задержание предлагали рассматривать как разновидность ареста³³⁰. М.С. Строгович писал, что «хотя задержание не является мерой пресече-

---

³²⁷ См.: Бушная Н.В. Проблемы применения мер процессуального принуждения в стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Волгоград, 2006. С. 134–135.

³²⁸ См.: Сергеев А.И. Задержание лиц, подозреваемых в совершении преступления, по советскому уголовно-процессуальному закону. Горький, 1976; Гуткин И.М. Актуальные вопросы уголовно-процессуального задержания. М., 1980; Григорьев В.Н. Задержание подозреваемого. М., 1999; Веретенников И.А. Задержание подозреваемого как комплексный правовой институт: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 2001; Ретюнских И.А. Процессуальные проблемы задержания лица по подозрению в совершении преступления: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Екатеринбург, 2001; Луговец Н.В. Задержание подозреваемого и иные меры процессуального принуждения: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Саратов, 2004; Россинский С.Б. Задержание подозреваемого: конституционно-межотраслевой подход: монография. М., 2018 и др.

³²⁹ Москалькова Т.Н. Этика уголовно-процессуального доказывания. М., 1995. С. 99.

³³⁰ См.: Бекешко С.П. и Матвиенко Е.А. Подозреваемый в советском уголовном процессе. Минск, 1969. С. 87; Давыдов П.М. и Якимов П.П. Применение мер процессуального принуждения по основам уголовного судопроизводства СССР и союзных республик. Свердловск, 1961. С. 59; Копейко П., Иванов Л. Строго соблюдать закон при задержании подозреваемых в совершении преступлений // Социалистическая законность. 1964. № 3. С. 19–20; Лившиц Ю.Д. Меры пресечения в советском уголовном процессе. М., 1964 г.; Мирский Д.И. Правовая природа задержания лица, подозреваемого в совершении преступления. Вопросы борьбы с преступностью по советскому законодательству. Иркутск, 1969. С. 296; Похмелкин В.А. Задержание по советскому уголовно-процессуальному законодательству // Советское государство и право. 1958. № 12. С. 102–107; Стрёмовский В.А. Участники предварительного следствия. Ростов-на-Дону, 1966. С. 91; Хаткевич М.Ф. Надзор за законностью задержания граждан // Материалы научной конференции, посвященной вопросам прокурорского надзора за дознанием и предварительным следствием. М., 1964. С. 90–95.

ния... оно все же представляет собой арест лица...»³³¹. Самое же главное, что целью задержания объективно остается выявление причастности лица к совершению преступления и последующее решение вопроса о необходимости применить к нему меру пресечения в виде заключения под стражу (в сегодняшних условиях, надо полагать, и домашнего ареста). Иначе говоря, задержание имеет прямую связь с мерами пресечения, и, прежде всего, возможным заключением под стражу как с точки зрения целей, так и по сути.

Мотивы задержания представляют собой по сути те же основания, что и для применения меры пресечения, а цель задержания и мер пресечения – установить причастность лица к совершению преступления в условиях, не позволяющих собственно подозреваемому, обвиняемому воспрепятствовать этому. Фактически различие задержания и меры пресечения в виде заключения под стражу только в сроке. Таким образом, задержание, по сути, есть мера пресечения, которая представляет собой краткосрочное ограничение свободы лица.

К сожалению, современный российский законодатель не учел теоретические наработки советских ученых в сфере уголовного судопроизводства при создании УПК РФ. Рассмотрение задержания как средства принудительного характера, связанного с мерами пресечения, позволило бы правильно решить и другие практически значимые вопросы, например, о фактических основаниях задержания³³².

По уголовно-процессуальному законодательству Франции, например, задержание – это принудительная мера, которая представляет из себя лишение свободы на несколько дней, состоящая в удержании в помещении, где находится лицо, проводящее расследование, применяемую офицером судебной полиции под контролем судебной власти против лица, в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что оно совершило или пыталось совершить преступление или уголовный проступок, наказываемый лишением свободы. Задержание ограничивает свободу лица, направлено на собиране доказательств и обеспечивает последующий допрос подозреваемого, присутствие его при производстве ряда других процессуальных действий³³³.

Говоря о зарубежном законодательстве в части задержания, отметим уголовно-процессуальное законодательство Турции, согласно

---

³³¹ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1958. С. 276.

³³² См.: Манджиева Е.В. Соотношение задержания и заключения под стражу: принципиальны ли различия? // Актуальные проблемы теории и практики уголовного процесса: сб. матер. Междунар. науч.-практ. конф. Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2019. С. 107–111.

³³³ См.: Барбанов П.К. Уголовный процесс Франции. М., 2016. С. 343.

которому задержание и дальнейшее заключение под стражу взаимосвязаны и имеют целью сохранение доказательств, в связи с чем помещены в раздел «Меры обеспечения». Вместе с тем Закон об уголовной процедуре рассматривает задержание в качестве временного ограничения личной свободы человека, который находится под подозрением в совершении преступления, применяемое также для установления личности человека, заподозренного в совершении преступления, либо для проведения последующего ареста³³⁴.

С учетом вышеизложенного, представляется целесообразным включить задержание в гл. 13 УПК РФ, назвав ее «Задержание и меры пресечения», где подробно регламентировать порядок и условия задержания как подозреваемого, так и обвиняемого, соответственно в п. 11 ст. 5 УПК РФ разъяснить, что задержание – мера принуждения, состоящая в краткосрочном лишении свободы с целью выявления причастности лица к совершению преступления и решения вопроса о применении к нему мер пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста.

«Иные» меры процессуального принуждения, обозначенные в гл. 14 УПК РФ, как демонстрировалось выше, вовсе не исчерпывают систему средств принудительного характера, предусмотренных в УПК РФ. Критерии их систематизации в указанной главе неясны и не позволяют четко решить ряд важных вопросов как теоретического, так и правоприменительного характера. Рассогласованность, неоднозначность, непродуманность формулировок соответствующих статей УПК РФ рождают проблемы в теории и в правоприменении, в результате затрудняя использование этих мер даже в тех случаях, когда они необходимы и целесообразны³³⁵. К числу таких принципиально важных вопросов относятся вопросы о целях и основаниях применения мер процессуального принуждения, называемых законодателем «иными», а также поиск некоего объединяющего начала, кроме невосребованности в иной группе, позволяющего разместить их в одной главе УПК РФ.

Согласно ст. 111 УПК РФ «иные» меры процессуального принуждения применяются в целях обеспечения установленного УПК

---

³³⁴ См.: Григорьев В.Н., Сумин А.А. Введение в уголовный процесс Турции: монография. М., 2018. С. 59–60.

³³⁵ См.: Белкин А.Р. Спорные вопросы применения иных мер процессуальной принуждения // Правовое и криминалистическое обеспечение управления органами расследования преступлений: матер. Всерос. науч.-практ. конф. М.: Академия управления МВД России, 2001. Ч. I. С. 40–44.

РФ порядка уголовного судопроизводства и надлежащего исполнения приговора. При этом, невзирая на наименование ст. 111 УПК РФ, об основаниях применения «иных» мер процессуального принуждения в ней умалчивается, что в свою очередь дезориентирует правоприменителя³³⁶.

Очевидно, что цель и основание действия – не одно и то же. Цель – идеальная модель результата³³⁷. Основаниями применения мер процессуального принуждения являются наиболее существенные обстоятельства, вызывающие необходимость принудительного воздействия в сфере уголовного судопроизводства³³⁸. Вместе с тем основания принятия процессуальных решений неоднородны. Прежде всего, выделяют юридические основания производства действия и принятия решения³³⁹, т.е. установленные законом действия, которые необходимо совершить, для того чтобы имелись легальные основания для производства действия или принятия решения. При этом фактические основания понимают либо как совокупность установленных обстоятельств, позволяющих совершить действие, принять процессуальное решение, либо как достаточность доказательств, позволяющих считать эти обстоятельства установленными³⁴⁰.

Толковый словарь вкладывает в понятие «основание» следующее объяснение: «то же, что основа; существенный признак, по которому распределяются явления, понятия; причина, достаточный повод»³⁴¹.

Полагаем, что фактическими основаниями принятия процессуальных решений, совершения процессуальных действий, учитывая положения теории доказывания в уголовном судопроизводстве, могут считаться только обстоятельства, составляющие предмет доказывания, установление которых необходимо в каждом конкретном случае именно доказательствами: обратим внимание на ч. 1 ст. 74 УПК РФ, где предусмотрено, что доказательствами устанавливается наличие или отсутствие обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, к которым, вне всякого сомнения, относятся и необходимые для принятия отдельных процессуальных решений, и совершения процес-

---

³³⁶ См.: Гараева Т.Б. Основания применения иных мер уголовно-процессуального принуждения: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Омск, 2021. С. 10.

³³⁷ См.: Смирнов Г.К. Восстановление в УПК объективной истины как цели доказывания // Уголовный процесс. 2012. № 4. С. 10–17.

³³⁸ См.: Коврига З. Ф. Уголовно-процессуальная ответственность. Воронеж, 1984. С. 79.

³³⁹ См.: Lupinskaya P.A. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика. М.: Юристъ, 2006. С. 72–73.

³⁴⁰ См.: Муратова Н.Г. Процессуальные акты органов предварительного расследования. Казань, 1989. С. 58.

³⁴¹ Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2006. С. 463.

суальных действий³⁴².

При этом принципиальным является необходимость установления таких обстоятельств исключительно на основании доказательств, поскольку процессуальные решения, которые в той или иной степени всегда ограничивают права и свободы человека, не могут (даже частично) приниматься на основе информации, которая не обладает свойствами относимости и допустимости и не отвечает требованиям достаточности, т.е. не на основе доказательств³⁴³. В противном случае возникали бы проблемы с их возможностью обжалования, проверяемостью, убедительностью и т.д.

В этой связи нельзя согласиться с возможностью о допустимости использования оперативно-розыскной или другой непроцессуальной информации для обоснования принятия процессуальных решений, включая и меры принуждения, даже частично, наряду с доказательствами³⁴⁴.

Очевидно, что в ст. 111 УПК РФ об основаниях речи нет. Даже если предположить, что об основаниях сказано в ч. 2 ст. 111 УПК РФ: «В случаях, предусмотренных настоящим Кодексом дознаватель, следователь или суд вправе применить к ...», то возникает вопрос, почему в отношении одних участников (ч. 1 ст. 111 УПК РФ) речь идет о цели, а в отношении других – только об основаниях применения меры принуждения. Однако и формулировкой оснований применения мер принуждения содержание ч. 2 ст. 111 УПК РФ явно не является. «В случаях, предусмотренных настоящим кодексом...» может означать и цели, и основания, и конкретную процессуальную ситуацию. Кроме того, логика ч. 2 ст. 111 УПК РФ явно страдает: для чего отсылать к случаям, предусмотренным УПК РФ, если они должны быть предусмотрены в тех статьях, которые регламентируют порядок применения конкретной меры процессуального принуждения.

Исходя из формулировки ч. 1 ст. 111 УПК РФ, также следует формальный и, очевидно, неверный вывод, что все перечисленные в

---

³⁴² См.: Победкин А.В. Уголовно-процессуальное доказывание: монография. М., 2009. С. 116.

³⁴³ См.: Там же; Победкин А.В., Ерохина О.В. Следователь в судебном заседании в ходе досудебного производства по уголовному делу: монография. М., 2017; Победкин А.В. Тайное проникновение оперативно-розыскной деятельности в открытую дверь уголовного судопроизводства // Судебная власть. 2018. № 2. С. 104–110.

³⁴⁴ См.: Россинский С.Б. Проблема использования в уголовном процессе результатов оперативно-розыскной деятельности требует окончательного разрешения // LEX RUSSICA. 2018. № 10 (143). С. 70–84; Фролова Т.А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности // Уголовный процесс. 2008. № 9. С. 10–20.

этой статье «иные» меры процессуального принуждения применяются для обеспечения установленного УПК РФ порядка производства и надлежащего исполнения приговора. Ш.М. Магомедов, например, определяя меры уголовно-процессуального принуждения, указывает, что они являются средствами принудительного характера, кроме задержания и мер пресечения, которые применяются в целях реализации назначения уголовного судопроизводства и решения его задач и заключаются во временном ограничении прав и свобод участников уголовного судопроизводства (или) применении процессуальных санкций³⁴⁵.

Во-первых, для этого в широком смысле принимаются все уголовно-процессуальные решения, тем более меры процессуального принуждения и те, которые предусмотрены в ч. 2 ст. 111 УПК РФ, и размещенные в разных разделах и главах УПК РФ. Все средства принудительного характера временно ограничивают права и свободы участников уголовного судопроизводства, если подчинение им не имеет добровольного характера. Во-вторых, такое широкое понимание целей применения иных мер процессуального принуждения предоставляет правоприменителю неоправданно широкие границы для использования данных мер. В-третьих, ясно, что цели применения каждой иной меры процессуального принуждения, нашедшей свое место в гл. 14 УПК РФ, более конкретны, и они объективно существуют.

Заметим, что применительно к целям и основаниям, их разграничению проблемы существуют даже относительно мер пресечения, которым посвящено множество научных работ. Отметим, что в УПК РФ цели избрания даже меры пресечения прямо не названы³⁴⁶ и большинством исследователей вычленяются из содержания ст. 97 УПК РФ «Основания для избрания меры пресечения»³⁴⁷. Некоторые исследователи видят определённые погрешности и в самой ст. 97 УПК РФ.

---

³⁴⁵ См.: Магомедов Ш.М. Применение иных мер уголовно-процессуального принуждения: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. СПб., 2020. С. 10.

³⁴⁶ Термин «цели» употребляется в ст. 106 УПК РФ только при указании частных целей залога.

³⁴⁷ А.Р. Белкин обращает внимание на неточность заглавия указанной нормы и отмечает, что фактически в ней речь идет о целях (мотивах) применяемых мер пресечения. См.: Белкин А.Р. Общие вопросы избрания мер пресечения в уголовном процессе России // Уголовное судопроизводство. 2012. № 2. С. 27–30. По мнению О.И. Цоколовой, «в формулировке ст. 97 УПК РФ произошло смешение оснований и целей... Существование перечисленных в указанной статье обстоятельств как целей применения мер пресечения несомненно». См.: Цоколова О.И. Меры уголовно-процессуального принуждения, состоящие в изоляции подозреваемого, обвиняемого: монография. М., 2008. С. 174–175.

К примеру, неточно само название статьи «Основания для избрания меры пресечения» – фактически в ней речь идёт о целях (мотивах) применяемых мер пресечения, основаниями же для этих мер являются аргументированные предположения о совершении этим лицом преступления (либо подготовке к его совершению)³⁴⁸. Ещё точнее предположить, что целями применения мер пресечения, действительно, могут считаться: исключение возможности скрыться, незаконно воспрепятствовать установлению обстоятельств по уголовному делу³⁴⁹ и т.д., тогда как основания – это обстоятельства, подтвержденные конкретными доказательствами, что существует реальная угроза совершения таких действий.

Подобное смешение оснований и целей применения мер пресечения привело к различному пониманию и определению их целей, вплоть до смешения³⁵⁰. Данную позицию разделяет, в частности, Г.П. Ивлев, который утверждает, что только при установлении оснований законодатель называет эти обстоятельства целями³⁵¹. По мнению О.И. Цоколовой, обстоятельства, представленные в ст. 97 УПК РФ, необходимо считать целями применения мер пресечения, основания же их применения – разработать и сформулировать иные, более конкретные, чтобы не создавать почвы для нарушений законности и разной трактовки правовой нормы³⁵².

О.А. Зайцев считает, что в качестве общих оснований применения мер пресечения выступают достаточные доказательства, позво-

---

³⁴⁸ См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А.Я. Сухарева; 2-е изд. М., 2004. С. 194; Научно-практический комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. / под общ. ред. В. М. Лебедева; науч. ред. В.П. Божьев; 6-е изд., перераб. и доп. М., 2010. С. 346; Якупов Р.Х., Галузо В.Н. Уголовный процесс; 6-е изд., перераб. М., 2008. С. 260.

³⁴⁹ См.: Шаров Д.В. Цели применения мер пресечения: взгляд адвоката (тезисы) // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 72–75.

³⁵⁰ См.: Лившиц Ю.Д. Меры процессуального принуждения в советском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 1958. С. 5-6; Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж, 1975. С. 84; Михайлов В.А. Меры пресечения в российском уголовном процессе. М., 1996. С. 17–18; Чучаев Д.И., Лукьянова Л.М. Судебная проверка законности и обоснованности ареста. Ульяновск, 1997. С. 6; Рыжаков А.П. Уголовный процесс. М., 1999. С. 385; Рыжаков А.П. Меры пресечения. Серия «Уголовный процесс на практике». М., 1996. С. 7; Жога Е.Ю., Рукавишников В.П. Цели и основания применения предварительного заключения под стражу // Следователь. 2000. № 7. С. 18–28; Трунов И.Л., Трунова Л.К. Меры пресечения в уголовном процессе. СПб., 2003. С. 37–40 и др.

³⁵¹ См.: Ивлев Г.П. Основания и цели применения мер процессуального принуждения // Государство и право. 1995. № 11. С. 71–77.

³⁵² См.: Цоколова О.И. Применение органами предварительного следствия и дознания мер процессуального принуждения под судебным контролем: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 1995. С. 7–8.

ляющие суду с высокой степенью вероятности сделать выводы: а) об обоснованности подозрения в совершении преступления, предусмотренного уголовным законом; б) об установлении лица, обвиняемого (подозреваемого) в совершении данного деяния; в) о том, что в случае неприменения той или иной меры пресечения данное лицо скроется от следствия или суда; может продолжать заниматься преступной деятельностью, угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства; может уничтожить доказательства, иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу³⁵³.

Применительно к целям и основаниям применения иных мер процессуального принуждения, предусмотренным гл. 14 УПК РФ, обратим внимание, что они конкретизированы и разграничены еще меньше, чем цели и основания применения мер пресечения (тот же упрек можно предъявить и ст. 91 УПК РФ, в которой ничего не сказано о целях задержания). Обратим внимание, что цели (основания) применения ряда иных мер принуждения сформулированы в законе с использованием оценочных выражений и не разграничены: «при необходимости», «конкретные, фактические обстоятельства», «в случае неисполнения участниками уголовного судопроизводства процессуальных обязанностей...», «в случае неявки по вызову без уважительных причин» и др. Толкование таких предписаний имеет различия, порой существенные. Недостаточная определенность, многозначность, неконкретизированность оценочных терминов вынуждают правоприменителей «расшифровывать» их содержание по собственному усмотрению, вкладывать в него определенный смысл, соответствующий личным представлениям. Сложность состоит в том, что значение данных предписаний не может быть однозначно определено всеми участниками уголовного процесса, применяющими закон³⁵⁴, в том числе и потому, что невозможно проследить общую цель и некие обобщенные основания применения этих мер. Мало того, отсутствие ясного обозначения цели и оснований применения отдельных мер процессуального принуждения приводит к подмене одной меры другой. Так, временное отстранение от должности нередко подменяет меру пресечения, наложение ареста на имущество – обыск, обязательство о явке – разъяснение обязанности свидетеля являться по вызову и т.д.

---

³⁵³ См.: Зайцев О.А. Международно-правовые стандарты относительно оснований для избрания меры пресечения обвиняемому в виде заключения под стражу // Вестник Тверского гос. ун-та. Серия: Право. 2016. № 3. С. 100–107.

³⁵⁴ См.: Безруков С.С. Оценочные понятия и термины в уголовно-процессуальном законодательстве России: монография. Омск, 2003. С. 4.

В этой связи представляется необходимым цели и основания применения иных мер процессуального принуждения конкретизировать и, исходя из этого, решить, какое место они должны занимать в структуре уголовно-процессуального законодательства.

Сегодня цели большинства иных мер процессуального принуждения, применяемых к подозреваемым, обвиняемым, как и мер пресечения, связаны с обеспечением постановления и исполнения гипотетического приговора, иного судебного решения, которым на данное лицо возлагаются уголовно-правовые последствия в связи с запрещенным деянием³⁵⁵. В целом на это же направлены и те «иные» меры процессуального принуждения, которые применяются к свидетелю, потерпевшему и другим участникам судопроизводства. Так, согласно чч. 1 и 3 ст. 115 УПК РФ арест может быть наложен на имущество подозреваемого, обвиняемого, а также лиц, несущих по закону материальную ответственность за действия подозреваемого или обвиняемого, в целях обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска и других имущественных взысканий.

Обратимся подробнее к каждой мере процессуального принуждения раздела IV гл. 14 УПК РФ, посвящённой иным мерам процессуального принуждения.

1) *Обязательство о явке (ст. 112)*. Невзирая на самостоятельное правовое регулирование, конкретные цели основания его применения не сформулированы. Законодатель в ч. 1 ст. 112 УПК РФ ограничился указанием, что оно может быть взято у участников процесса (подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля) «при необходимости». Такое оценочное выражение, как справедливо отмечает Б.Б. Булатов, не дает фактически никаких ориентиров для того, чтобы «диагностировать» ситуации, когда по обстоятельствам расследуемого уголовного дела требуется взятие у лица обязательства о явке³⁵⁶.

В результате изучения материалов уголовных дел было выявлено, что обязательство о явке применялось в отношении 6,5 % подозреваемых, обвиняемых и в основном в ходе дознания, 11,3 % – потерпевших, 8,3 % – свидетелей, при этом можно сделать вывод, что, как правило, обязательство о явке применялось в ходе расследования дел небольшой тяжести в отношении лиц, ведущих асоциальный образ жизни, игнорирующих требования законодательства.

---

³⁵⁵ См.: Муравьев К.В. Оптимизация уголовного процесса как формы применения уголовного закона: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09. Омск, 2017. С. 80.

³⁵⁶ См.: Булатов Б.Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: монография. Омск, 2003. С. 136.

Вместе с тем практически половина опрошенных (49,1 % от общего числа) отметила ее неэффективность.

Нечастое применение обязательства о явке, как нам представляется, связано с ее недостаточной правовой регламентацией, содержащей спорные и противоречивые положения, касающиеся оснований и целей ее применения.

Обязательство о явке относится к превентивно-обеспечительным мерам процессуального принуждения, сущность которых состоит в письменном разъяснении обязанности являться по вызову.

Эта мера может являться принудительной, поскольку основана на обязательстве самого участника процесса, которую он дает добровольно, и если участник судопроизводства соблюдает ее из-за страха возможного наказания, то находится под действием меры принуждения. При этом обязательство о явке – не всегда принуждение: если мы разъясняем ответственность, чтобы возбудить страх перед наказанием, то это мера принуждения, а если, чтобы воззвать к совести, то нет.

Законодатель не требует получать обязательство о явке в обязательном порядке, вполне достаточно разъяснить свидетелю (потерпевшему), и даже обвиняемому, и подозреваемому обязанности являться по вызову. Надо полагать, что основаниями для применения обязательства о явке являются сведения о том, участники уголовного процесса могут не явиться по вызову. Само по себе обязательство о явке не гарантирует явку: смысл, заложенный в ней, предупредить о возможных неблагоприятных последствиях, которые могут наступить при применении иной меры принуждения в случае неявки.

Поскольку достижению цели своевременной явки обвиняемого, подозреваемого служат и меры пресечения, некоторые основания взятия обязательства о явке определяют через отсутствие оснований, делающих необходимым применение меры пресечения³⁵⁷. Б.Б. Булатов полагает, что подобный подход не решает проблемы, связанной с основаниями применения обязательства о явке. «Вероятно, – считает Б.Б. Булатов, – отсутствие оснований для избрания меры пресечения надлежит рассматривать в качестве одного из условий, учитываемых при решении вопроса о взятии обязательства о явке, да и то лишь в отношении подозреваемого и обвиняемого»³⁵⁸.

---

³⁵⁷ См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.В. Мозякова; 2-е изд., перераб. и доп. М., 2002. С. 250; Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.М. Лебедева; науч. ред. В.П. Божьев. М., 2002. С. 248.

³⁵⁸ Булатов Б.Б. Обязательство о явке // Российский следователь. 2003. № 5. С. 2–6.

Некоторыми авторами высказывается мнение о том, что решение о взятии обязательства о явке может быть принято в качестве дополнительного к решению о применении меры пресечения (например, к личному поручительству)³⁵⁹. Эта точка зрения, действительно, небезупречна³⁶⁰. Получение дополнительно обязательства о явке является, на наш взгляд, в таких ситуациях излишним. Тем более, что в УПК РФ отсутствует положение о том, что, наряду с указанной мерой принуждения, в отношении подозреваемого, обвиняемого может быть применена мера пресечения.

Обязывая названных лиц сообщать о перемене места жительства, обязательство о явке, в сравнении с мерой пресечения в виде подписки о невыезде, фактически не ограничивает право гражданина на свободу передвижения, выбор места жительства (пребывания). Анализируемой мере процессуального принуждения законодатель отводит роль способа обеспечения *быстрой* (курсив – Е.М.) явки обвиняемого, подозреваемого, потерпевшего, свидетеля к дознавателю, следователю и в суд при возникновении необходимости в проведении следственных или процессуальных действий. Возложение на них обязанности незамедлительно сообщать о перемене места жительства должностным лицам, расследующим уголовное дело, продиктовано соображениями предоставить возможность своевременно, т.е. по возможности быстро, вызвать обвиняемого, подозреваемого, потерпевшего, свидетеля и привлечь их к участию в следственном (процессуальном) действии.

С учетом изложенного в качестве оснований взятия обязательства о явке можно рассматривать имеющиеся у лица, производящего расследование, сведения, которые указывают на наличие у перечисленных в ст. 112 УПК РФ лиц постоянного или временного места жительства, а также на высокую степень вероятности того, что обвиняемый и подозреваемый не будут скрываться от дознания, предварительного следствия или суда, продолжать заниматься преступной деятельностью, препятствовать производству по уголовному делу, потерпевший и свидетель не станут отказываться от явки по вызову вследствие проживания вне места ведения уголовного дела или по иным причинам, при наличии вероятности возникновения потребности скорейшего получения показаний от указанных лиц.

---

³⁵⁹ См.: Григорьев В.Н., Кузьмин Г.А. Правовые и организационные основы принятия решений в уголовном процессе (досудебные стадии). М., 2003. С. 115.

³⁶⁰ См.: Булатов Б.Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: монография. Омск, 2003. С. 137.

Некоторые исследователи вполне справедливо полагают, что иными мерами процессуального принуждения, которые могут быть применены к лицу за нарушение обязательства о явке, являются привод и наложение денежного взыскания³⁶¹. Другие, напротив, говорят о невозможности наложения денежного взыскания на нарушителя обязательства о явке и единственным последствием нарушения свидетелем (потерпевшим) обязательства о явке видят привод³⁶².

В связи с этим следует обратить внимание на то, что в настоящее время, действительно, денежное взыскание не может быть наложено на подозреваемого и обвиняемого, поскольку оно не входит в систему мер процессуального принуждения, применяемых к данным участникам уголовного процесса в соответствии с ч. 1 ст. 111 УПК РФ³⁶³. Однако, несмотря на прямой запрет законодателя, 18,1 % из числа опрошенных практических сотрудников считают возможным применение к подозреваемому (обвиняемому, подсудимому) данной меры принуждения, при этом 62,4 % пояснили, что считают возможным включить подозреваемого (обвиняемого, подсудимого) в число участников уголовного процесса, на которых может быть наложено денежное взыскание. По нашему мнению, применение денежного взыскания (с учетом сделанных ниже предложений относительно места в системе законодательства этой меры принуждения) целесообразно распространить в отношении и обвиняемых, и подозреваемых.

---

³⁶¹ См.: Цоколова О.И. Статья 112. Обязательство о явке // Комментарий к кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.И. Радченко. М., 2003. С. 250; Ендольцева А.В. Статья 112. Обязательство о явке // Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (научно-практическое издание) / под общ. ред. В.В. Мозякова, Г.В. Мальцева, И.Н. Барцица. М., 2003. С. 353.

³⁶² См.: Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). С. 148; Качалова О.В. Статья 112. Обязательство о явке // Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Новая редакция. М., 2002. С. 225; Качалова О.В. Статья 112. Обязательство о явке // Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Н.Л. Петухова, Г.И. Загорского. М., 2002. С. 225; Масленникова Л.Н. Глава 14. Иные меры процессуального принуждения // Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. Д.Н. Козак, Е.Б. Мизулина. М., С. 260; Марчук А.Д., Федулов А.Д. Глава 14. Иные меры процессуального принуждения // Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.И. Радченко; науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. М., 2004. С. 322; Чистякова В.С. Глава 16. Понятие и виды мер процессуального принуждения // Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / отв. ред. П.А. Лупинская. М., 2003. С. 294; Громов Н.А., Макридин С.Ю. Уголовный процесс. М., 2003. С. 96; Булатов Б.Б., Николук В.В. Меры уголовно-процессуального принуждения (по главе 14 УПК России). М., 2003. С. 44; Булатов Б.Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: монография. Омск, 2003. С. 143.

³⁶³ См.: Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс / под общ. ред. А.В. Смирнова; 3-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 281.

Таким образом, изучение следственной практики показывает, что в ходе производства по уголовным делам обязательство о явке не находит достаточного применения.

Основанием получения обязательства о явке является «необходимость» – обстоятельства, подтвержденные доказательствами, что у конкретных лиц необходимо получить обязательство о явке. Юридическое основание – сам факт постановки лица в положение свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого. Цель – обеспечение быстрой явки лица. Следует иметь в виду, что в ч. 2 ст. 112 УПК РФ речь идет о письменном обязательстве лица своевременно являться по вызовам, т.е. не о пресечении уклонения, а об обеспечении быстроты явки. Если бы были основания полагать, что возможно уклонение, то в отношении подозреваемого, обвиняемого следовало бы применить меру пресечения, а в отношении свидетеля и потерпевшего таких превентивных мер нет. Итак, обязательство о явке применяется в случаях, когда отсутствуют основания для избрания меры пресечения (в отношении подозреваемого, обвиняемого), а применительно к свидетелю и потерпевшему – необходимо обеспечить как можно быструю их явку. Соответственно, это средство принудительного характера не имеет жесткой связи с мерами пресечения и обязанностями свидетеля, потерпевшего являться по вызовам – оно обеспечивает лишь своевременность явки. Поэтому место процессуальных норм, регламентирующих обязательство о явке, – в гл. 21 УПК РФ, где целесообразно было бы предусмотреть соответствующую ст. 161¹ УПК РФ «Обязательство о явке». Тем более, учитывая, что ст. 161 УПК РФ «Недопустимость разглашения данных предварительного расследования» имеет аналогичный характер – в большей степени меры убеждения.

2) *Привод (ст. 113)*. Право привода применительно к конкретному процессуальному действию прямо предусмотрено только при допросе (ч. 3 ст. 188 УПК РФ). В ч. 1 ст. 113 УПК РФ внимание акцентируется на участниках, которые могут быть подвергнуты приводу – подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, свидетель и лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве. В научной литературе бытует справедливое мнение, что указанные лица могут быть принудительно доставлены для проведения любого следственного действия, за исключением тех, процедура производства которых не предусматривает персонального их участия³⁶⁴.

---

³⁶⁴ См.: Писарев А.В. Производство следственных действий, ограничивающих право граждан на личную неприкосновенность: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Омск, 2002. С. 73–74.

С производством следственных действий связывал привод и МУПК, разместив нормы, его регламентирующие, в специальной гл. 22 «Принудительное производство следственных действий».

Вряд ли есть ограничения для использования привода и при необходимости проведения не только следственных, но и иных процессуальных действий. Также нельзя согласиться и с тем, что привод – элемент того процессуального действия, для обеспечения которого применяется, что следует например из определения привода, данного А.В. Писаревым, который видит привод в качестве меры психического и физического принуждения, исполнение которой возможно в ходе проведения следственного действия³⁶⁵. Любое средство принудительного характера, как и обосновывалось выше, – самостоятельное процессуальное действие, обеспечивающее иное процессуальное действие.

Как показывает практика, роль и значение привода с каждым годом возрастает, поскольку случаи ненадлежащего выполнения участниками процесса обязанности являться по вызову становятся все более распространенными; практическими работниками привод становится все более востребованным. Изучение процессуальных решений о применении иных мер уголовно-процессуального принуждения показало, что больше, чем третья часть из них (35,6 %), – решения о применении привода. Опрос практических работников о применении иных мер уголовно-процессуального принуждения показал, что привод применяли 88 % из общего количества опрошенных, из которых только 3,3 % посчитали его малоэффективным.

Привод служит в первую очередь целям обеспечения своевременной явки лица к следователю, дознавателю или в суд, он является наиболее действенным и востребованным процессуальным средством обеспечения явки участников уголовного судопроизводства. М.В. Кучугура отмечает, что «привод был и остается наиболее действенной и ограничивающей гражданские права и свободы процессуальной мерой принуждения»³⁶⁶, хотя, справедливости ради, следует отметить, что утверждение о наибольшем ограничении приводом гражданских прав и свобод является несколько преувеличенным.

Оригинальное определение привода давал И.Я. Фойницкий, усматривая и в этом случае принуждение в качестве крайней меры:

---

³⁶⁵ См.: Писарев А.В. Производство следственных действий, ограничивающих право граждан на личную неприкосновенность: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Омск, 2002. С. 73–74.

³⁶⁶ Кучугура М.В. Процессуальные меры принуждения к исполнению обязанностей свидетеля по уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации // Правовые проблемы Российской Федерации: сборник статей / под ред. Ю.К. Якимовича. Томск, 2002. Ч. 10. С. 75–76.

«Приводом называется такое приглашение обвиняемого к следствию и суду, которое состоит в том, что по предъявлении ему повестки он приглашается следовать за ее препроводителем, а в случае неповиновения или ослушания приводится к следствию при содействии должностных или частных лиц»³⁶⁷.

Решение вопроса о цели и основаниях привода весьма затруднительно без понимания его сущности. Так, в юридической литературе высказываются мнения, что привод представляет собой меру уголовно-процессуальной ответственности³⁶⁸, либо уголовно-процессуальную санкцию³⁶⁹. Л.Б. Алексеева, например, видит в приводе санкцию принудительного исполнения обязанности³⁷⁰. Как разновидность уголовно-процессуальных санкций привод рассматривается А.Н. Ахпановым³⁷¹. Привод иногда понимается и двояко: и как мера ответственности (санкция), и как превентивная мера³⁷². Заметим, что в дореволюционной русской правовой литературе привод обвиняемого не всегда рассматривался как мера взыскания за процессуальную вину. «Привод не является карой, – отмечал П. Люблинский, – и закон не должен таким взглядом санкционировать позорность и принудительность привода. Неявка по вызову служит лишь указанием на слабость в данном случае призыва и на необходимость более строгой меры»³⁷³.

Г.Н. Ветрова рассматривает привод как негативную форму уголовно-процессуальной ответственности³⁷⁴. В.М. Ковалев высказывает аналогичное мнение и указывает на то, что представление о приводе как о мере процессуального принуждения не соответству-

---

³⁶⁷ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1910. Т. II. С. 315.

³⁶⁸ См.: Ковалев В.М. Проблемы уголовно-процессуальной ответственности / Проблемы юридической ответственности и совершенствования законодательства в свете новой Конституции СССР. Рязань, 1979. С. 136; Чистякова В.С. Законность и обоснованность применения мер уголовно-процессуального принуждения. М., 1978. С. 10.

³⁶⁹ См.: Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А.Д. Бойкова и И.И. Карпеца. М., 1989. С. 100; Ахпанов А.Н. Проблемы уголовно-процессуального принуждения в стадии предварительного расследования. Алматы, 1997. С. 146.

³⁷⁰ См.: Там же.

³⁷¹ См.: Ахпанов А.Н. Меры процессуального принуждения: социальная ценность, теория и практика применения. Караганда, 1989. С. 146.

³⁷² См.: Громов Н.А., Полуниин С.А. Санкции в уголовно-процессуальном праве России. М., 1998. С. 13–14; Кудин Ф.М. Принуждение в уголовном судопроизводстве. Красноярск, 1985. С. 45.

³⁷³ Устав уголовного судопроизводства: систематический комментарий / под общ. ред. проф. М.Н. Гернета. М., 1914. Вып. 3. С. 784.

³⁷⁴ См.: Ветрова Г.Н. Уголовно-процессуальная ответственность: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 1981. С. 84.

ет основаниям и природе его назначения³⁷⁵. Относительно высказанной позиции З.Ф. Коврига возражает, мотивируя тем, что при производстве привода на лицо не возлагается дополнительная обязанность – санкция за допущенное правонарушение³⁷⁶. С этим мнением согласны и современные исследователи, считая привод исполнением процессуальной обязанности под принуждением, что не исключает одновременного применения в отношении данного лица и меры уголовно-процессуальной ответственности³⁷⁷.

Довольно удачно как меру процессуального принуждения привод рассматривала З.Ф. Коврига. По ее мнению, привод – это мера процессуального принуждения, заключающаяся в принудительном доставлении обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, эксперта, подсудимого к лицу, производящему дознание, следователю, прокурору или в суд, в случае их неявки без уважительной причины по вызову, с целью обеспечения производства следственных или судебных действий³⁷⁸. Сходной позиции придерживается З.З. Зинатуллин³⁷⁹. С данными определениями можно было бы согласиться полностью, в том числе и с перечнем лиц, к которым привод может быть применен, если бы расширить их еще за счет указания на возможность привода для обеспечения любых процессуальных действий.

Анализ уголовных дел показал, что обоснованность привода из соответствующих постановлений усмотреть зачастую трудно. Нередко в постановлениях о приводе не указывается, для производства какого конкретного процессуального действия применялся привод, а в отдельных уголовных делах в нарушение требований закона даже отсутствуют материалы, подтверждающие обоснованность применения указанной меры принуждения (отсутствуют сведения о неявке лица без уважительной причины). Согласно проведенному анкетированию, подавляющее большинство опрошенных сотрудников органов предварительного расследования и судей, а именно: 70,2 % указали, что применяют привод только для производства допроса и очной ставки, что свидетельствует о необходимости конкретизации закона в части

---

³⁷⁵ См.: Ковалев В.М. Проблемы уголовно-процессуальной ответственности // Проблемы юридической ответственности и совершенствования законодательства в свете новой Конституции СССР: сб. науч. трудов. Рязань, 1979. С. 136.

³⁷⁶ См.: Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж, 1975. С. 107–108.

³⁷⁷ См.: Красильников С.В. Уголовно-процессуальная ответственность ее реализация: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 2019. С. 54.

³⁷⁸ См.: Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж, 1975. С. 139.

³⁷⁹ См.: Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность. Вопросы теории и практики. Казань, 1981. С. 120.

обеспечиваемых приводом действий.

Итак, цель привода – обеспечение производства следственных или иных процессуальных действий, которые невозможно произвести без участия конкретного лица (подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля).

Основание привода указано в ч. 1 ст. 113 УПК РФ – неявка по вызову без уважительных причин. Данное основание должно быть подтверждено соответствующими доказательствами. Во-первых, лицо должно не явиться, и факт неявки установлен, во-вторых, необходимо доказать неуважительность причин неявки.³⁸⁰

Аналогично обязательству о явке, полагаем, что нормы, регламентирующие привод, должны располагаться в главе «Общие условия предварительного расследования» в ст. 161² УПК РФ «Привод», что позволит обозначить возможность применения ее при наличии соответствующих оснований для производства любых процессуальных действий и любых участников судопроизводства, за исключением должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство.

Относительно особенностей привода в судебном производстве, им должно быть найдено место в гл. 35 УПК РФ.

3) *Временное отстранение от должности (ст. 114)*. Вопрос о целях и основаниях временного отстранения от должности – один из наиболее сложных. В ч. 1 ст. 114 УПК РФ они укладываются в уже привычную терминологию – «при необходимости». Стоит отметить, что в отличие от предыдущего уголовно-процессуального законодательства действующим УПК РФ предусмотрено временное отстранение от должности как в отношении подозреваемого, о необходимости чего писали еще советские ученые-процессуалисты³⁸¹, так и обвиняемого, что позволило значительно расширить сферу применения данной меры принуждения³⁸². По мнению Э.К. Кутуева, целью временного отстранения является предупреждения попыток подозреваемого, обвиняемого воспрепятствовать производству по уголовному делу или исполнению приговора³⁸³.

Временное отстранение от должности в уголовном судопроиз-

---

³⁸⁰ См.: Стецовский Ю.И. Право на свободу и личную неприкосновенность: нормы и действительность. М., 2000. С. 211.

³⁸¹ См.: Петрухин И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. М., 1985. С. 81.

³⁸² См.: Кутуев Э.К., Кудрина Е.В. Проблемы применения меры принуждения в виде временного отстранения от должности // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2010. № 9. С. 85–88.

³⁸³ См.: Там же.

водстве не получило широкого применения. Оно используется значительно реже, чем другие меры процессуального принуждения, например, такие как заключение под стражу, домашний арест, залог, наложение ареста на имущество. Об этом свидетельствуют статистические данные.

Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2019 г. судами рассмотрено 527 ходатайств о временном отстранении подозреваемого или обвиняемого от должности, из которых удовлетворено 376 (71,3 %); в 2020 г. рассмотрено 1 378, удовлетворено 1 217 (88,3 %); в 2021 г. рассмотрено 436, удовлетворено 299 (68,6 %) ³⁸⁴.

Сравнительно небольшое количество заявляемых следователями и дознавателями ходатайств о временном отстранении от должности свидетельствует как о необходимости более серьезной теоретической разработки данного вопроса, так и о повышении уровня готовности к ее применению практических работников ³⁸⁵. Заметим, что теоретическая разработка в данном случае первична, ибо иначе трудно научить правоприменителей. Согласно результатам проведенного анкетирования только 20,7 % практических сотрудников из числа следователей, дознавателей и судей применяют в своей служебной деятельности временное отстранение от должности. В качестве причины, по которой данная мера принуждения не использовалась остальными респондентами, было указано: не было необходимости – 75,6 %, из-за недостаточного опыта – 13,1 %, в силу сложности процедуры – 8,3 %. Вместе с тем большинство опрошенных (93,5 % от общего числа) считают указанную меру принуждения высокоэффективной.

При наличии нерешенных вопросов об определении конкретных целей и оснований применения временного отстранения от должности трудно обеспечить достаточность процессуальных гарантий и соответствующий уровень обеспечения прав и свобод человека, даже невзирая на судебный порядок применения данной меры.

Формулировка «при необходимости» явно недостаточна и никак не конкретизирует, при каких обстоятельствах эта необходимость

---

³⁸⁴ См.: Отчеты о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2019-2021 гг., форма № 1, раздел 4. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей данных судебной статистики Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 12.05.2022).

³⁸⁵ См.: Федотов И.С. Актуальные вопросы применения меры уголовно-процессуального принуждения в виде временного отстранения от должности // Российская юстиция. 2017. № 7. С. 37–39.

может возникнуть. О недостаточной корректности данной формулировки в науке уже писали³⁸⁶.

Большинство ученых усматривает превентивный характер временного отстранения от должности³⁸⁷, однако такое понимание не позволяет отграничивать временное отстранение от должности от других средств принудительного характера, несущих предупредительную или пресекающую направленность (меры пресечения, удаление из зала судебного заседания, наложение ареста на имущество и т.д.).

В.В. Вандышев считает, что временное отстранение от должности – это запрет на выполнение должностным лицом своих функциональных обязанностей³⁸⁸, что несколько не помогает определиться с целью и основанием данного действия, равно как и позиция А.П. Рыжакова, отмечающего, что временное отстранение от должности состоит во временном запрете продолжать работу на той должности, которую занимает обвиняемый³⁸⁹. Отсутствием указания на цель временного отстранения от должности грешат и другие определения³⁹⁰.

Генеральная прокуратура Российской Федерации склонна отождествлять цели и основания временного отстранения от должности с мерами пресечения и указывает, что вопрос об отстранении от должности целесообразно рассматривать не только когда со стороны привлекаемого лица имели место попытки препятствовать с использованием своего служебного положения расследованию, но и когда лицо привлекается к уголовной ответственности за преступление, совершенное в организации, в которой оно осуществляет властные или организационно-хозяйственные функции, либо связанное с деятельностью этой организации; а также когда в деле в качестве потерпевших, свидетелей, обвиняемых, подозреваемых участвуют подчиненные ему по службе лица³⁹¹. Некоторыми специалистами временное от-

---

³⁸⁶ См.: Булатов Б.Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: монография. Омск, 2003. С. 173.

³⁸⁷ См.: Петрухин И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. М., 1985. С. 81.

³⁸⁸ См.: Вандышев В.В. Уголовный процесс: конспект лекций. СПб., 2002. С. 109.

³⁸⁹ См.: Рыжаков А.П. Уголовный процесс; 2-е изд., изм. и доп. М., 2003. С. 290.

³⁹⁰ См.: Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.М. Лебедева; науч. ред. В.П. Божьев. М., 2002. С. 251.

³⁹¹ См.: О направлении Методических рекомендаций «Основания и порядок применения временного отстранения от должности, наложения ареста на имущество и ценные бумаги, денежного взыскания»: письмо Генпрокуратуры Российской Федерации от 30 марта 2004 г. № 36-12-04 // СПС КонсультантПлюс.

странение от должности считается мерой пресечения³⁹².

Показательно, что 46 % из числа опрошенных респондентов считают целесообразным внести изменения в УПК РФ путем включения временного отстранения от должности в гл. 13 «Меры пресечения».

Однако, судя по систематизации, использованной законодателем, временное отстранение от должности не может подменять меру пресечения, т.е. не может иметь одну и ту же с ними цель. Следовательно, учитывая, что временное отстранение от должности, по логике структуры УПК РФ, не является мерой пресечения, применение этой меры принуждения одновременно с мерой пресечения не исключается. В то же время понимание их целей как идентичных, по сути, будет означать возможность применения к обвиняемому нескольких мер пресечения³⁹³.

Законодатель, по сути (см. сноску выше), фактически разрешив применять к лицу несколько мер пресечения, сочетать их средства, не перенес ст. 114 УПК РФ в гл. 13 УПК РФ, т.е. принципиально придерживается позиции, согласно которой временное отстранение от должности не является мерой пресечения. Надо полагать, что законодатель отнес временное отстранение от должности к иным мерам процессуального принуждения, подчеркивая, что ее цель, а следовательно, и основания применения, специфичны.

Учитывая, что в ст. 114 УПК РФ речь идет о временном отстранении не от работы (что было весьма актуально, например, при совершении профессиональным водителем дорожно-транспортного преступления и др.), а именно от должности, имеются достаточные основания полагать, что отстранение от должности имеет целью – недопущение самого факта возможной дискредитации должности, обязанности по которой выполняет лицо, в отношении которого решает-

---

³⁹² См.: Гапонова В.Н. Применение временного отстранения от должности в уголовном судопроизводстве: теоретический и организационно-правовой аспекты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Иркутск, 2016. С. 11.

³⁹³ Применение к обвиняемому, подозреваемому нескольких мер пресечения в целом для уголовно-процессуальной теории и практики до недавнего времени являлось нонсенсом, однако после введения ст. 105¹ УПК РФ «Запрет определенных действий», такая ситуация стала возможной: например, залог, который применяется в целях обеспечения явки подозреваемого или обвиняемого к следователю, дознавателю или в суд, предупреждения совершения им новых преступлений, а также действий, препятствующих производству по уголовному делу, может применяться наряду с запретами, предусмотренными ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ. Таким образом, возникает вопрос, если средств залога как меры пресечения недостаточно, в чем смысл его применения, и почему в этом случае было бы недостаточно избрание в качестве меры пресечения запрета определенных действий? Схожие вопросы возникают и применительно совместного применения домашнего ареста (сильно урезанного в средствах) после введения ст. 105¹ УПК РФ и запрета определенных действий.

ся вопрос о привлечении к уголовной ответственности и который находится в статусе обвиняемого или подозреваемого³⁹⁴.

От решения вопроса о круге лиц, к которым применяется временное отстранение от должности, во многом зависит и решение вопроса о его целях и основаниях.

Вопрос о расширении круга лиц, в отношении которых данная мера уголовно-процессуального принуждения может быть применена, вставал неоднократно. Еще в период действия УПК РСФСР 1960 г. И.Л. Петрухин предлагал расширить сферу действия рассматриваемой меры уголовно-процессуального принуждения за счет разрешения отстранения обвиняемого не только от должности, но и от любой работы по специальности, если ее продолжение может помешать достижению задач уголовного судопроизводства³⁹⁵.

Э.К. Кутуев считает, что данная мера принуждения должна распространяться и на запрет заниматься определенным видом деятельности³⁹⁶. В таком случае указанная мера выполняла бы функцию меры пресечения. Было бы ясно, что отстранение от другой работы может быть объяснено стремлением не допустить совершения преступления вновь (ввиду недостаточной квалификации, несоответствия требованиям по здоровью, либо ввиду наличия возможности уничтожить доказательства и др.). Такое решение могло бы быть вполне целесообразным, но при условии, что в УПКРФ прямо будет предусмотрена возможность применения нескольких мер пресечения одновременно, ибо, очевидно, что временное отстранение от должности никак не гарантирует неуклонение подозреваемого, обвиняемого от следствия и суда.

В настоящее время временное отстранение обвиняемого от должности в некоторых случаях применяется наряду с мерой пресечения в виде заключения под стражу, однако не для недопущения дискредитации должности, а для тех же целей, что и заключение под стражу, что является свидетельством полной дезориентации правоприменителя относительно целей отстранения от должности. Очевидно, что заключение под стражу в полном объеме перекрывает цели временного отстранения от должности, если она применяется как мера пресечения. Пример: уголовное дело в отношении руководителя ФКУ «ГБ МСЭ по Республике Дагестан» Минтруда России М., подчинен-

---

³⁹⁴ См.: Яшин В.Н., Победкин А.В. Уголовный процесс: общая часть. Тула. 2017. С. 241.

³⁹⁵ См.: Уголовный процесс / под ред. И.Л. Петрухина. М., 2001. С. 143.

³⁹⁶ См.: Кутуев Э.К. Уголовно-процессуальное принуждение: вопросы теории и практики: монография. СПб., 2004. С. 259.

ных ему должностных лиц, а также врачей ряда медицинских учреждений Республики Дагестан и иных лиц, обвиняемых в совершении ряда коррупционных преступлений, связанных с установлением и продлением инвалидности гражданам, проживающим на территории Республики Дагестан. М. предъявлено обвинение в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 210, ч. 4 ст. 159, п. «а» ч. 5 ст. 210, ч. 1 ст. 292, п. «а» ч. 5 ст. 290, ч. 1 ст. 292, п. «а» ч. 5 ст. 290, ч. 1 ст. 292, ч. 1 ст. 292 УК РФ, в отношении него избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. Затем решением суда М. временно отстранен от должности руководителя ФКУ «ГБ МСЭ по Республике Дагестан» Минтруда России. В решении суда указано, что мера процессуального принуждения в виде временного отстранения от должности направлена на обеспечение установленного порядка уголовного судопроизводства и надлежащего исполнения приговора и для воспрепятствования производству по уголовному делу.

Отметим, что в уголовно-процессуальном законодательстве постсоветских республик среди перечня мер пресечения находятся средства принудительного характера, которые отечественный законодатель относит к иным мерам процессуального принуждения. Так, в УПК Азербайджанской Республики ст. 154, 172 (отстранение от должности) и в УПК Латвии ст. 243, 254 (запрет на определенные занятия) включены в систему мер пресечения. В свое время в МУПК (ст. 166, 184) и в проекте Общей части Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации 1994 г., разработанном Государственно-правовым управлением Президента Российской Федерации в соответствии с распоряжением от 7 июня 1994 г. № 282-рп, также предполагалось закрепить в качестве меры пресечения ст. 171, 186 (временное отстранение от должности).

Согласно УПК Армении временное прекращение занятия должности применяется в отношении подозреваемого или обвиняемого, если имеются достаточные основания полагать, что, оставаясь в должности, он будет препятствовать расследованию дела при досудебном производстве или его рассмотрению в суде, возмещению причиненного преступлением вреда или будет заниматься преступной деятельностью. Фактически речь идет об основаниях применения меры пресечения.

Статья 131 УПК Беларуси (временное отстранение от должности) применяется также по основаниям, характерным для мер пресечения. Аналогично решается вопрос ст. 158 УПК Республики Казахстан.

Несмотря на то что отечественный законодатель подобную идею

не воспринял, по настоящее время ряд ученых-процессуалистов далеко небезосновательно продолжают высказывать мнения об условности причисления временного отстранения от должности к группе «иных мер процессуального принуждения», настаивая на необходимости его включения в систему мер пресечения³⁹⁷. Отсюда и проблема: для обеспечения каких ценностей, в каких целях применять временное отстранение от должности и как соотносить его с мерами пресечения?

Существует мнение, что временное отстранение от должности является самостоятельным видом мер процессуального принуждения в связи с тем, что ограничивает исключительно конституционное право гражданина на выбор рода деятельности и профессии, а никоим образом не свободу и личную неприкосновенность, близко примыкая к мерам пресечения³⁹⁸. Оппоненты данной точки зрения считают, что принудительное воздействие может быть одновременно связано как с лишением (ограничением) свободы, так и ущемлением иных личных и имущественных прав³⁹⁹. Таким образом, нельзя согласиться, что достаточным основанием для разграничения мер пресечения и иных мер процессуального принуждения может быть признан именно характер воздействия⁴⁰⁰.

Таким образом, полагаем, что временное отстранение от должности как мера процессуального принуждения должно получить наименование «временное отстранение от выполнения обязанностей по службе (работе)», и его целесообразно разместить в гл. 13 «Меры пресечения».

4) *Наложение ареста на имущество (ст. 115, 115.1, 116)*. Наложение ареста на имущество – действенная мера, направленная на возмещение вреда, причиненного преступлением. К сожалению, возмещение вреда, причиненного преступлениями, остается на доста-

---

³⁹⁷ См.: Михайлов В.А. Меры пресечения в российском уголовном процессе. М., 1996. С. 54; Петраков С.В. Уголовно-процессуальные средства обеспечения экономической безопасности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Н. Новгород, 2007. С. 20; Гапонова В.Н. Применение временного отстранения от должности в уголовном судопроизводстве: теоретический и организационно-правовой аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Омск, 2016. С. 9.

³⁹⁸ См.: Якупов Р.Х. Уголовный процесс. М., 1998. С. 188.

³⁹⁹ См.: Уголовный процесс: в 2 ч. / под ред. Б.Б. Булатова, А.М. Баранова; 5-е изд., перераб. и доп. М., 2017. С. 161.

⁴⁰⁰ См.: Муравьев К.В.. Меры процессуального принуждения – особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация: монография. Омск, 2017. С. 183.

точно низком уровне. Как и много лет назад⁴⁰¹ – это острейшая проблема уголовного судопроизводства, которая требует совершенствования регламентации предусмотренных в уголовно-процессуальном законе мер принуждения, призванных обеспечить возмещение вреда, причиненного преступлением⁴⁰².

По данным ГИАЦ МВД России, сумма нанесенного материального ущерба от преступлений составила в 2019 г. 627 697 445 тыс. руб., в 2020 г. – 512 835 434 тыс. руб., в 2021 г. – 834 470 027 тыс. руб. При этом за обозначенный период времени в обеспечение возмещения материального вреда наложено ареста на имущество 114 477 195 тыс. руб. (2019 г.), 156 064 533 тыс. руб. (2020 г.), 148 854 436 тыс. руб. (2021 г.) и изъято имущества, денег, ценностей и добровольно погашено на сумму 58 834 997 тыс. руб. (2019 г.), 67 693 393 тыс. руб. (2020 г.), 337 989 929 тыс. руб. (2021 г.)⁴⁰³.

По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2019 г. судами рассмотрено 40 478 ходатайств о наложении ареста на имущество, из которых удовлетворено 34 945 (86,3 %); в 2020 г. рассмотрено 43 912, удовлетворено 37 979 (86,5 %); в 2021 г. рассмотрено 45 440, удовлетворено 38 684 (85,1 %)⁴⁰⁴.

В целом можно сделать вывод, что количество удовлетворённых ходатайств о наложении ареста на имущество имеет тенденцию к росту, что свидетельствует об активной деятельности органов, осуществляющих уголовное судопроизводство, направленной на возмещение вреда, причиненного преступлением.

Невзирая на значимость наложения ареста на имущество в качестве средства обеспечения решения такой важной задачи как обеспечение возмещения вреда, причинённого преступлением, наложение ареста законодатель разместил в системе «иных мер процессуального принуждения», посвятив регламентации данной меры три статьи УПК РФ.

---

⁴⁰¹ См.: Ефимичев П.С. Новый УПК России и защита интересов личности и государства // Журнал российского права, 2003. № 2. С. 31.

⁴⁰² См.: Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2021 год. URL: // <https://ombudsmanrf.org> (дата обращения: 13.06.2022).

⁴⁰³ См.: Сайт ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России». URL: <http://10.5.0.16> (дата обращения: 07.06.2022).

⁴⁰⁴ См.: Отчеты о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2019–2021 гг., форма № 1, раздел 4. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей данных судебной статистики Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdpr.ru> (дата обращения: 12.05.2022).

Наложение ареста на имущество достаточно подробно регламентировано уголовно-процессуальным законодательством (ст. 115–116 УПК РФ). На недостатки правовой регламентации в сфере наложения ареста на имущество, породившие неоднозначные подходы к решению целого ряда вопросов в правоприменительной деятельности, неоднократно указывались в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации⁴⁰⁵, и законодатель на них достаточно оперативно реагировал.

Изучение мнений практических работников о применении иных мер процессуального принуждения показало, что наложение ареста на имущество применяли 64 % от общего числа респондентов, при этом 92 % из них считают данную меру высокоэффективной. Кроме того, анализ 275 уголовных дел показал, что наложение ареста на имущество применялось в 54,5 % случаях в отношении подозреваемого (обвиняемого), в 68,7 % случаях – в отношении иных лиц.

Цели наложения ареста на имущество последовательно расширялись, и в настоящее время это уже не только исполнение приговора в части гражданского иска, других имущественных взысканий, но и взыскание штрафа, возможная конфискация имущества, указанная в ч. 1 ст. 104¹ УПК РФ⁴⁰⁶.

Большинство процессуалистов полагают, что в настоящее время цели наложения ареста на имущество определены

---

⁴⁰⁵ Обращено внимание на необходимость установления судом разумного и необходимого срока действия меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество и создания надлежащих условий для реализации собственниками арестованного имущества необходимых для защиты процессуальных прав; на оптимизацию процессуального порядка обеспечения прав и законных интересов потерпевших и гражданских истцов в случае приостановления производства по уголовному делу в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого и при наложении ареста на денежные вклады третьих лиц, не являющихся подозреваемыми или обвиняемыми.

⁴⁰⁶ Некоторые особенности целей предусмотрены наложения ареста на ценные бумаги – для обеспечения возможной конфискации имущества, указанного в ч. 1 ст. 104¹ УПК РФ, либо в целях обеспечения возмещения вреда, причиненного преступлением, либо в целях обеспечения наказания в виде штрафа. Отдельно законодатель не выделяет исполнение приговора в части гражданского иска, других имущественных взысканий, объединяя это понятие – обеспечением возмещения вреда, причиненного преступлением, хотя, как представляется, «другие имущественные взыскания» не всегда могут быть связаны с возмещением вреда, причиненного преступлением, например, судебный штраф, являющийся иной мерой уголовно-правового характера или возмещение процессуальных издержек. См.: Гаврилин Ю.В. Правовая природа, содержание и цели наложения ареста на имущество (научно-практический комментарий к чч. 1, 2 ст. 115 УПК РФ) // СПС КонсультантПлюс.

достаточно четко⁴⁰⁷. Однако некоторые сложности определения цели данной меры процессуального принуждения все же возникают, когда вопрос касается соотношения целей следственных действий, направленных на получение доказательств и наложения ареста на имущество. А.П. Рыжаков утверждает, что главной целью наложения ареста на имущество не является отыскание предметов преступного посягательства⁴⁰⁸, следовательно, допускает, что второстепенной целью такое отыскание все же быть может.

А.П. Коротков и А.В. Тимофеев отмечают, что при составлении мотивированного ходатайства о наложении ареста на имущество в обязанность следователя входит указание на конкретное имущество, которое будет подлежать аресту⁴⁰⁹. Другую точку зрения высказывают Ю.В. Гаврилин, А.В. Победкин и В.Н. Яшин, полагающие, что имущество, на которое должен быть наложен арест, недопустимо обнаруживать посредством обыска, поскольку для этого следует использовать возможность поисковых действий наложения ареста на имущество⁴¹⁰. Г.В. Аршба, С.И. Гирько и В.В. Николук также обращают внимание на то, что наложение ареста на имущество в определенной степени носит также и поисковый характер⁴¹¹. А.П. Рыжаков в этой связи утверждает, что наложение ареста на имущество является следственным действием, поскольку помимо основной его цели, преследует и второстепенную, такую как сбор доказательств⁴¹².

В науке и сегодня продолжают существовать мнения, согласно которым наложение ареста на имущество относится одновременно и к следственным действиям, и к мерам процессуального принуждения⁴¹³. Под-

---

⁴⁰⁷ См.: Вдовцев П.В., Каркошко Ю.С. Наложение ареста на имущество по уголовным делам в свете позиций Конституционного Суда Российской Федерации // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2015. № 1 (7). С. 69–70.

⁴⁰⁸ См.: Рыжаков А.П. Возмещение вреда, причиненного преступлением. М., 2011. С. 13.

⁴⁰⁹ См.: Коротков А.П., Тимофеев А.В. 900 ответов на вопросы прокурорско-следственных работников по применению УПК РФ: Комментарий. М., 2004. С. 207.

⁴¹⁰ См.: Гаврилин Ю.В., Победкин А.В., Яшин В.Н. Следственные действия (уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты). М., 2005. С. 63.

⁴¹¹ См.: Вопросы наложения ареста на имущество / Г.В. Аршба, С.И. Гирько, В.В. Николук // Юридический консультант. 2004. № 11. С. 21–39.

⁴¹² См.: Рыжаков А.П. Уголовный процесс; 3-е изд., испр. и доп. М., 2004. С. 295.

⁴¹³ См.: Багаутдинов Ф.Н. Обеспечение имущественных прав личности при расследовании преступлений: монография. М., 2002. С. 107; Бычков В.В. Система следственных действий в российском уголовно-процессуальном законодательстве // Российский следователь. 2013. № 10. С. 13; Булатов Б.Б., Дежнев А.С. Место наложения ареста на имущество в системе уголовно-процессуального законодательства: история и современность // Научный вестник Омской академии МВД России. 2016. № 2 (61). С. 18–24; Бычков В.В. Система следственных действий в российском уголовно-процессуальном законодательстве // Российский следователь. 2013. № 10. С. 11–14.

тверждением этому служат результаты диссертационного исследования М.В. Соколовой, проведенного уже в 2018 г., согласно которому 53,8 % следователей относят наложение ареста на имущество к следственным действиям, 28,8 % – к судебным действиям, 23,1 % – к иным мерам процессуального принуждения, что демонстрирует об отсутствии у практиков единого мнения⁴¹⁴.

Собственно некоторое основание к этому дает и УПК РФ, относя в ч. 5 ст. 165 УПК РФ наложение ареста на имущество к числу следственных действий. Поэтому некоторые авторы считают эту меру при определенных обстоятельствах неотложным следственным действием⁴¹⁵.

С.А. Шейфер и вовсе видел в наложении ареста на имущество, исходя из его природы и цели, организационно-распорядительное действие, проводимое для обеспечения неотчуждения имущества⁴¹⁶, справедливо не усматривая в нем доказательственный потенциал.

Действительно, наложение ареста на имущество может быть сопряжено с поисковыми действиями, однако целью их не может быть обнаружение имущества, имеющего значение доказательств по уголовному делу (при этом наложение ареста на деньги, ценности и иное имущество, полученное в результате совершения преступления, и доходы от этого имущества, обнаруженные при производстве *следственных* (курсив – Е.М.) действий, законодатель допускает – п. 3¹ ч. 2 ст. 82 УПК РФ).

Цель наложения ареста на имущество подтверждается и его основаниями.

Основания наложения ареста на имущество в ст. 115 УПК РФ не указаны, за исключением ссылки на некие «конкретные, фактические обстоятельства, на основании которых он принял такое решение».

В науке уголовного процесса сложились разные точки зрения относительно понятия оснований наложения ареста на имущество и обращалось внимание, что в УПК РФ не указаны основания применения наложения ареста на имущество. В.В. Кальницкий отмечает, что проблема «формулирования оснований наложения ареста на имущество не так проста, как это может показаться на первый взгляд», и не может быть решена вне связи с другими проблемами уголовного процесса⁴¹⁷.

---

⁴¹⁴ См.: Соколова М.В. Деятельность следователя по наложению ареста на имущество: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 2018. С. 153.

⁴¹⁵ См.: Багаутдинов Ф.Н. Наложение ареста на имущество и ценные бумаги по УПК РФ // Юрист. 2003. № 1. С. 41–47.

⁴¹⁶ См.: Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М., 1981. С. 24.

⁴¹⁷ См.: Кальницкий В.В. Следственные действия; 2-е изд., перераб. и доп. Омск, 2003. С. 72.

По мнению И.Б. Тутынина, для наложения ареста на имущество необходимы «материально-правовые основания», которые предопределяются причинной связью имущественного взыскания с выдвинутым подозрением (обвинением). Фактические же данные, свидетельствующие, что обвиняемый распродает, раздаривает, прячет принадлежащее ему имущество или собирается это сделать, по мнению автора, не требуются⁴¹⁸. Схожего мнения придерживается и В.В. Кальницкий, который в качестве оснований наложения ареста на имущество определяет «фактические данные (доказательства), вытекающие исключительно из материалов уголовного дела, устанавливающие причинение преступлением материального ущерба и вероятность поступления требования о его возмещении либо позволяющие квалифицировать содеянное по статье УК России, предусматривающей конфискацию имущества»⁴¹⁹.

А.В. Смирнов и К.Б. Калиновский основанием наложения ареста на имущество, напротив, считают обоснованное предположение, что подлежащее взысканию имущество может быть сокрыто или отчуждено. Это предположение должно вытекать из конкретных фактов⁴²⁰.

Подобный подход к основаниям наложения ареста на имущество Ю.В. Гаврилин считает контрпродуктивным. По его мнению, в теории уголовного процесса наложение ареста на имущество резонно рассматривается как превентивное процессуальное принудительное средство. «В нашем случае достаточно обоснованного предположения, что подозреваемый, обвиняемый могут скрыть, реализовать имущество, ценности, деньги, ценные бумаги или иным образом избежать взыскания с него имущества в обеспечение возмещения причиненного преступлением вреда, штрафа»⁴²¹. Для наложения ареста на имущество, справедливо отмечает И.Л. Петрухин, не требуется, чтобы обвиняемый (другое лицо) совершил запрещенные законом действия⁴²². По сути Ю.В. Гаврилин, А.В. Смирнов и К.Б. Калинов-

---

⁴¹⁸ См.: Тутынин И.Б. Наложение ареста на имущество как мера уголовно-процессуального принуждения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 2005. С. 19; Магомедов Ш.М. Применение иных мер процессуального принуждения: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. СПб., 2020. С. 12.

⁴¹⁹ Кальницкий В.В. Следственные действия; 2-е изд., перераб. и доп. Омск, 2003. С. 59.

⁴²⁰ См.: Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А.В. Смирнова. СПб., 2003. С. 231.

⁴²¹ Гаврилин Ю.В. Основания и процессуальный порядок наложения ареста на имущество (научно-практический комментарий к чч. 3-9 ст. 115 УПК РФ) // СПС Консультант-Плюс.

⁴²² См.: Петрухин И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. М., 1985. С. 85.

ский говорят о разной степени доказанности вероятности совершения с имуществом действий, противным интересам уголовного судопроизводства. Иначе говоря, о вероятности его утраты, уничтожения, повреждения и т.д. Об этом же пишут и другие авторы: центральным элементом основания применения наложения ареста на имущество будет подтвержденное предположение о том, что имущество, на которое будет наложено взыскание, может быть сокрыто, продано, подарено или каким-либо иным способом отчуждено. После чего, установив наличие определенных условий – обстоятельств, от которых зависит возможность применения данной меры, следователь возбуждает перед судом ходатайство о наложении ареста на имущество⁴²³.

В методических рекомендациях Генеральной прокуратуры Российской Федерации также отмечается, что «основанием наложения ареста на имущество является наличие доказательств полагать, что подозреваемый, обвиняемый может спрятать, повредить или уничтожить подлежащее аресту имущество»⁴²⁴. Аналогичным образом сформулированы основания для применения анализируемой меры принуждения в уголовно-процессуальном законодательстве ряда зарубежных стран (например, ч. 4 ст.170 УПК Украины).

Ряд ученых занимают жесткую позицию, согласно которой вероятность совершения с имуществом действий, препятствующих последующему обращению на него взыскания, доказываться не должна⁴²⁵.

Эта позиция, как и ранее обозначенные позиции И.Б. Тутынина и В.В. Кальницкого, как представляется, соответствуют и замыслу законодателя, и правовой позиции Конституционного Суда, хотя и выраженным недостаточно ясно.

Так, в ч. 3 ст. 115 УПК РФ определяются основания ареста имущества, находящегося у других лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия, если есть достаточные основания полагать, что оно получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого, либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования, иного средства со-

---

⁴²³ См.: Соколова М.В. Проблемные вопросы установления оснований и условий наложения ареста на имущество // Вестник Мос. ун-та МВД России. 2018. № 1. С. 174–176.

⁴²⁴ О направлении Методических рекомендаций «Основания и порядок применения временного отстранения от должности, наложения ареста на имущество и ценные бумаги, денежного взыскания»: письмо Генпрокуратуры Рос. Федерации от 30 марта 2004 г. № 36-12-04 // СПС КонсультантПлюс.

⁴²⁵ См.: Наложение ареста на имущество / Г.Б. Аршба, С.И. Гирько, В.В. Николук. М., 2004. С. 21.

вершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма), организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации).

Иначе говоря, законодатель связывает наложение ареста на имущество лишь с достаточными основаниями предполагать, что оно получено в результате преступных действий и т.д.

О том же читаем и в решении Конституционного Суда: наложение ареста на имущество предполагает вторжение, помимо воли собственника, в его конституционные правомочия по владению, пользованию и распоряжению имуществом, потому применение данной меры принуждения не может быть произвольным, оно должно быть обусловлено предполагаемой причастностью конкретного лица к преступной деятельности или предполагаемым преступным характером происхождения конкретного имущества, либо должно основываться на законе, устанавливающем материальную ответственность лица за действия подозреваемого или обвиняемого⁴²⁶.

Стоит обратить внимание, что ни законодатель, ни Конституционный Суд не связывают наложение ареста на имущество с наличием достаточных данных, дающих основание полагать, что оно может быть утрачено, повреждено, уничтожено, продано и т.д. *Достаточно причастности лица к совершению преступления, предполагаемого преступного происхождения имуществ, либо установленной законом материальной ответственности лица за действия подозреваемого, обвиняемого* (курсив – Е.М.).

Установив, что физическому или юридическому лицу непосредственно преступлением причинен имущественный вред, орган предварительного расследования или суд разьясняют им право предъявить гражданский иск (ст. 44 УПК РФ), в ходе чего закон обязывает принять меры по обеспечению гражданского иска. Собственно в ст. 160¹ УПК РФ так и сказано.

Иначе говоря, при наличии доказательств причиненного имущественного вреда следователь обязан принять меры по наложению ареста на имущество. Также нельзя исключать ситуацию отказа потерпевшего по каким-либо причинам от заявления гражданского иска.

---

⁴²⁶ См.: По делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Аврора малоэтажное строительство» и граждан В.А. Шевченко и М.П. Эйдлена: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 21 окт. 2014 г. № 25-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 44, ст. 6128.

При этом противоправные действия подозреваемого, обвиняемого не перестают быть таковыми. В любом случае причинения материального вреда преступными действиями следователь должен принять меры, направленные на восстановление имущественных отношений⁴²⁷, хотя ряд авторов считают иначе: при отсутствии в деле гражданского иска его обеспечение не должно применяться, так как право гражданского иска диспозитивно⁴²⁸. Следует, однако, учитывать, что гражданский иск в уголовном процессе может быть заявлен до окончания судебного следствия в суде первой инстанции (ч. 2 ст. 44 УПК РФ) и, кроме того, для обеспечения других имущественных взысканий.

В данном случае средство принудительного характера (мера принуждения – наложение ареста на имущество) применяется в качестве возможного потенциального принуждения. Если лицо и не собирается и не предпринимает никаких действий по отчуждению, сокрытию, уничтожению имущества, он фактически, как и отмечал И.Л. Петрухин, под принуждением не находится и ни к чему не принуждается. Иначе говоря, сочетание цели и основания наложения ареста на имущество свидетельствуют о том, что доказывание вероятности наступления обстоятельств, ставящих под угрозу целостность имущества, не требуется.

Таким образом, нормы, регламентирующие порядок наложения ареста на имущество, по логике закона, исходя из целей и оснований данного средства принудительного характера, должны быть размещены после ст. 160¹ УПК РФ под номерами 160², 160³, 160⁴ УПК РФ.

5) *Денежное взыскание (ст. 117, 118)* является одним из процессуальных средств обеспечения надлежащего поведения участников уголовного судопроизводства и представляет собой, пожалуй, единственную из всего арсенала принудительных средств в уголовно-процессуальном праве ярко выраженную меру уголовно-процессуальной ответственности за нарушение порядка уголовного судопроизводства. Данного мнения придерживается большинство ученых-процессуалистов⁴²⁹.

Изучение уголовных дел, в ходе расследования которых приме-

---

⁴²⁷ См.: Булатов Б.Б., Дежнев А.С. Основания наложения ареста на имущество для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска // Российский следователь. 2017. № 5. С. 20–25.

⁴²⁸ См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. А.В. Смирнова. СПб., 2003. С. 321.

⁴²⁹ См.: Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность. Вопросы теории и практики. Казань, 1981. С. 11; Кузовенкова Ю.А. Денежное взыскание в системе мер уголовно-процессуальной ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Самара, 2009. С. 11; Каримова С.С. Полномочие по наложению денежного взыскания должно быть предоставлено дознавателю и следователю // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 3 (33). С. 111–119.

нялись «иные» меры процессуального принуждения, показало, что денежное взыскание применялось только в 1,9 % случаев в отношении потерпевшего, свидетеля, гражданского истца и гражданского ответчика.

Изучение мнений практических работников о применении иных мер уголовно-процессуального принуждения показало, что денежное взыскание применяли только 1,7 % респондентов. Несмотря на редкое применение указанной меры принуждения, только 6 % опрошенных считают данную меру неэффективной.

Данные практики показывают, что добровольная уплата денежного взыскания составляет достаточно низкий процент. Так, в 2019 г. из числа штрафов и денежных взысканий, наложенных по уголовным делам в порядке ст. 118 УПК РФ, на сумму из 6 160 385 руб. добровольно уплачено только 1 779 200 руб. (28,9 %); в 2020 г. из числа указанных штрафов и денежных взысканий на сумму из 4 417 186 руб. добровольно уплачено 1 093 750 руб. (24,8 %), в 2021 г. из числа наложенных штрафов и денежных взысканий на сумму из 6 364 276 руб. добровольно уплачено лишь 1 651 302 руб. (25,9 %)⁴³⁰

Судя по формулировке, использованной в ст. 117 УПК РФ, основанием применения денежного взыскания является обеспечение исполнения участниками уголовного судопроизводства процессуальных обязанностей, предусмотренных УПК РФ, а также обеспечение порядка в судебном заседании. Цель наложения денежного взыскания в ст. 117 УПК РФ не указана, однако, похоже, состоит в том, чтобы покарать виновного, обеспечив общую и частную превенцию, поскольку действенным средством обеспечения исполнения конкретных нарушенных процессуальных обязанностей, денежное взыскание не является⁴³¹. При этом предупредительный потенциал, данной меры крайне низок, что констатируется как учеными, так и практиками⁴³².

---

⁴³⁰ См.: Отчеты судов общей юрисдикции о суммах от преступлений, суммах материальных взысканий в доход государства, количестве вынесенных постановлений об уплате процессуальных издержек за счет средств федерального бюджета и назначении экспертиз за 2019-2021 гг., форма № 4, раздел 2 // Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей данных судебной статистики Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdper.ru> (дата обращения: 12.05.2022).

⁴³¹ См.: Красильников С.В. Уголовно-процессуальная ответственность ее реализация: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 2019. С. 63.

⁴³² См.: Гриненко А.В., Иванов Д.А. Совершенствование мер процессуального принуждения в российском уголовном судопроизводстве // Юрид. наука и практика: Вестник Нижегород. академии МВД России. 2019. № 2 (46). С. 91–96; Каримова С.С. Полномочие по наложению денежного взыскания должно быть предоставленоозна-

Ее воспитательный и предупредительный потенциал проявляется не столько в результате реализации, сколько в самом факте разъяснения участникам судопроизводства последствий в виде денежного взыскания за неисполнение процессуальных обязанностей, нарушение порядка в судебном заседании.

Специальной нормой, посвященной регламентации рассматриваемой меры принуждения, является ст. 117 УПК РФ. Кроме того, о возможности применения денежного взыскания указывается в ст. 103, 105, 111, 117, 118, 258, 333, 335 УПК РФ.

Несмотря на то что процедура наложения денежных взысканий, предусмотренных ст. 117 УПК РФ и названными статьями, одинаково регламентируется ст. 118 УПК РФ, основания их применения различны. Если в первом случае таким основанием может быть любое нарушение участником процесса своих обязанностей, то в остальных – неисполнение конкретного обязательства, предусмотренного одной из названных статей УПК РФ. Это подтверждается и разным размером денежного взыскания.

З.Ф. Ковригой высказана позиция, согласно которой основанием негативной процессуальной ответственности выступает уголовно-процессуальное нарушение, то есть неисполнение или ненадлежащее исполнение предписанных уголовно-процессуальным законом действий⁴³³. Мнение о том, что основанием уголовно-процессуальной ответственности является уголовно-процессуальное правонарушение, распространено⁴³⁴, но оно не единственное. Как считают некоторые авторы, основанием

вателю и следователю // Юрид. наука и правоохранительная практика. 2015. № 3 (33). С. 111–119; Россинский С.Б. Денежное взыскание в уголовном судопроизводстве: теоретико-правовые проблемы и возможные пути их разрешения // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: вопр. теории, законодательства, практики применения (к 5-летию УПК РФ): матер. Междунар. науч.-практ. конф.; Шигуров А.В. Направления совершенствования института денежного взыскания в уголовном процессуальном праве // Мир науки и образования. 2017. № 1 (9). С. 11–14.

⁴³³ См.: Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальная ответственность (монография) // Науч.-практ. журнал «Судебная власть и уголовный процесс». 2016. № 2. С. 58.

⁴³⁴ См.: Воробей С.Н., Воронин Э.И. Основания уголовно-процессуальной ответственности // Вестник Дальневост. Юрид. ин-та МВД России. Хабаровск, 2005. № 1 (8). С. 71–75; Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальная ответственность: понятие, виды, основания применения // Проблемы юрид. ответ-ти: история и современность. Статьи по итогам Всерос. науч.-практ. конф. Тюмень, 2004. Ч. 1. С. 155–156; Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж, 1975. С. 58; Тугушева Е.В. Уголовно-процессуальные правонарушения как основа уголовно-процессуальной ответственности // Законодательство России: проблемы теории и практики применения: сб. науч. статей. Саратов, 2006. Вып. 3. С. 119–121.

уголовно-процессуальной ответственности являются не только уголовно-процессуальные правонарушения⁴³⁵, хотя, безусловно, они занимают центральное место.

Относительно сути нарушений, которые влекут уголовно-процессуальную ответственность, в науке также нет единого мнения. По мнению Э.И. Воронина и С.Н. Воробей, основанием уголовно-процессуальной ответственности обвиняемого, подозреваемого, свидетеля, потерпевшего, специалиста, переводчика – во всех случаях следует считать только неисполнение ими своих процессуальных обязанностей⁴³⁶. О том же пишет М.Х. Гафизов⁴³⁷. Л.М. Володина основанием уголовно-процессуальной ответственности видит нарушение субъектом права требований уголовно-процессуального закона⁴³⁸, что подразумевает под собой не только несоблюдение процессуальных обязанностей.

Соглашаясь, что несоблюдение требований УПК РФ должно влечь необходимую реакцию⁴³⁹, тем не менее, заметим, что законодатель четко оговаривает: денежное взыскание налагается только в случае неисполнения участниками уголовного судопроизводства процессуальных обязанностей. Функция обеспечения нормального порядка уголовного судопроизводства в данном случае минимальна и заключается в основном в предупреждении о возможной ответственности. При этом сама данная ответственность не обязательно должна быть предусмотрена в уголовно-процессуальном законодательстве.

С.Б. Россинский и вовсе полагает, что нельзя вести речь о существовании уголовно-процессуальной ответственности как самостоятельного вида ответственности и справедливо считает, что ответственность является материально-правовой категорией, которая должна устанавливаться нормами материального права, а потому де-

---

⁴³⁵ См.: Вепрев В.С. Основания уголовно-процессуальной ответственности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Челябинск, 2006. С. 44; Володина Л.М. Проблемы уголовно-процессуальной ответственности // Проблемы юрид. ответ-ти: история и современность. Статьи по итогам Всерос. науч.-практич. конф. Тюмень, 2004. Ч. 1. С. 156–161.

⁴³⁶ См.: Воробей С.Н., Воронин Э.И. Основания уголовно-процессуальной ответственности // Вестник Дальневост. Юрид. ин-та МВД России. 2005. № 1 (8). С. 71–75.

⁴³⁷ См.: Гафизов М.Х. Денежное взыскание как мера уголовно-процессуального принуждения: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 2007. С. 90.

⁴³⁸ См.: Володина Л.М. Проблемы уголовно-процессуальной ответственности // Проблемы юрид. ответ-ти: история и современность. Статьи по итогам Всерос. науч.-практич. конф. Тюмень, 2004. Ч. 1. С. 156–161.

⁴³⁹ См.: Маркелова Ю.А. К вопросу об основаниях и пределах применения денежного взыскания как санкции уголовно-процессуальной ответственности // Юрид. аналитический журнал. Самара, 2006. № 2 (16). С. 154–159.

нежное взыскание уголовно-процессуальной санкцией не является, в связи с чем высказывает предложение об отнесении денежного взыскания за неисполнение своих процессуальных обязанностей к категории административных правонарушений⁴⁴⁰.

Учитывая, что потенциал обеспечения нормального хода производств по уголовному делу несет только само разъяснение возможной ответственности за неисполнение процессуальных обязанностей, следовало бы ограничиться указанием в УПК РФ только на необходимость такого разъяснения. Сама же ответственность как материально-правовая категория из УПК РФ должна быть исключена.

В этой связи полагаем, что в УПК РФ следует предусмотреть ст. 161³ «Предупреждение о наложении денежного взыскания» в следующей редакции: «При разъяснении прав и обязанностей участникам уголовного судопроизводства следователь, дознаватель, руководитель следственного органа, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания предупреждают их о возможности наложения денежного взыскания за нарушение процессуальных обязанностей в порядке, предусмотренном Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях».

Таким образом, по нашему мнению, необходимо внести следующие изменения в УПК РФ:

1. Исключить гл. 14 «Иные меры процессуального принуждения» раздела IV «Меры принуждения»;

2. Дополнить гл. 13 «Меры пресечения» ст. 105² «Временное отстранение от выполнения обязанностей по службе (работе)»;

3. Дополнить гл. 21 «Общие условия предварительного расследования» статьями:

3.1. Статьей 160² «Наложение ареста на имущество»;

3.2. Статьей 160³ «Порядок продления срока применения меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество»;

3.4. Статьей 160⁴ «Особенности порядка наложения ареста на ценные бумаги»;

3.5. Статьей 161¹ «Обязательство о явке»;

3.6. Статьей 161² «Привод»;

3.7. Статьей 161³ «Предупреждение о наложении денежного взыскания».

---

⁴⁴⁰ См.: Россинский С.Б. Денежное взыскание в уголовном судопроизводстве: теоретико-правовые проблемы и возможные пути их разрешения // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства, вопросы теории, законодательства, практики применения (к 5-летию УПК РФ): материалы Междунар. науч.-практ. конф. М., 2007. С. 285–288.

Заключение

В результате проведенного исследования полагаем возможным сделать следующие основные выводы:

1. Уголовно-процессуальное принуждение – вид государственно-го принуждения, применяемого в сфере уголовного судопроизводства в качестве крайнего средства в целях обеспечения поведения участников уголовного судопроизводства (выполнения ими предписанных им обязанностей), соответствующего эффективному достижению назначения уголовного судопроизводства, решению поставленных перед ним задач посредством воздействия на указанных участников угрозой применения средств принудительного характера, либо собственно их применением на основаниях и в порядке, предусмотренном законом при исчерпанности средств убеждения, которые могут состоять и в разъяснении компетентным должностным лицом возможного принуждения или невозможности применения более мягкой меры принудительного характера в случае невыполнения обязанностей, предусмотренных УПК РФ.

2. Выполнение участником уголовного судопроизводства обязанности добровольно не предполагает принуждения, даже в случае реализации меры, именуемой в УПК РФ в качестве меры принуждения. Принятие на себя участником уголовного судопроизводства ограничений, предусмотренных мерой принуждения, добровольно, исключает принуждение. В данном случае даже разъясненные последствия принудительного характера выступают еще не принуждением, а убеждением.

3. Принуждение тесно связано с убеждением, находится с ним в диалектическом единстве, не может быть без него эффективным, преврато превращением в насилие.

4. Принуждение воздействует на поведение лица двувекторно:

1) разъяснение возможных неблагоприятных последствий в случае неисполнения обязанности, в результате чего лицо действует в соответствии с возложенной обязанностью из страха ответственности;

2) реальное претворение неблагоприятных последствий в отношении лица, не выполнившего обязанность. Выполнение лицом обязанности после разъяснения возможной ответственности за ее невы-

полнение, однако по причине понимания важности правомерного поведения – результат убеждения, а не принуждения.

5. Эффективность принуждения в уголовном судопроизводстве в первую очередь определяется соответствием его оснований, форм и порядка отечественным духовно-нравственным ценностям и, прежде всего, пониманию справедливости. Принуждение в уголовном судопроизводстве России неразрывно связано с нравственными основами его применения, предполагающими субсидиарность принуждения по отношению к духовно-нравственным регуляторам общественной жизни.

6. В современном отечественном уголовном судопроизводстве ввиду минимизации средств воспитательного характера и убеждения объективно возрастает роль принуждения, что нарушает оптимальный баланс убеждения и принуждения, снижает эффективность мер принудительного характера.

7. Основным критерием в отграничении принуждения от насилия выступает правомерность государственного воздействия на личность как с точки зрения цели принуждения, самих его форм, так и с точки зрения обоснованности и соразмерности применения к лицу конкретной принудительной меры. Несоразмерное применение к лицу принуждения – такое же насилие, как и применение принуждения, не предусмотренного законом или вопреки установленному порядку.

8. Справедливость принуждения в уголовном судопроизводстве, гарантирующая в том числе разграничение его с насилием, обусловлена не только соблюдением норм, предусматривающих основание и порядок применения мер принуждения, но и системностью изложения в уголовно-процессуальном законе процессуальных обязанностей, самих мер принудительного характера, эффективностью разъяснения их содержания и убеждения в необходимости соблюдения.

9. Принуждение всегда выражено в самостоятельных средствах принудительного характера, имеющих признаки правового института, автономный характер по отношению к обеспечиваемым процессуальным действиям, даже если нормы, предусматривающие принуждение, технически расположены в числе норм, регламентирующих порядок производства обеспечиваемых действий, включая следственные.

10. Принудительность не может быть характеристикой никаких иных процессуальных действий, кроме конкретных средств принудительного характера, применяемых в целях обеспечения эффективной реализации самых различных процессуальных действий.

Принуждение, проявляющееся в средствах принудительного ха-

рактера, всегда внешнее по отношению к обеспечиваемым процессуальным действиям, в том числе выполняемым должностными лицами, осуществляющими уголовное судопроизводство, даже если нормы, предусматривающие принуждение, технически расположены в числе норм, регламентирующих порядок производства обеспечиваемых действий.

11. Систематизация средств принудительного характера в уголовном судопроизводстве – важная гарантия предъявляемых к ним требований и является ею, только если основана на объективных характеристиках, предполагающих формирование системы: правильные целеполагание, основания, четкие критерии разграничения классификационных групп, гарантии, исключающие подмену одного средства другим.

12. Классификация мер принуждения, использованная в УПК РФ, не позволяет ясно понять конкретные цели, основания применения «иных мер процессуального принуждения» и их соотношение с иными средствами принудительного характера как объединенными УПК РФ понятием «меры процессуального принуждения», так и другими, предусмотренными в УПК РФ.

13. При определении варианта систематизации средств принудительного характера, включая меры процессуального принуждения, в том числе и «иные», целесообразно исходить из того, что связь средств принудительного характера с процессуальными действиями, ими обеспечиваемыми, должна усматриваться из примененной законодателем системы норм. Такой подход, имеющий в России исторические корни, позволит использовать место в системе законодательства норм, регламентирующих применение конкретного средства принудительного характера, для адекватного толкования ее целей, оснований, участников, в отношении которых она применяется, т.е. в целом для обеспечения законности процессуального принуждения.

14. Вектор систематизации средств принудительного характера в УПК РФ необходимо пересматривать, учитывая, что их классификация важна не сама по себе, а как значимое средство адекватного толкования процессуальных норм в целях законного и обоснованного применения принуждения в уголовном судопроизводстве.

15. Законодатель, давая определение «задержания», умалчивает о его целях, а отдельная глава, ему посвященная, не дает возможности выявить эти цели путем системного анализа. Объективно целью задержания остается выявление причастности лица к совершению преступления и последующее решение вопроса о необходимости приме-

нить к нему меру пресечения в виде заключения под стражу. Рассмотрение задержания как средства принудительного характера, связанного с мерами пресечения, позволит правильно решить и другие практически значимые вопросы, например, о фактических основаниях задержания. На этом основании целесообразно предложение включить задержание в гл. 13 УПК РФ, назвав ее «Задержание и меры пресечения», где подробно регламентировать порядок и условия задержания подозреваемого (обвиняемого).

16. При нерешенности вопросов, связанных с понятием, системой, признаками, классификацией «иных» мер процессуального принуждения, отграничением их от других процессуальных мер, в том числе принудительного характера, невозможно системно разрешить проблему оснований их применения и гарантий, обеспечивающих при этом должный уровень защиты прав человека. В этой связи целесообразность систематизации иных мер процессуального принуждения в самостоятельную главу УПК РФ имеет не только техническое, но и сущностное значение. Надежные гарантии прав и свобод человека могут быть обеспечены только при условии понятных целей, оснований, мотивов применения «иных» мер процессуального принуждения.

17. Объединив в одной главе разнородные меры принуждения, законодателем не разрешены многочисленные вопросы: основания применения иных мер процессуального принуждения, система участников, к которым могут быть применены отдельные из них, уровень обеспечения прав и свобод человека при их применении.

18. Глава, объединяющая меры, предусмотренные сегодня гл. 14 УПК РФ, имела бы право на существование лишь при условии, что меры, ей регламентированные, имеют общие признаки, к числу которых, прежде всего, должны быть отнесены цель и основания.

19. В настоящее время систематизация «иных» мер процессуального принуждения в уголовно-процессуальном законодательстве России (гл. 14 УПК РФ) не основана на критериях, позволяющих считать ее отвечающей требованиям, предъявляемым к системе. Кроме того, данной системой не охватываются многочисленные средства принудительного характера, размещенные в уголовно-процессуальном законодательстве в иных разделах и главах.

20. В период реформы уголовно-процессуального законодательства в конце прошлого века была предложена нашедшая реализацию в действующем УПК РФ спорная идея отказаться от системной связи ряда средств принудительного характера с обеспечиваемыми ими действиями при отсутствии предложенных законодателем четких

признаков системы «иных» мер процессуального принуждения, критерия разграничения этих мер и ряда других процессуальных действий, содержащих элементы принуждения.

21. Обязательство о явке как мера процессуального принуждения направлена на обеспечение своевременной явки участников судопроизводства к должностному лицу, ведущему производство по уголовному делу, не имеет жесткой связи с мерами пресечения и возможным нарушением обязанности свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого являться по вызовам. Это в большей степени мера убеждения. В связи с этим место процессуальных норм, регламентирующих обязательство о явке, – в гл. 21 УПК РФ, где целесообразно было бы предусмотреть соответствующую ст. 161¹ УПК РФ «Обязательство о явке» (после ст. 161 УПК РФ «Недопустимость разглашения данных предварительного расследования», положения которой также направлены в большей степени на убеждение).

22. Нормы, регламентирующие привод, также должны располагаться в главе «Общие условия предварительного расследования» (гл. 21 УПК РФ) в виде ст. 161² УПК РФ «Привод», что позволит обозначить возможность применения ее при наличии соответствующих оснований для производства любых процессуальных действий и любых участников судопроизводства, за исключением должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство. Особенности привода в судебном производстве целесообразно урегулировать в гл. 35 УПК РФ.

23. Цели временного отстранения от должности в настоящее время не совпадают с целями мер пресечения. Отстранение от должности в системе действующего уголовно-процессуального законодательства имеет целью недопущение самого факта возможной дискредитации должности, обязанности по которой выполняет лицо, в отношении которого решается вопрос о привлечении к уголовной ответственности. Учитывая, что законодатель отказался от правила применения к лицу только одной меры пресечения, целесообразно перенести положения ст. 114 УПК РФ в гл. 13 «Меры пресечения» с наименованием «временное отстранение от выполнения обязанностей по службе (работе)», что позволило бы использовать данную меру в качестве меры пресечения наряду с другими, в том числе в ситуациях важности отстранения от выполнения обязанностей, не являющихся служебными (обязанностей по работе).

24. Наложение ареста на имущество при определенных в УПК РФ целях в качестве основания применения имеет сам факт причинения

имущественного вреда преступными действиями, доказанность которого обязывает следователя принять меры по наложению ареста на имущество вне зависимости от возможного поведения обвиняемого, подозреваемого и лиц, несущих по закону ответственность за вред, причиненный преступлениям, или владеющих имуществом, происхождение которого может быть преступным. Таким образом, нормы, регламентирующие порядок наложения ареста на имущество, по логике закона, исходя из целей и оснований данного средства принудительного характера, относятся к числу общих условий предварительного расследования и должны быть размещены после ст. 160¹ УПК РФ под номерами 160², 160³, 160⁴ УПК РФ.

25. Денежное взыскание (ст. 117 УПК РФ) несет в первую очередь карательную функцию, тогда как меры принуждения в уголовном судопроизводстве направлены, прежде всего, на обеспечение нормального хода производства по уголовному делу. В этой связи функция обеспечения нормального порядка уголовного судопроизводства достигается путем предупреждения о возможной ответственности за неисполнение процессуальных обязанностей. При этом саму данную ответственность целесообразно предусмотреть как материально-правовую категорию в нормативном акте, содержащем нормы материал.

Список литературы

Нормативные правовые акты Российской Федерации

1. Конституция Российской Федерации : принята всеобщим голосованием 12 декабря 1993 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – № 31, ст. 4398. – Текст : непосредственный.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ : редакция от 11 июня 2022 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (ч. I), ст. 4924. – Текст : непосредственный.

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ : редакция от 11 июня 2022 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1 (ч. 1), ст. 1. – Текст : непосредственный.

4. Модельный Уголовно-процессуальный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств от 17 февраля 1996 г. // Приложение к Информационному бюллетеню. – 1996. – № 10. – Текст : непосредственный.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Проект. – Москва : НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре Российской Федерации, 1994. – С. 40–45. – Текст : непосредственный.

6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Проект // Российская юстиция. – 1994. – № 9. – С. 2–92. – Текст : непосредственный.

7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Проект // Российская юстиция. – 1994. – № 11. – С. 35–62. – Текст : непосредственный.

8. Послание Президента Российской Федерации Владимира Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 3 декабря 2015 г. // Российская газета. – 2015. – № 6844. – Текст : непосредственный.

Акты судебных органов

9. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от

19 декабря 2013 г. № 41 : редакция от 11 июня 2020 г. // Российская газета. – 2013. – № 294. – Текст : непосредственный.

10. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 // Российская газета. – 2013. – № 145. – Текст : непосредственный.

11. По делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Аврора малоэтажное строительство» и граждан В.А. Шевченко и М.П. Эйдлена : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 октября 2014 г. № 25-П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 44, ст. 6128. – Текст : непосредственный.

12. По делу о проверке конституционности положений статей 1070 и 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 22 Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» в связи с жалобой гражданки А. : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2019 г. № 38-П // Российская газета. – 2019. – № 227. – Текст : непосредственный.

13. По делу о проверке конституционности части 1 статьи 81¹ и пункта 3¹ части 2 статьи 82 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Синклит» : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 января 2018 г. № 1-П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 4, ст. 685. – Текст : непосредственный.

14. Отчеты о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2019–2021 гг., форма № 1, раздел 4. Статистический обзор судебной практики. – URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения : 25.04.2022). – Текст : электронный.

Нормативные правовые РСФСР и СССР

15. О суде : Декрет СНК РСФСР от 24 ноября 1917 г. // Газета Временного рабочего и крестьянского правительства. – 1917. – № 17. – Текст : непосредственный.

16. Об Уголовно-процессуальном кодексе (вместе с Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР) : постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета от 25 мая 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. – 1922. – № 20–21, ст. 230. – Текст : непосредственный.

17. Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР (вместе с Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР) : постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета от 15 февраля 1923 г. : редакция от 31 января 1958 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. – 1923. – № 7, ст. 106. – Текст : непосредственный.

18. Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик : Закон СССР от 25 декабря 1958 г. : редакция от 28 ноября 1989 г. // Ведомости Верховного суда СССР. – 1959. – № 1, ст. 15. – Текст : непосредственный.

19. О Концепции судебной реформы в РСФСР : постановление Верховного Совета РСФСР от 24 ноября 1991 г. № 1801 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – № 44, ст. 1435. – Текст : непосредственный.

20. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и Союзных республик : постановление ЦИК СССР от 31 октября 1924 г. / Собрание законодательства Российской Федерации. – 1924. – № 24, ст. 206. – Текст : непосредственный.

21. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : утвержден ВС РСФСР 27 октября 1960 г. : редакция от 29 декабря 2001 г. : с изм. от 26 ноября 2002 г. : с изм. и доп., вступающими в силу с 1 июля 2002 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1960. – № 40, ст. 592. – Текст : непосредственный.

22. Уголовно-процессуальное законодательство Союза ССР и РСФСР. Теоретическая модель / под ред. В.М. Савицкого. – Москва, 1990. – 317 с. – Текст : непосредственный.

Дореволюционное российское законодательство

23. Наказ полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступление либо проступок // Правила и формы для производства следствий (по Судебным уставам 20 ноября 1864 года). – Санкт-Петербург, 1870. – Текст : непосредственный.

24. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями // Интернет-портал Республики Беларусь «Pravo.ru» (дата обращения : 20.02.2022). – Текст : электронный.

25. Устав уголовного судопроизводства. 20 ноября 1864 / Российское законодательство X–XX веков. – Москва : Юридическая литература, 1991. – Том 8. – С. 120–251. – Текст : непосредственный.

Зарубежное законодательство

26. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 г. № 907-IQ. – URL: http://base.spininform.ru/base_info.fwx (дата обращения : 08.05.2022). – Текст : электронный.

27. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 1 сентября 1998 г. № ЗР-248. – URL: http://base.spininform.ru/base_info.fwx (дата обращения : 08.05.2022). – Текст : электронный.

28. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З. – URL: http://base.spininform.ru/base_info.fwx (дата обращения : 08.05.2022). – Текст : электронный.

29. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V ЗПК. – URL: http://base.spininform.ru/base_info.fwx (дата обращения : 08.05.2022). – Текст : электронный.

30. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 129. – URL: http://http://base.spininform.ru/base_info.fwx (дата обращения : 08.05.2022). – Текст : электронный.

31. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 г. № 122-XV. – URL: http://base.spininform.ru/base_info.fwx (дата обращения : 08.05.2022). – Текст : электронный.

32. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 г. № 564. – URL: http://base.spininform.ru/base_info.fwx (дата обращения : 08.05.2022). – Текст : электронный.

33. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Туркменистан от 18 апреля 2009 г. – URL: http://base.spininform.ru/base_info.fwx (дата обращения : 08.05.2022). – Текст : непосредственный.

34. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь // URL: http://base.spininform.ru/base_info.fwx (дата обращения : 08.05.2022).

35. Уголовно-процессуальный кодекс Украины от 13 апреля 2012 г. № 4651-VI. – URL: http://base.spininform.ru/base_info.fwx (дата обращения : 08.05.2022). – Текст : электронный.

Монографии, книги

36. **Агутин, А. В.** Организационно-правовой механизм реализации концепции «должной правовой процедуры» и нравственные основы уголовно-процессуальной деятельности в отечественном уголовном судопроизводстве / А. В. Агутин, Е. З. Трошкин, Р. Х. Губжиков. – Москва : Издательство «Юрлитинформ», 2016. – 240 с. – Текст : непосредственный.

37. **Азаров, В. А.** Проблемы теории и практики охраны имущественных интересов личности в уголовном судопроизводстве / В. А. Азаров. – Омск : Высшая школа милиции МВД РФ, 1995. – 188 с. – Текст : непосредственный.

38. **Алексеев, С. С.** Проблемы теории государства и права : в 2 томах / С. С. Алексеев. – Свердловск : Издательство Свердловского юридического института, 1972. – Том 1. – 396 с. – Текст : непосредственный.

39. **Алексеев, С. С.** Структура советского права / С. С. Алексеев. – Москва : Издательство «Юридическая литература», 1975. – 264 с. – Текст : непосредственный.

40. **Антонов, И. А.** Нравственно-правовые критерии уголовно-процессуальной деятельности следователей / И. А. Антонов. – Санкт-Петербург : ООО «Юридический центр – Пресс», 2003. – 310 с. – Текст : непосредственный.

41. **Аршба, Г. Б.** Наложение ареста на имущество / Г. Б. Аршба, С. И. Гирько, В. В. Николюк. – Москва : ВНИИ МВД России, 2004. – 89 с. – Текст : непосредственный.

42. **Ахпанов, А. Н.** Меры процессуального принуждения: социальная ценность, теория и практика применения / А. Н. Ахпанов. – Караганда : Карагандинская высшая школа МВД СССР, 1989. – 92 с. – Текст : непосредственный.

43. **Ахпанов, А. Н.** Проблемы уголовно-процессуального принуждения в стадии предварительного расследования / А. Н. Ахпанов. – Алматы : Жеті Жарғы, 1997. – 176 с. – Текст : непосредственный.

44. **Бабаев, В. К.** Право и государственное принуждение / В. К. Бабаев. – Текст : непосредственный // Теория государства и права / под ред. В. К. Бабаева. – Москва : Юрист, 1999. – 592 с.

45. **Бабаев, С. В.** Принуждение и убеждение в деятельности современного Российского государства / С. В. Бабаев. – Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2001. – 42 с. – Текст : непосредственный.

46. **Багаутдинов, Ф. Н.** Обеспечение имущественных прав личности при расследовании преступлений : монография / Ф. Н. Багаутдинов. – Москва : Издательство «Юрлитинформ», 2002. – 280 с. – Текст : непосредственный.

47. **Барабанов, П. К.** Уголовный процесс Франции / П. К. Барабанов. – Москва : Издательство «Спутник+», 2016. – 510 с. – Текст : непосредственный.

48. **Бахрах, Д. Н.** Меры административного и общественного воздействия на правонарушителей / Д. Н. Бахрах. – Москва, 1971. – 277 с. – Текст : непосредственный.

49. **Безлепкин, Б. Т.** Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Б. Т. Безлепкин. – Москва : ООО «ВИТРЭМ», 2002. – 822 с. – Текст : непосредственный.

50. **Безмельницына, Э. О.** Участие прокурора в судах второй, кассационной и надзорной инстанций : монография / Э. О. Безмельницына, Е. А. Зайцева. – Волгоград : Волгоградская академия МВД России, 2011. – 192 с. – Текст : непосредственный.

51. **Безруков, С. С.** Оценочные понятия и термины в уголовно-процессуальном законодательстве России : монография / С. С. Безруков. – Омск : Омская академия МВД России, 2003. – 174 с. – Текст : непосредственный.

52. **Бекешко, С. П.** Подозреваемый в советском уголовном процессе / С. П. Бекешко, Е. А. Матвиенко. – Минск : Вышэйш. школа. 1969. – 128 с. – Текст : непосредственный.

53. **Бентам, И.** Введение в основания нравственности и законодательства / И. Бентам. – Москва : Издательство «РОССПЭН», 1998. – 415 с. – Текст : непосредственный.

54. **Бердяев, Н. А.** Самопознание / Н. А. Бердяев. – Москва : «ДЭМ», 1990. – 336 с. – Текст : непосредственный.

55. **Бержель, Ж. Л.** Общая теория права / Ж. Л. Бержель ; под общ. ред. В. И. Даниленко ; [перевод с франц. Г. В. Чуршукова]. – Москва : Nota bene, 2000. – 575 с. – Текст : непосредственный.

56. **Берман, Г. Д.** Западная традиция права : эпоха формирования / Г. Д. Берман ; [перевод с англ. Н. Р. Никонова при участии Н. Н. Деевой]. – 2-е изд. – Москва : Издательство Московского государственного университета : Издательская группа «ИНФРА-М-НОРМА», 1998. – 624 с. – Текст : непосредственный.

57. **Братусь, С. Н.** Юридическая ответственность и законность (очерк теории) / С. Н. Братусь. – Москва : Издательство «Юридическая литература», 1976. – 214 с. – Текст : непосредственный.

58. **Булатов, Б. Б.** Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : монография / Б. Б. Булатов. – Омск : Омская академия МВД России, 2003. – 320 с. – Текст : непосредственный.

59. **Булатов, Б. Б.** Меры уголовно-процессуального принуждения (по главе 14 УПК России) / Б. Б. Булатов, В. В. Николюк. – Москва : Издательство «СПАРК», 2003. – 180 с. – Текст : непосредственный.

60. **Бутов, В. Н.** Уголовный процесс Австрии / В. Н. Бутов. – Красноярск : Издательство Красноярского университета, 1988. – 200 с. – Текст : непосредственный.

61. **Бушная, Н. В.** Меры процессуального принуждения / Н. В. Бушная, А. А. Чуниха. – Ставрополь : ООО «СЕКВОЙЯ», 2019. – 157 с. – Текст : непосредственный.

62. **Вандышев, В. В.** Уголовный процесс / В. В. Вандышев. – Санкт-Петербург : Питер, 2002. – 528 с. – Текст : непосредственный.

63. **Васильева, Е. Г.** Меры уголовно-процессуального принуждения : монография / Е. Г. Васильева. – Уфа : Башкирский государственный университет, 2003. – 136 с.

64. Введение в философию / авт. колл. : И. Т. Фролов [и др.]. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Республика, 2003. – 623 с. – Текст : непосредственный.

65. **Вебер, М.** Избранные произведения / М. Вебер. – Москва : Юрист, 1990. – 705 с. – Текст : непосредственный.

66. **Ветрова, Г. Н.** Санкции в судебном праве / Г. Н. Ветрова. – Москва : Издательство «Наука», 1991. – 160 с. – Текст : непосредственный.

67. **Ветрова, Г. Н.** Уголовно-процессуальная ответственность / Г. Н. Ветрова. – Москва : Издательство «Наука», 1987. – 112 с. – Текст : непосредственный.

68. **Викторский, С. И.** Русский уголовный процесс / С. И. Викторский. – Москва : Казенная железнодорожная типография Московского узла, 1911. – 357 с. – Текст : непосредственный.

69. **Викторский, С. И.** Русский уголовный процесс / С. И. Викторский. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Издательство А.А. Карцева, 1912. – 443 с. – Текст : непосредственный.

70. **Викторский, С. И.** Русский уголовный процесс (репринтное воспроизведение издания 1912 года) / С. И. Викторский. – Москва : Городец, 1997. – 448 с. – Текст : непосредственный.

71. **Виленский, Б. В.** Российское законодательство X–XX веков : в 9 томах / Б. В. Виленский ; под общ. ред. О. И. Чистякова. – Москва :

- Издательство «Юридическая литература», 1991. – Т. 8. – 495 с. – Текст : непосредственный.
72. **Витрук, Н. В.** Общая теория правового положения личности / Н. В. Витрук. – Москва : Издательство «Норма», 2008. – 448 с. – Текст : непосредственный.
73. **Гаврилин, Ю. В.** Следственные действия (уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты) / Ю. В. Гаврилин, А. В. Победкин, В. Н. Яшин. – Москва : Книжный мир, 2005. – 186 с. – Текст : непосредственный.
74. **Галимов, Э. Р.** Применение мер пресечения в судебных стадиях уголовного процесса / Э. Р. Галимов, Р. М. Муртазин, Р. Х. Шагиева. – Москва : Издательство «Юрлитинформ», 2013. – 168 с. – Текст : непосредственный.
75. **Гегель, Г. В. Ф.** Философская пропедевтика / Г. В. Ф. Гегель. – Текст : непосредственный // История философии права. – Санкт-Петербург : Издательство «Наука», 1998. – 315 с.
76. **Гоббс, Т.** Избранные произведения : в 2 томах / Т. Гоббс. – Москва : Мысль, 1964. – Т. 1. – 583 с. – Текст : непосредственный.
77. **Гогель, С. К.** Судебные уставы 1864 г. Значение их в истории культуры. Силы, обеспечившие быстрый и успешный исход судебной реформы / С. К. Гогель. – Текст : непосредственный // Вопросы уголовного права, уголовного процесса и тюремоведения. – Санкт-Петербург : Типография товарищества «Общественная Польза», 1906 г. – 654 с.
78. **Головкин, Р. Б.** Теория государства и права / Р. Б. Головкин, В. В. Мамчун, М. В. Новиков. – Владимир : ВГПУ, 2004. – 184 с. – Текст : непосредственный.
79. **Горский, А. Д.** Российское законодательство X–XX веков : в 9 томах / А. Д. Горский ; под общ. ред. О. И. Чистякова. – Москва : Издательство «Юридическая литература», 1985. – Т. 2. – 519 с. – Текст : непосредственный.
80. **Григорьев, В. Н.** Задержание подозреваемого / В. Н. Григорьев. – Москва : ЮрИнфоР., 1999. – 542 с. – Текст : непосредственный.
81. **Григорьев, В. Н.** Правовые и организационные основы принятия решений в уголовном процессе (досудебные стадии) / В. Н. Григорьев, Г. А. Кузьмин. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 136 с. – Текст : непосредственный.
82. **Григорьев, В. Н.** Введение в уголовный процесс Турции : монография / В. Н. Григорьев, А. А. Сумин. – Москва : Издательство «Юрлитинформ», 2018. – 188 с. – Текст : непосредственный.

83. **Громов, Н. А.** Санкции в уголовно-процессуальном праве России / Н. А. Громов, С. А. Полуниин. – Москва : Городец, 1998. – 152 с. – Текст : непосредственный.
84. **Громов, Н. А.** Уголовный процесс России / Н. А. Громов. – Москва : Юристъ, 1998. – 552 с. – Текст : непосредственный.
85. **Громов, Н. А.** Уголовный процесс / Н. А. Громов, С. Ю. Макридин. – Москва : Эксмо, 2003. – 240 с. – Текст : непосредственный.
86. **Гусев, Л. Н.** История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры / сост. доц. Л. Н. Гусев ; под ред. чл.-кор. Акад наук СССР С. А. Голунского. – Москва : Госюриздат, 1955. – 635 с. – Текст : непосредственный.
87. **Гуткин, И. М.** Актуальные вопросы уголовно-процессуального задержания / И. М. Гуткин. – Москва : Издательство Академии МВД СССР, 1980. – 89 с. – Текст : непосредственный.
88. **Давыдов, П. М.** Применение мер процессуального принуждения по основам уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик / П. М. Давыдов, П. П. Якимов. – Свердловск, 1961. – 117 с. – Текст : непосредственный.
89. **Духовской, М. В.** Русский уголовный процесс / М. В. Духовской. – Москва, 1908. – 464 с. – Текст : непосредственный.
90. **Дювернуа, Н. Л.** Антология юридической науки. Источники права и суд в Древней России / Н. Л. Дювернуа. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2004. – 396 с. – Текст : непосредственный.
91. **Ендольцева, А. В.** Статья 112. Обязательство о явке / А. В. Ендольцева. – Текст : непосредственный // Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (научно-практическое издание) / под общ. ред. В. В. Мозякова, Г. В. Мальцева, И. Н. Барцица. – Москва : Книга-Сервис, 2003. – 1275 с.
92. **Еникеев, З. Д.** Социальная ценность и эффективность мер уголовно-процессуального пресечения / З. Д. Еникеев. – Уфа : Издательство Башкирского университета, 1979. – 88 с. – Текст : непосредственный.
93. **Еникеев, З. Д.** Меры процессуального принуждения в системе средств обеспечения обвинения и защиты / З. Д. Еникеев. – Уфа : Издательство Башкирского университета, 1978. – 72 с. – Текст : непосредственный.
94. **Жогин, Н. В.** Предварительное следствие в советском уголовном процессе / Н. В. Жогин, Ф. Н. Фаткуллин. – Москва : Издательство «Юридическая литература», 1965. – 367 с. – Текст : непосредственный.

95. **Зеньковский, В. В.** История русской философии : в 2 томах / В. В. Зеньковский. – Москва : Феникс, 1999. – Т. 1. – 544 с. – Текст : непосредственный.

96. **Зинатуллин, З. З.** Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность. Вопросы теории и практики / З. З. Зинатуллин. – Казань : Издательство Казанского университета, 1981. – 136 с. – Текст : непосредственный.

97. **Иконникова, Г. И.** Основы философии права / Г. И. Иконникова, В. П. Ляшенко. – Москва : Издательство: «Инфра-М», 2001. – 256 с. – Текст : непосредственный.

98. **Ильин, И. А.** О сопротивлении злу силою. Путь духовного обновления. Работы разных лет / И. А. Ильин. – Санкт-Петербург : Библиополис, 2006. – 448 с. – Текст : непосредственный.

99. **Иоффе, О. С.** Вопросы теории права / О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский. – Москва : Госюриздат, 1961. – 381 с. – Текст : непосредственный.

100. **Кальницкий, В. В.** Следственные действия / В. В. Кальницкий. – 2-е изд., перераб. и доп. – Омск : Омская академия МВД России, 2003. – 72 с. – Текст : непосредственный.

101. **Кант, И.** Метафизика нравов в двух частях / И. Кант. – Текст : непосредственный // Критика практического разума. – Санкт-Петербург : Издательство «Наука», 1995. – 528 с.

102. **Карнеева, Л. М.** Привлечение к уголовной ответственности. Законность и обоснованность / Л. М. Карнеева. – Москва : Издательство «Юридическая литература», 1971. – 136 с. – Текст : непосредственный.

103. **Качалова, О. В.** Статья 112. Обязательство о явке / О. В. Качалова. – Текст : непосредственный // Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Постатейный / под ред. Н. Л. Петухова, Г. И. Загорского. – Москва : ЭКМОС, 2002. – 780 с.

104. **Кистяковский, А. Ф.** О пресечении обвиняемому способов уклоняться от следствия и суда / А. Ф. Кистяковский. – Санкт-Петербург, 1868. – 195 с. – Текст : непосредственный.

105. **Клеандрова, В. М.** Предисловие «Серафим Владимирович Юшков и его «Русская правда» к книге Юшкова С. В. Русская правда. Происхождение, источники, ее значение / В. М. Клеандрова, О. И. Чистяков ; под ред. О. И. Чистякова. – Москва : ИКД «Зерцало – М», 2002. – 400 с. – Текст : непосредственный.

106. **Коврига, З. Ф.** Уголовно-процессуальное принуждение / З. Ф. Коврига. – Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1975. – 175 с. – Текст : непосредственный.

107. **Коврига, З. Ф.** Уголовно-процессуальная ответственность / З. Ф. Коврига. – Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1984. – 190 с. – Текст : непосредственный.

108. **Коврига, З. Ф.** Уголовно-процессуальная ответственность : монография / З. Ф. Коврига. – Текст : непосредственный // Научно-практический журнал «Судебная власть и уголовный процесс». – Воронеж, 2016. – № 2. – С. 25–123.

109. **Козявин, А. А.** Социальное назначение и функции уголовного судопроизводства: монография / А. А. Козявин. – Москва : Издательство «Юрлитинформ», 2010. – 272 с. – Текст : непосредственный.

110. **Кокорев, Л. Д.** Этика уголовного процесса / Л. Д. Кокорев, Д. П. Котов. – Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1993. – 224 с. – Текст : непосредственный.

111. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общей ред. В. В. Мозякова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство «Экзамен XXI», 2002. – 864 с. – Текст : непосредственный.

112. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. Я. Сухарева. – 2-е изд., перераб. – Москва : Издательство «Норма», 2004. – 1104 с. – Текст : непосредственный.

113. **Кони, А. Ф.** История развития уголовно-процессуального законодательства в России : в 8 томах / А. Ф. Кони. – Москва : Издательство «Юридическая литература», 1967. – Т. 4. – 543 с. – Текст : непосредственный.

114. **Корельский, В. М.** Государственная власть / В. М. Корельский. – Текст : непосредственный // Теория государства и права / отв. ред. В. Д. Перевалов. – 3-е изд. – Москва : Издательство «Норма», 2007. – 496 с.

115. **Коркунов, Н. М.** Лекции по общей теории права / Н. М. Коркунов. – 2-е изд. – Санкт-Петербург : Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. – 430 с. – Текст : непосредственный.

116. **Корнуков, В. М.** Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве / В. М. Корнуков. – Саратов : Издательство Саратовского университета, 1978. – 136 с. – Текст : непосредственный.

117. **Коротков, А. П.** 900 ответов на вопросы прокурорско-следственных работников по применению УПК РФ : Комментарий / А. П. Коротков, А. В. Тимофеев. – Москва : Экзамен, 2004. – 573 с. – Текст : непосредственный.

118. **Котляревский, С. А.** Власть и право. Проблема правового государства / С. А. Котляревский. – Москва : Тип. «Мысль» Н. П. Меснянкин и Ко, 1915. – 420 с. – Текст : непосредственный.

119. Краткая философская энциклопедия / под ред. Е. В. Губского, Г. В. Кораблева и В. А. Лутченко. – Москва : Издательская группа «Прогресс» – «Энциклопедия», 1994. – 576 с. – Текст : непосредственный.

120. **Кудин, Ф. М.** Принуждение в уголовном судопроизводстве / Ф. М. Кудин. – Красноярск : Издательство Красноярского университета, 1985. – 136 с. – Текст : непосредственный.

121. **Кузьмин-Караваев, В. Д.** Пресечение способов уклонения от следствия и суда / В. Д. Кузьмин-Караваев. – Санкт-Петербург : Сенатская тип., 1902. – 38 с. – Текст : непосредственный.

122. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А. Д. Бойкова и И. И. Карпеца. – Москва : Издательство «Юридическая литература», 1989. – 640 с. – Текст : непосредственный.

123. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. – 2-е изд. – Москва : Статут, 2017. – 1280 с. – Текст : непосредственный.

124. **Кутуев, Э. К.** Государственное принуждение. Теоретические и уголовно-процессуальные аспекты : монография / Э. К. Кутуев. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. – 119 с. – Текст : непосредственный.

125. **Кутуев, Э. К.** Меры принуждения в уголовном процессе. Теоретические и организационно-правовые проблемы : монография / Э. К. Кутуев. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА 2017. – 111 с. – Текст : непосредственный.

126. **Кутуев, Э. К.** Уголовно-процессуальное принуждение : вопросы теории и практики : монография / Э. К. Кутуев. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2004. – 312 с. – Текст : непосредственный.

127. **Лабутина, И. К.** Псков. Историческая справка / И. К. Лабутина. – Псков : Псковское возрождение, 2001. – 70 с. – Текст : непосредственный.

128. **Лазарев, В. В.** Применение советского права / В. В. Лазарев. – Казань : Издательство Казанского университета, 1972. – 200 с. – Текст : непосредственный.

129. **Лазарев, В. В.** Теория государства и права / В. В. Лазарев, С. В. Липень. – 2-е изд. – Москва : Издательство «СПАРК», 2000. – 511 с. – Текст : непосредственный.

130. **Лазаревский, Н. И.** Русское государственное право : Конституционное право / Н. И. Лазаревский. – 4-е изд. – Петроград, 1917. – Т. 1, вып. 1. – 272 с. – Текст : непосредственный.

131. **Лейст, О. Э.** Санкции и ответственность по советскому праву (теоретические проблемы) / О. Э. Лейст. – Москва : Издательство Московского университета, 1981. – 239 с. – Текст : непосредственный.

132. **Локк, Д.** Сочинения : в 3 томах / Д. Локк. – Москва : Мысль, 1988. – Т. 3. – 668 с.

133. **Лившиц, Ю. Д.** Меры пресечения в советском уголовном процессе / Ю. Д. Лившиц. – Москва : Издательство «Юридическая литература», 1964. – 138 с. – Текст : непосредственный.

134. **Лузгин, И. М.** Методологические проблемы расследования / И. М. Лузгин. – Москва : Издательство «Юридическая литература», 1973. – 216 с. – Текст : непосредственный.

135. **Лупинская, П. А.** Решения в уголовном судопроизводстве : теория, законодательство и практика / П. А. Лупинская. – Москва : Юристъ, 2006. – 74 с. – Текст : непосредственный

136. **Люблинский, П. И.** Меры пресечения / П. И. Люблинский. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Право и жизнь, 1926. – 71 с. – Текст : непосредственный.

137. **Люблинский, П. И.** Свобода личности в уголовном процессе / П. И. Люблинский. – Санкт-Петербург : Сенат. Тип., 1906. – 711 с. – Текст : непосредственный.

138. **Макарейко, Н. В.** Государственное принуждение : проблемы теории и практики реализации : монография / Н. В. Макарейко. – Москва : Издательство «Юрлитинформ», 2015. – 354 с. – Текст : непосредственный.

139. **Макиавелли, Н.** Государь / Н. Макиавелли. – Москва : Планета, 1999. – 80 с. – Текст : непосредственный.

140. **Маркс, К.** Полное собрание сочинений : в 39 томах / К. Маркс и Ф. Энгельс. – 2-е изд. – Москва : Издательство политической литературы, 1961. – Т. 20. – 827 с. – Текст : непосредственный.

141. **Марчук, А. Д.** Глава 14. Иные меры процессуального принуждения / А. Д. Марчук, А. Д. Федулов. – Текст : непосредственный // Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. И. Радченко ; науч. ред. В. Т. Томин, М. П. Поляков. – Москва : Юрайт, 2004. – 1363 с.

142. Меры пресечения, не связанные с изоляцией подозреваемого, обвиняемого : научно-практическое пособие / С. И. Данилова, Г. В. Костылева [и др.]. – Москва : ВНИИ МВД России, 2012. – 129 с. – Текст : непосредственный.

143. **Масленникова, Л. Н.** Глава 14. Иные меры процессуального принуждения / Л. Н. Масленникова. – Текст : непосредственный // Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. Д. Н. Козак, Е. Б. Мизулина. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юристъ, 2004. – 822 с.

144. **Михайлов, В. А.** Меры пресечения в российском уголовном процессе / В. А. Михайлов. – Москва : Право и Закон, 1996. – 304 с. – Текст : непосредственный.

145. **Москалькова, Т. Н.** Этика уголовно-процессуального доказывания / Т. Н. Москалькова. – Москва : Издательство «СПАРК», 1995. – 125 с. – Текст : непосредственный.

146. **Муравьев, К. В.** Меры процессуального принуждения – особые средства уголовно-правового воздействия : доктрина, применение, оптимизация : монография / К. В. Муравьев. – Омск : Омская академия МВД России, 2017. – 228 с. – Текст : непосредственный.

147. **Муратова, Н. Г.** Процессуальные акты органов предварительного расследования / Н. Г. Муратова. – Казань : Издательство Казанского университета, 1989. – 122 с. – Текст : непосредственный.

148. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общей ред. В. М. Лебедева ; науч. ред. В. П. Божьев. – Москва : Издательство «СПАРК», 2002. – 992 с. – Текст : непосредственный.

149. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общей ред. В. М. Лебедева ; науч. ред. В. П. Божьев. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2010. – 1210 с. – Текст : непосредственный.

150. **Новиков, С. А.** Показания обвиняемого в современном уголовном процессе России : монография / С. А. Новиков. – Санкт-Петербург : Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, Издательство юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, 2004. – 238 с. – Текст : непосредственный.

151. О направлении Методических рекомендаций «Основания и порядок применения временного отстранения от должности, наложения ареста на имущество и ценные бумаги, денежного взыскания» :

- письмо Генпрокуратуры Российской Федерации от 30 марта 2004 г. № 36-12-04 // СПС КонсультантПлюс. – Текст : электронный.
152. **Парыгин, Б. Д.** Основы социально-психологической теории / Б. Д. Парыгин. – Москва : Мысль, 1976. – 352 с. – Текст : непосредственный.
153. **Петрухин, И. Л.** Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение / И. Л. Петрухин. – Москва : Издательство «Наука», 1985. – 239 с. – Текст : непосредственный.
154. **Петрухин, И. Л.** Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе / И. Л. Петрухин. – Текст : непосредственный // Институт государства и права. – Москва : Издательство «Наука», 1989. – 256 с.
155. **Петрухин, И. Л.** Человек и власть (в сфере борьбы с преступностью) / И. Л. Петрухин. – Москва : Юристъ, 1999. – 392 с. – Текст : непосредственный.
156. **Пикалов, И. А.** Становление института мер процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве России (исторический аспект) : монография / И. А. Пикалов. – Москва : Издательство «Юрлитинформ», 2010. – 168 с. – Текст : непосредственный.
157. **Пионтковский, А. А.** Преступления против личности / А. А. Пионтковский. – Москва : Юридическое издательство НКЮ СССР, 1938. – 136 с. – Текст : непосредственный.
158. **Плеханов, Г. В.** Избранные философские произведения : в 5 томах / Г. В. Плеханов. – Москва : Издательство политической литературы, 1956. – Т. 1. – 848 с. – Текст : непосредственный.
159. **Победкин, А. В.** Следственные действия : монография / А. В. Победкин, В. Н. Яшин. – Москва : Издательство «Юрлитинформ», 2016. – 192 с. – Текст : непосредственный.
160. **Победкин, А. В.** Следователь в судебном заседании в ходе досудебного производства по уголовному делу : монография / А. В. Победкин, О. В. Ерохина. – Москва : Издательство «Юрлитинформ», 2017. – 184 с. – Текст : непосредственный.
161. **Разгильдиева, М. Б.** Правовое убеждение и принуждение : теоретические основы (на примере финансового законодательства) / М. Б. Разгильдиева ; под ред. Н. И. Химичевой. – Москва : Издательство «Юрлитинформ», 2012. – 272 с. – Текст : непосредственный.
162. **Разумовский, И. П.** Историческая школа права (определение) – Энциклопедия государства и права / И. П. Разумовский ; под ред. П. И. Стучки. – Москва, 1925–1926. – Т. 2. – 1240 с. – Текст : непосредственный.

163. **Ребане, И. А.** Убеждение и принуждение в деле борьбы с посягательством на советский правопорядок / И. А. Ребане. – Тарту : Издательство Тартусского университета, 1966. – 316 с. – Текст : непосредственный.

164. **Розин, Н. Н.** Уголовное судопроизводство / Н. Н. Розин. – Санкт-Петербург : Издательство юридического книжного склада «Право», 1914. – 548 с. – Текст : непосредственный.

165. **Розин, Н. Н.** Уголовное судопроизводство / Н. Н. Розин. – Рига, 1924. – 597 с. – Текст : непосредственный.

166. **Россинский, С. Б.** Задержание подозреваемого : конституционно-межотраслевой подход : монография / С. Б. Россинский. – Москва : Проспект, 2018. – 289 с. – Текст : непосредственный.

167. **Рыжаков, А. П.** Меры пресечения. Серия «Уголовный процесс на практике» / А. П. Рыжаков. – Москва : Информационно-издательский дом «Филинь», 1996. – 176 с. – Текст : непосредственный.

168. **Рыжаков, А. П.** Уголовный процесс / А. П. Рыжаков. – Москва : Приор, 1999. – 592 с. – Текст : непосредственный.

169. **Рыжаков, А. П.** Уголовный процесс / А. П. Рыжаков. – 2-е изд., изм. и доп. – Москва : Издательство «Норма», 2003. – 688 с. – Текст : непосредственный.

170. **Рыжаков, А. П.** Уголовный процесс / А. П. Рыжаков. – 3-е изд. испр. и доп. – Москва : Издательство «Норма», 2004. – 704 с. – Текст : непосредственный.

171. **Рыжаков, А. П.** Возмещение вреда, причиненного преступлением / А. П. Рыжаков. – Москва : Издательство «Дело и Сервис». 2011. – 128 с. – Текст : непосредственный.

172. **Самарин, В. И.** Уголовный процесс европейских государств : монография / В. И. Самарин ; под ред. В. И. Самарина, В. В. Луцика. – Москва : Проспект, 2018. – 752 с. – Текст : непосредственный.

173. **Савгирова, Н. М.** Меры пресечения и иные меры процессуального принуждения / Н. М. Савгирова. – Москва : Издательство Московского университета, 1960. – 25 с. – Текст : непосредственный.

174. **Сергеев, А. И.** Задержание лиц, подозреваемых в совершении преступления, по советскому уголовно-процессуальному закону / А. И. Сергеев. – Горький : Высшая школа МВД СССР, 1976. – 36 с. – Текст : непосредственный.

175. **Серегина, В. В.** Государственное принуждение по советскому праву / В. В. Серегина. – Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1991. – 120 с. – Текст : непосредственный.

176. **Смирнов, А. В.** Состязательный процесс / А. В. Смирнов. – Санкт-Петербург : Альфа, 2001. – 320 с. – Текст : непосредственный.
177. **Смирнов, А. В.** Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский ; под ред. А. В. Смирнова. – Санкт-Петербург : Питер, 2003. – 1008 с. – Текст : непосредственный.
178. **Смирнов, А. В.** Уголовный процесс / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский ; под общ. ред. А. В. Смирнова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Кнорус, 2007. – 691 с. – Текст : непосредственный.
179. **Соловьев, В. С.** Оправдание добра. Нравственная философия / В. С. Соловьев. – Текст : непосредственный // Сочинения в 2 томах. – Москва : Мысль, 1988. – Т. 1. – 822 с.
180. **Соловьев, В. С.** Право и нравственность / В. С. Соловьев. – Минск : Харвест, М. : АСТ, 2001. – 192 с. – Текст : непосредственный.
181. **Спасович, В. Д.** О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством / В. Д. Спасович. – Москва : «ЛексЭст», 2001. – 112 с. – Текст : непосредственный.
182. **Стецовский, Ю. И.** Право на свободу и личную неприкосновенность : нормы и действительность / Ю. И. Стецовский. – Москва : Дело, 2000. – 720 с. – Текст : непосредственный.
183. **Строгович, М. С.** Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности / М. С. Строгович. – Москва : Юридическое издательство НКЮ СССР, 1939. – 152 с. – Текст : непосредственный.
184. **Строгович, М. С.** Курс советского уголовного процесса / М. С. Строгович. – Москва : Издательство АН СССР, 1958. – 703 с. – Текст : непосредственный.
185. **Строгович, М. С.** Курс советского уголовного процесса / М. С. Строгович. – Москва : Издательство «Наука», 1968. – Т. I – 468 с. – Текст : непосредственный.
186. **Строгович, М. С.** Избранные труды : в 3 томах / М. С. Строгович. – Москва : Издательство «Наука», 1992. – Т. 2 – 278 с. – Текст : непосредственный.
187. Теория государства и права / под ред. В. М. Корельского и В. Д. Перевалова. – Москва : Издательство «Норма», 1997. – 570 с. – Текст : непосредственный.
188. **Толстой, Л. Н.** Закон насилия и закон любви. О пути, об истине, о жизни / Л. Н. Толстой. – Москва : РИПОЛ КЛАССИК, 2004. – 941 с. – Текст : непосредственный.

189. **Трунов, И. Л.** Меры пресечения в уголовном процессе / И. Л. Трунов, Л. К. Трунова. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2003. – 356 с. – Текст : непосредственный.

190. **Туманов, В. А.** Учения о праве / В. А. Туманов. – Текст : непосредственный // Общая теория права / под общ. ред. В. К. Бабаева. – Нижний Новгород : Высшая школа милиции МВД РФ, 1993. – 544 с.

191. Уголовный процесс / под ред. И. Л. Петрухина. – Москва : Проспект, 2001. – 520 с. – Текст : непосредственный.

192. Уголовный процесс / под ред. К. Ф. Гуценко. – Москва : Зерцало, 2001. – 608 с. – Текст : непосредственный.

193. Уголовный процесс : в 2 частях / под ред. Б. Б. Булатова, А. М. Баранова. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2017. – 555 с. – Текст : непосредственный.

194. Устав уголовного судопроизводства: систематический комментарий / под общ. ред. проф. М. Н. Гернета. – Москва : Издание М. М. Зива, 1914. – Вып. 3. – 368 с. – Текст : непосредственный.

195. **Фаткуллин, Ф. Н.** Теория государства и права / Ф. Н. Фаткуллин, Ф. Ф. Фаткуллин ; под ред. Н. Х. Сафиуллина. – Казань : Казанский юридический институт МВД России, 2002. – 351 с. – Текст : непосредственный.

196. **Фойницкий, И. Я.** Курс уголовного судопроизводства / И. Я. Фойницкий. – 3-е изд., пересмотр. и доп. – Санкт-Петербург : Сенатская Тип., 1910. – Т. II. – 560 с. – Текст : непосредственный.

197. **Фойницкий, И. Я.** Курс уголовного судопроизводства : в 2 томах / И. Я. Фойницкий. – Санкт-Петербург : Альфа, 1996. – Т. II. – 607 с. – Текст : непосредственный.

198. Хрестоматия по уголовному процессу России / автор-составитель проф. Э. Ф. Куцова. – Москва : Городец, 1999. – 272 с. – Текст : непосредственный.

199. **Чашин, А. Н.** Уголовно-процессуальные меры принуждения А. Н. Чашин. – Москва : Дело и сервис, 2012. – 80 с. – Текст : непосредственный.

200. **Чельцов, М. А.** Уголовный процесс / М. А. Чельцов. – Москва : Юридическое издательство МЮ СССР, 1948. – 624 с. – Текст : непосредственный.

201. **Чельцов, М. А.** Советский уголовный процесс / М. А. Чельцов. – 2-е изд., перераб. – Москва : Государственное издательство юридической литературы, 1951. – 511 с. – Текст : непосредственный.

202. **Чельцов-Бебутов, М. А.** Курс советского уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах / М. А. Чельцов-Бебутов. – Москва : Госюриздат, 1957. – Т. 1. – 839 с. – Текст : непосредственный.

203. **Чистякова, В. С.** Законность и обоснованность применения мер уголовно-процессуального принуждения / В. С. Чистякова. – Москва : Издательство ВЮЗИ, 1978. – 63 с. – Текст : непосредственный.

204. **Чистякова, В. С.** Глава 16. Понятие и виды мер процессуального принуждения / В. С. Чистякова. – Текст : непосредственный // Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / отв. ред. П. А. Лупинская. – Москва : Юристъ, 2003. – 797 с.

205. **Чукин, С. Г.** Философия права / С. Г. Чукин, В. П. Сальников, В. В. Балахонский. – Москва : ИМЦ ГУК МВД России, 2002. – 240 с. – Текст : непосредственный.

206. **Чучаев, Д. И.** Судебная проверка законности и обоснованности ареста / Д. И. Чучаев, Л. М. Лукьянова. – Ульяновск : Издательство СВНЦ, 1997. – 49 с. – Текст : непосредственный.

207. **Цицерон, М. Т.** О государстве / М. Т. Цицерон. – Текст : непосредственный // Антология мировой философии : в 4 томах. – Москва : Издательство «Мысль», 1969. – Т. 1, ч. 1. – 576 с.

208. **Цоколова, О. И.** Статья 112. Обязательство о явке / О. И. Цоколова. – Текст : непосредственный // Комментарий к кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. И. Радченко. – Москва : Юстицинформ, 2003. – 1040 с.

209. **Цоколова, О. И.** Меры уголовно-процессуального принуждения, состоящие в изоляции подозреваемого, обвиняемого: монография / О. И. Цоколова. – Москва : ВНИИ МВД России, 2008. – 310 с. – Текст : непосредственный.

210. **Шадрин, В. С.** Обеспечение прав личности при расследовании преступлений / В. С. Шадрин. – Волгоград, 1997. – 220 с. – Текст : непосредственный.

211. **Шейфер, С. А.** Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение / С. А. Шейфер. – Самара : Издательство Самарского государственного университета, 2004. – 225 с. – Текст : непосредственный.

212. **Шейфер, С. А.** Следственные действия. Система и процессуальная форма / С. А. Шейфер. – Москва : Издательство «Юрлитинформ», 2001. – 208 с. – Текст : непосредственный.

213. **Шейфер, С. А.** Следственные действия. Система и процессуальная форма / С. А. Шейфер. – Москва : Издательство «Юридическая литература», 1981. – 128 с. – Текст : непосредственный.

214. **Шершеневич, Г. Ф.** Общее учение о праве и государстве / Г. Ф. Шершеневич. – 2-е изд. – Москва : Типография Товарищества И. Д. Сытина, 1911. – 163 с. – Текст : непосредственный.

215. **Шопенгауэр, А.** Мир как воля и представление : в 2 томах / А. Шопенгауэр ; перев. с нем. – Минск : Попурри, 1999. – Т. 2. – 832 с.

216. **Щерба, С. П.** Избранные труды / С. П. Щерба. – Москва : Академия при Генеральной прокуратуре Российской Федерации, 2016. – 308 с. – Текст : непосредственный.

217. **Элькинд, П. С.** Сущность советского уголовно-процессуального права / П. С. Элькинд. – Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1963. – 172 с. – Текст : непосредственный.

218. **Элькинд, П. С.** Толкование и применение норм уголовно-процессуального права / П. С. Элькинд. – Москва : Издательство «Юридическая литература», 1967. – 192 с. – Текст : непосредственный.

219. **Юшков, С. В.** Русская правда. Происхождение, источники, ее происхождение / С. В. Юшков ; под ред. О. И. Чистякова. – Москва : ИКД «Зерцало – М», 2002. – 400 с. – Текст : непосредственный.

220. **Якупов, Р. Х.** Уголовный процесс / Р. Х. Якупов. – Москва : Зерцало, 1998. – 488 с. – Текст : непосредственный.

221. **Якупов, Р. Х.** Уголовный процесс / Р. Х. Якупов, В. Галузо. – 6-е изд., перераб. – Москва : ТЕИС, 2008. – 630 с. – Текст : непосредственный.

222. **Яшин, В. Н.** Уголовный процесс : общая часть / В. Н. Яшин, А. В. Победкин. – Тула : Тульский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2017. – 314 с. – Текст : непосредственный.

Статьи

223. **Агутин, А. В.** К вопросу о внешних условиях формирования мотивации при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности / А. В. Агутин. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – № 2. – С. 71–76.

224. **Александров, А. С.** Пытка как реальность современного уголовного процесса (сатирическая зарисовка) / А. С. Александров. – Текст : непосредственный // Практическое законоискусство. – 2008. – № 1. – С. 27–34.

225. **Алексеева, Л. Б.** Принуждение и ответственность в механизме уголовно-процессуального регулирования / Л. Б. Алексеева. – Текст : непосредственный // Вопросы борьбы с преступностью. – Москва, 1979. – Вып. 30. – С. 89.

226. **Андреева, О. И.** Запрет определенных действий как новая мера обеспечения безопасности личности в уголовном процессе / О. И. Андреева, О. А. Зайцев, А. Ю. Епихин. – Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 436. – С. 225–229.

227. **Ардашкин, В. Д.** О принуждении по советскому праву / В. Д. Ардашкин. – Текст : непосредственный // Советское государство и право. – 1970. – № 7. – С. 35–36.

228. **Аршба, Г. В.** Вопросы наложения ареста на имущество / Г. В. Аршба, С. И. Гирько, В. В. Николук. – Текст : непосредственный // Юридический консультант. – Москва, 2004. – № 11. – С. 21–39.

229. **Багаутдинов, Ф. Н.** Наложение ареста на имущество и ценные бумаги по УПК РФ / Ф. Н. Багаутдинов. – Текст : непосредственный // Юрист. – 2003. – № 1. – С. 41–47.

230. **Базылев, Б. Т.** Сущность санкций в советском праве / Б. Т. Базылев. – Текст : непосредственный // Правоведение. – 1976. – № 5. – С. 32–38.

231. **Барабаш, А. С.** Уголовная ответственность, наказание и меры процессуального принуждения / А. С. Барабаш. – Текст : непосредственный // Правоведение. – 1981. – № 6. – С. 72–76.

232. **Белкин, А. Р.** Общие вопросы избрания мер пресечения в уголовном процессе России / А. Р. Белкин. – Текст : непосредственный // Уголовное судопроизводство. – 2012. – № 2. – С. 27–30.

233. **Белкин, А. Р.** Спорные вопросы применения иных мер процессуальной принуждения / А. Р. Белкин. – Текст : непосредственный // Правовое и криминалистическое обеспечение управления органами расследования преступлений : материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Москва : Академия управления МВД России, 2001. – Ч. I. – С. 40–44.

234. **Булатов, Б. Б.** Обязательство о явке / Б. Б. Булатов. – Текст : непосредственный // Российский следователь. – 2003. – № 5. – С. 2–6.

235. **Булатов, Б. Б.** Место наложения ареста на имущество в системе уголовно-процессуального законодательства: история и современность / Б. Б. Булатов, А. С. Дежнев. – Текст : непосредственный // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2016. – № 2 (61). – С. 18–24.

236. Булатов, Б. Б. Основания наложения ареста на имущество для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска / Б. Б. Булатов, А. С. Дежнев. – Текст : непосредственный // Российский следователь. – 2017. – № 5. – С. 20–25.

237. Быков, В. М. Принуждение при производстве следственных действий / В. М. Быков, Н. В. Ткачева. – Текст : непосредственный // Право и политика. – 2005. – № 5. – С. 137–138.

238. Бычков, В. В. Система следственных действий в российском уголовно-процессуальном законодательстве / В. В. Бычков. – Текст : непосредственный // Российский следователь. – 2013. – № 10. – С. 11–14.

239. Вдовцев, П. В. Наложение ареста на имущество по уголовным делам в свете позиций Конституционного Суда Российской Федерации / П. В. Вдовцев, Ю. С. Каркошко. – Текст : непосредственный // Расследование преступлений : проблемы и пути их решения. – 2015. – № 1 (7). – С. 69–70.

240. Воробей, С. Н. Основания уголовно-процессуальной ответственности / С. Н. Воробей, Э. И. Воронин. – Текст : непосредственный // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. – Хабаровск, 2005. – № 1 (8). – С. 71–75.

241. Вербин, С. В. К вопросу о развитии концепции уголовно-процессуального принуждения / С. В. Вербин. – Текст : непосредственный // Организационно-правовые проблемы профилактики правонарушений органами внутренних дел в современных условиях. – Тюмень, 1992. – С. 81–84.

242. Волков, Б. С. Методология исторического познания уголовного права / Б. С. Волков. – Текст : непосредственный // Два века юридической науки и образования в Казанском университете : материалы юбилейной Всероссийской научной конференции. – Казань, 2004. С. 33.

243. Володина, Л. М. Проблемы уголовно-процессуальной ответственности / Л. М. Володина. – Текст : непосредственный // Проблемы юридической ответственности : история и современность. Статьи по итогам Всероссийской научно-практической конференции. – Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2004. – Ч. 1. – С. 156–161.

244. Гаврилин, Ю. В. Основания и процессуальный порядок наложения ареста на имущество : научно-практический комментарий к чч. 3–9 ст. 115 УПК РФ по сост. на 1 октября 2005 г. / Ю. В. Гаврилин // СПС КонсультантПлюс. – Текст : электронный.

245. Гаврилин, Ю. В. Правовая природа, содержание и цели наложения ареста на имущество : научно-практический комментарий

к чч. 1, 2 ст. 115 УПК РФ по сост. на 1 октября 2005 г. / Ю. В. Гаврилин // СПС КонсультантПлюс. – Текст : электронный.

246. **Гаврилов, Б. Я.** Досудебное производство по УПК РФ : концепция совершенствования / Б. Я. Гаврилов. – Текст : непосредственный // Труды Академии управления МВД России. – 2016. – № 1 (37). – С. 18–25.

247. **Головинская, И. В.** О расширении перечня мер пресечения / И. В. Головинская. – Текст : непосредственный // Территория науки. – 2018. – № 2. – С. 157–163.

248. **Гриненко, А. В.** Судебное решение о производстве следственных действий в порядке статьи 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и правоприменительные аспекты / А. В. Гриненко. – Текст : непосредственный // Мировой судья. – 2017. – № 12. – С. 25–30.

249. **Гриненко, А. В.** Совершенствование мер процессуального принуждения в российском уголовном судопроизводстве / А. В. Гриненко, Д. А. Иванов. – Текст : непосредственный // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2019. – № 2 (46). – С. 91–96.

250. **Гриненко, А. В.** Актуальные вопросы обеспечения гражданского иска посредством наложения ареста на имущество: российский и зарубежный опыт / А. В. Гриненко, Д. А. Иванов. – Текст : непосредственный // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2019. – № 4. – С. 11–14.

251. **Гриненко, А. В.** Категории прав и законных интересов личности и их использование в сфере уголовного судопроизводства / А. В. Гриненко, Г. А. Гуджабидзе, В. Д. Потапов, Н. С. Железняк. – Текст : непосредственный // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – Т. 14. – № 1. – С. 139–147.

252. **Гуляев, А. П.** Обоснованность предварительного заключения под стражу / А. П. Гуляев. – Текст : непосредственный // XXV съезд КПСС и задачи следственного аппарата. – Волгоград, 1977. – С. 157–158.

253. **Девятовская, С. В.** Физическое или психическое насилие как составляющие принуждения / С. В. Девятовская. – Текст : непосредственный // Юристь-Правоведь. – 2016. – № 4 (77). – С. 40–45.

254. **Еникеев, З. Д.** Проблемы гармонизации уголовно-процессуального законодательства стран СНГ / З. Д. Еникеев. – Текст : непосредственный // Евразийский юридический журнал. – 2010. – № 6 (25). – С. 24–31.

255. **Ермакова, В. В.** Проблема свободы в философии Н. А. Бердяева / В. В. Ермакова. – Текст : непосредственный // Булгаковские чтения. – 2009. – № 3. – С. 72–80.

256. **Ефимичев, П. С.** Новый УПК России и защита интересов личности и государства / П. С. Ефимичев. – Текст : непосредственный // Журнал российского права. – 2003. – № 2.

257. **Ефимичев, С. П.** Уголовно-процессуальное принуждение и место мер пресечения в решении задач предварительного расследования / С. П. Ефимичев. – Текст : непосредственный // Уголовно-процессуальное принуждение и ответственность, их место в решении задач предварительного расследования. – Волгоград, 1987. – С. 22–32.

258. **Жога, Е. Ю.** Цели и основания применения предварительного заключения под стражу / Е. Ю. Жога, В. П. Рукавишников. – Текст : непосредственный // Следователь. – 2000. – № 7. – С. 18–28.

259. **Иоффе, О. С.** Структурные подразделения системы права (на материалах гражданского права) / О. С. Иоффе. – Текст : непосредственный // Ученые записки ВНИИСЗ. – Москва, 1968. – Вып. 14. – С. 45–60.

260. **Капинус, Н. И.** Меры пресечения в российском уголовном процессе / Н. И. Капинус. – Текст : непосредственный // Следователь. – 2001. – № 8. – С. 21–40.

261. **Ковтун, Н. Н.** Предмет судебного следствия в судебно-контрольных производствах / Н. Н. Ковтун. – Текст : непосредственный // Уголовный процесс. – 2007. – № 3. – С. 14–19.

262. **Жумагулов, М. И.** О сущности и понятии административно-правового принуждения / М. И. Жумагулов. – Текст : непосредственный // Государство и право. – 2006. – № 10. – С. 22–30.

263. **Зайцев, О. А.** Международно-правовые стандарты относительно оснований для избрания меры пресечения обвиняемому в виде заключения под стражу / О. А. Зайцев. – Текст : непосредственный // Вестник Тверского государственного университета. Серия : Право. – 2016. – № 3. – С. 100–107.

264. **Здриковский, В. А.** К понятию гарантий объективности уголовно-процессуального исследования / В. А. Здриковский. – Текст : непосредственный // Материалы конференции по итогам научно-исследовательской работы. – Свердловск, 1968. – С. 46–51.

265. **Зинатуллин, З. З.** Уголовно-процессуальная ответственность: понятие, виды, основания применения / З. З. Зинатуллин. – Текст : непосредственный // Проблемы юридической ответственности :

история и современность. Статьи по итогам Всероссийской научно-практической конференции. – Тюмень, 2004. – Ч. 1. – С. 155–156.

266. **Ивлев, Г. П.** Основания и цели применения мер процессуального принуждения / Г. П. Ивлев. – Текст : непосредственный // Государство и право. – 1995. – № 11. – С. 71–77.

267. **Каримова, С. С.** Полномочие по наложению денежного взыскания должно быть предоставлено дознавателю и следователю / С. С. Каримова. – Текст : непосредственный // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2015. – № 3 (33). – С. 111–119.

268. **Ковалев, В. М.** Проблемы уголовно-процессуальной ответственности / В. М. Ковалев. – Текст : непосредственный // Проблемы юридической ответственности и совершенствования законодательства в свете новой Конституции СССР : сборник научных трудов. – Рязань : Высшая школа милиции МВД СССР, 1979. – С. 134–145.

269. **Кожевников, С. Н.** Государственное принуждение : особенности и содержание / С. Н. Кожевников. – Текст : непосредственный // Советское государство и право. – 1978. – № 5. – С. 47–53.

270. **Кокорев, Л. Д.** Процессуальные гарантии прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве / Л. Д. Кокорев, В. З. Лукашевич. – Текст : непосредственный // Вестник Ленинградского университета. Серия : Экономика, философия, право. – 1977. – Вып. 2. – № 11. – С. 109–116.

271. **Копейко, П.** Строго соблюдать закон при задержании подозреваемых в совершении преступлений / П. Копейко, Л. Иванов. – Текст : непосредственный // Социалистическая законность. – 1964. – № 3. – С. 19–20.

272. **Кутуев, Э. К.** Проблемы применения меры принуждения в виде временного отстранения от должности / Э. К. Кутуев, Е. В. Кудрина. – Текст : непосредственный // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2010. – № 9. – С. 85–88.

273. **Кучугура, М. В.** Процессуальные меры принуждения к исполнению обязанностей свидетеля по уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / М. В. Кучугура. – Текст : непосредственный // Правовые проблемы Российской Федерации : сборник статей / под ред. Ю. К. Якимовича. – Томск, 2002. – Ч. 10. – С. 75–76.

274. **Лившиц, Ю. Д.** Социальная обусловленность института мер пресечения / Ю. Д. Лившиц, Н. В. Ткачёва. – Текст : непосредственный // Сборник научных трудов. – Челябинск : Издательство Южно-Уральского государственного университета, 2004. – С. 172.

275. **Макарейко, Н. В.** Государственное принуждение и насилие: проблема соотношения / Н. В. Макарейко. – Текст : непосредственный // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской Академии МВД России. – 2014. – № 3 (27). – С. 32–36.

276. **Манджиева, Е. В.** Воспитание, убеждение и принуждение в уголовном судопроизводстве : сменить вектор / Е. В. Манджиева. – Текст : непосредственный // Уголовный процесс и криминалистика : теория, практика, дидактика (Современные проблемы досудебного производства : уголовно-процессуальные, криминалистические и организационные аспекты) : сборник материалов V Всероссийской научно-практической конференции / под общ. ред. А. В. Акчурина. – Рязань : Рязанский институт УФСИН, 2019. – С. 153–157.

277. **Манджиева, Е. В.** Институт иных мер процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве : имеет ли он объективные основания? / Е. В. Манджиева. – Текст : непосредственный // Юристъ-Правоведъ. – 2019. – № 3 (90). – С. 66–72.

278. **Манджиева, Е. В.** Основные этапы формирования института мер процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве России (к вопросу об оптимальности структуры раздела IV УПК России) / Е. В. Манджиева. – Текст : непосредственный // Государственная служба и кадры. – 2018. – № 4. – С. 191–193.

279. **Манджиева, Е. В.** Соотношение задержания и заключения под стражу: принципиальны ли различия? / Е. В. Манджиева. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы теории и практики уголовного процесса : сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Ростов-на-Дону : РЮИ МВД России, 2019. – С. 107–111.

280. **Манджиева, Е. В.** Классификация мер принуждения : от «смешанного» критерия к связи с объектом обеспечения / Е. В. Манджиева. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15. – № 3. – С. 154–165.

281. **Маркелова, Ю. А.** К вопросу об основаниях и пределах применения денежного взыскания как санкции уголовно-процессуальной ответственности / Ю. А. Маркелова. – Текст : непосредственный // Юридический аналитический журнал. – Самара : Издательство Самарского университета, 2006. – № 2 (16). – С. 154–159.

282. **Мирский, Д. Я.** Правовая природа задержания лица, подозреваемого в совершении преступления. Вопросы борьбы с преступностью по советскому законодательству / Д. Я. Мирский. – Текст : непосредственный // Труды Иркутского государственного университета имени А. А. Жданова. Серия : юридическая. – Иркутск : Издательство Иркут-

ского государственного университета имени А. А. Жданова, 1969. – Т. 45. – Вып. 8, ч. 4. – С. 294–301.

283. **Мельникова, М. А.** К вопросу о методах административной деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы / М. А. Мельникова. – Текст : непосредственный // Российское общество и государство : актуальные проблемы на современном этапе : материалы Международной научно-практической конференции / сост. и общ. ред. А. С. Тимощука. – Владимир, 2009. – С. 348–356.

284. **Мошков, Д. С.** Соотношение уголовно-правовых понятий : принуждение и насилие / Д. С. Мошков. – Текст : непосредственный // Бизнес в законе. – 2008. – № 1. – С. 121–123.

285. **Панфилов, П. О.** О реализации принципа равенства всех перед законом и судом при производстве по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности / П. О. Панфилов. – Текст : непосредственный // Юристы-Правоведь. – 2017. – № 1 (80). – С. 117–123.

286. **Петренко, М. Н.** О «насилии» и «принуждении» во властной деятельности / М. Н. Петренко. – Текст : непосредственный // Проблемы в российском законодательстве. – 2011. – № 4. – С. 178–181.

287. Прецеденты Европейского Суда по правам человека // Права человека. – 2012. – № 11 (80). – С. 63.

288. **Победкин, А. В.** Вернуть уголовному судопроизводству воспитательные задачи / А. В. Победкин. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 4. – С. 100–104.

289. **Победкин, А. В.** Как одухотворить Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации / А. В. Победкин. – Текст : непосредственный // Вестник экономической безопасности. – 2016. – № 5. – С. 49–54.

290. **Победкин, А. В.** Уголовно-процессуальный закон России: на пути к отечественным нравственным ценностям / А. В. Победкин. – Текст : непосредственный // Судебная власть и уголовный процесс. – 2017. – № 4. – С. 62–70.

291. **Победкин, А. В.** Фактическое и процессуальное задержание подозреваемого : необходимо решение законодателя / А. В. Победкин, В. Н. Яшин. – Текст : непосредственный // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2018. – № 1–2. – С. 16–24.

292. **Победкин, А. В.** Тайное проникновение оперативно-розыскной деятельности в открытую дверь уголовного судопроизвод-

- ства / А. В. Победкин. – Текст : непосредственный // Судебная власть. – 2018. – № 2. – С. 104–110.
293. **Победкин, А. В.** Уголовное судопроизводство как невостреманное средство воспитания человека / А. В. Победкин. – Текст : непосредственный // Вестник экономической безопасности. – № 1. – 2019. – С. 40–45.
294. **Помощикова, Н. В.** Домашний арест в России : от меры наказания до меры пресечения / Н. В. Помощикова. – Текст : непосредственный // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2016. – № 4 (26). – С. 105–107.
295. **Похмелкин, В. А.** Задержание по советскому уголовно-процессуальному законодательству / В. А. Похмелкин. – Текст : непосредственный // Советское государство и право. – 1958. – № 12. – С. 102–107.
296. **Россинский, С. Б.** Денежное взыскание в уголовном судопроизводстве : теоретико-правовые проблемы и возможные пути их разрешения / С. Б. Россинский. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства, вопросы теории, законодательства, практики применения (к 5-летию УПК РФ) : материалы Международной научно-практической конференции. – Москва, 2007. – С. 285–288.
297. **Россинский, С. Б.** Проблема использования в уголовном процессе результатов оперативно-розыскной деятельности требует окончательного разрешения / С. Б. Россинский. – Текст : непосредственный // LEX RUSSICA. – 2018. – № 10 (143). – С. 70–84.
298. **Россинский, С. Б.** Понятие и сущность следственных действий в уголовном судопроизводстве : дискуссия продолжается / С. Б. Россинский. – Текст : непосредственный // Законы России : опыт, анализ, практика. – 2015. – № 2. – С. 16–31;
299. **Россинский, С. Б.** Дискуссия о сущности и правовой природе задержания подозреваемого продолжается / С. Б. Россинский. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 6. – С. 134–146.
300. **Рыжаков, А. П.** Рассуждения относительно закрепленного в ч. 4 ст. 164 УПК РФ общего правила / А. П. Рыжаков. – Текст : непосредственный // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2008. – № 1. – С. 5–11.
301. **Смирнов, А. В.** К 160-летию со дня рождения И. Я. Фойницкого / А. В. Смирнов. – Текст : непосредственный // Российский юридический журнал. – 2007. – № 4. – С. 179–182.

302. **Смирнов, Г. К.** Восстановление в УПК объективной истины как цели доказывания / Г. К. Смирнов. – Текст : непосредственный // Уголовный процесс. – 2012. – № 4. – С. 10–17.

303. **Соколова, М. В.** Проблемные вопросы установления оснований и условий наложения ареста на имущество / М. В. Соколова. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 1. – С. 174–176.

304. **Сперанский, И. А.** О применении убеждения и принуждение в борьбе с преступностью / И. А. Сперанский. – Текст : непосредственный // Труды Высшей школы МВД СССР. – Москва, 1971. – Вып. 28. – С. 217–223.

305. **Столмаков, А. И.** Правовосстановительные санкции в уголовном судопроизводстве / А. И. Столмаков. – Текст : непосредственный // Советское государство и право. – 1982. – № 5. – С. 108–112.

306. **Стремовский, В. А.** Участники предварительного следствия / В. А. Стремовский. – Ростов-на-Дону : Издательство Ростовского университета, 1966. – 260 с. – Текст : непосредственный.

307. **Тимофеев, С. М.** Домашний арест как мера пресечения : проблемы и перспективы применения / С. М. Тимофеев. – Текст : непосредственный // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью в современных условиях : материалы научно-практической конференции. – Орел, 2003. – Вып. 7. – С. 64.

308. **Тугушева, Е. В.** Уголовно-процессуальные правонарушения как основа уголовно-процессуальной ответственности / Е. В. Тугушева. – Текст : непосредственный // Законодательство России : проблемы теории и практики применения : сборник научных статей. – Саратов, 2006. – Вып. 3. – С. 119–121.

309. **Федотов, И. С.** Актуальные вопросы применения меры уголовно-процессуального принуждения в виде временного отстранения от должности / И. С. Федотов. – Текст : непосредственный // Российская юстиция. – 2017. – № 7. – С. 37–39.

310. **Фролова, Т. А.** Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности / Т. А. Фролова. – Текст : непосредственный // Уголовный процесс. – 2008. – № 9. – С. 10–20.

311. **Хапаев, И. М.** Понятие и значение меры пресечения в виде заключения под стражу в уголовном судопроизводстве / И. М. Хапаев. – Текст : непосредственный // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2014. – № 1. – С. 126–128.

312. **Хаткевич, М. Ф.** Надзор за законностью задержания граждан / М. Ф. Хаткевич. – Текст : непосредственный // Материалы научной кон-

ференции, посвященной вопросам прокурорского надзора за дознанием и предварительным следствием. – Москва, 1964. – С. 90–95.

313. **Химичева, О. В.** УПК РФ : реформа продолжается / О. В. Химичева. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – № 2. – С. 34–36.

314. **Химичева, О. В.** Некоторые аспекты обеспечения прав лица при задержании по подозрению в совершении преступления / О. В. Химичева, Д. В. Шаров. – Текст : непосредственный // Законы России : опыт, анализ, практика. – 2018. – № 5. – С. 56–61.

315. **Цоколова, О. И.** Устав уголовного судопроизводства 1864 г. и современные проблемы мер уголовно-процессуального принуждения / О. И. Цоколова. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы российского права : материалы Международной научно-практической конференции «Уголовное судопроизводство : история и современность», посвященной 150-летию Устава уголовного судопроизводства Российской империи. – 2014. – № 7 (44). – С. 1440–1445.

316. **Чечина, Н. А.** Об уголовно–процессуальной и гражданской процессуальной ответственности / Н. А. Чечина, П. С. Элькинд. – Текст : непосредственный // Советское государство и право. – Москва : Издательство «Наука», 1973. – № 9. – С. 33–41.

317. **Чувилев, А. А.** Правомерность, содержание и пределы принуждения при производстве следственных действий / А. А. Чувилев. – Текст : непосредственный // Правовое принуждение в борьбе с преступностью. – Москва, 1989. – С. 46–47.

318. **Шадрин, В. С.** Домашний арест : обновляемая мера пресечения / В. С. Шадрин. – Текст : непосредственный // Криминалистика. – 2012. – № 1. – С. 45–51.

319. **Шаров, Д. В.** Защита законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве / Д. В. Шаров. – Текст : непосредственный // Вестник экономической безопасности. – 2016. – № 5. – С. 63–65.

320. **Шаров, Д. В.** Цели применения мер пресечения : взгляд адвоката (тезисы) / Д. В. Шаров. – Текст : непосредственный // Вестник экономической безопасности. – 2019. – № 1. – С. 72–75.

321. **Шейфер, С. А.** Проблемы теории и практики уголовно-процессуальной ответственности / С. А. Шейфер. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы юридической ответственности : материалы Межвузовской научно-практической конференции. – Тольятти, 2003. – С. 120.

322. **Шигуров, А. В.** Направления совершенствования института денежного взыскания в уголовном процессуальном праве / А. В. Шигуров. – Текст : непосредственный // Мир науки и образования. – 2017. – № 1 (9). – С. 11–14.

323. **Шурухнов, Н. Г.** Классификация следственных действий, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации / Н. Г. Шурухнов. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России : Межвузовский сборник научных трудов / под ред. В. А. Лазаревой. – Самара : Самарский государственный университет, 2010. – Вып. 5. – С. 263–264.

324. **Щербакова, М. А.** Помещение в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в уголовном судопроизводстве : сущность и цели / М. А. Щербакова. – Текст : непосредственный // Известия ТулГУ : Экономические и юридические науки, 2022. – Вып. 1. – С. 128–135.

325. **Юртаева, Е. А.** Вопросы соотношения модельного и национального законодательства / Е. А. Юртаева. – Текст : непосредственный // Вестник Межпарламентской Ассамблеи. – 2000. – № 3 (26). – С. 189–193.

Диссертации

326. **Аршба, Г. В.** Наложение ареста на имущество в уголовном судопроизводстве : специальность 12.00.09 : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Аршба Георгий Вахтангович. – Омск, 2004. – 185 с. – Текст : непосредственный.

327. **Баландюк, О. В.** Исполнение мер уголовно-процессуального принуждения : специальность 12.00.09 : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Баландюк Олеся Владимировна. – Омск, 2015 г. – 250 с. – Текст : непосредственный.

328. **Бикмиев, Р. Г.** Временное отстранение от должности подозреваемого или обвиняемого в уголовном судопроизводстве : сущность, значение и правовые последствия : специальность 12.00.09 : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Бикмиев Рамиль Гаптрауефович. – Екатеринбург, 2015 г. – 368 с. – Текст : непосредственный.

329. **Булатов, Б. Б.** Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : специальность 12.00.09 : диссертация на соискание

ученой степени доктора юридических наук / Булатов Борис Борисович. – Нижний Новгород, 2003. – 490 с. – Текст : непосредственный.

330. **Бурлакова, Я. Ю.** Проблемы избрания и применения мер уголовно-процессуального пресечения, не связанных с лишением или ограничением свободы : специальность 12.00.09 : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Бурлакова Яна Юрьевна. – Владимир, 2009. – 170 с. – Текст : непосредственный.

331. **Бушная, Н. В.** Проблемы применения мер процессуального принуждения в стадии предварительного расследования : специальность 12.00.09 : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Бушная Наталья Викторовна. – Волгоград, 2006. – 239 с. – Текст : непосредственный.

332. **Величко, А. В.** Правовое регулирование применения залога как меры пресечения в уголовном процессе : специальность 12.00.09 : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Величко Андрей Викторович. – Москва, 2001. – 181 с. – Текст : непосредственный.

333. **Вепрев, В. С.** Основания уголовно-процессуальной ответственности : специальность 12.00.09 : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Вепрев Виталий Сергеевич. – Челябинск, 2006. – 265 с. – Текст : непосредственный.

334. **Веретенников, И. А.** Задержание подозреваемого как комплексный правовой институт : специальность 12.00.09 : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Веретенников Игорь Андреевич. – Москва, 2001. – 202 с. – Текст : непосредственный.

335. **Вершинина, С. И.** Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : нормативно-правовая природа и механизм функционирования : специальность 12.00.09 : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Вершинина Светлана Игоревна. – Тольятти, 2017. – 452 с. – Текст : непосредственный.

336. **Ветрова, Г. Н.** Уголовно-процессуальная ответственность : специальность 12.00.09 : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Ветрова Галина Николаевна. – Москва, 1981. – 176 с. – Текст : непосредственный.

337. **Волынская, О. В.** Прекращение уголовного дела и уголовного преследования : теоретические и организационно-правовые проблемы : специальность 12.00.09 : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Волынская Ольга Владимировна. – Москва, 2007. – 462 с. – Текст : непосредственный.

338. **Воронов, Д. А.** Меры уголовно-процессуального принуждения как средства обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства : специальность 12.00.09 : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Воронов Денис Александрович. – Омск, 2008. – 213 с. – Текст : непосредственный.

339. **Гайнов, И. Д.** Механизм реализации мер уголовно-процессуального принуждения : специальность 12.00.09 : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Гайнов Ильяс Дамирович. – Казань, 2010. – 219 с. – Текст : непосредственный.

340. **Гапонова, В. Н.** Применение временного отстранения от должности в уголовном судопроизводстве: теоретический и организационно-правовой аспекты : специальность 12.00.09 : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Гапонова Валентина Николаевна. – Иркутск, 2016. – 194 с. – Текст : непосредственный.

341. **Гараева, Т. Б.** Основания применения иных мер уголовно-процессуального принуждения : специальность 12.00.09 : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Гараева Татьяна Борисовна. – Омск, 2021. – 203 с. – Текст : непосредственный.

342. **Гафизов, М. Х.** Денежное взыскание как мера уголовно-процессуального принуждения : специальность 12.00.09 : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Гафизов Мурад Хелилович. – Москва, 2007. – 168 с. – Текст : непосредственный.

343. **Гельдибаев, М. Х.** Обеспечение прав и свобод человека и гражданина в сфере уголовно-процессуального принуждения : специальность 12.00.09 : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Гельдибаев Мовлад Хасиевич. – Санкт-Петербург, 2001. – 332 с. – Текст : непосредственный.

344. **Гусельникова, Е. В.** Заключение под стражу в системе мер пресечения : специальность 12.00.09 : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Гусельникова Елена Владимировна. – Томск, 2001. – 242 с. – Текст : непосредственный.

345. **Ефремова, С. В.** Обоснованность следственных действий как гарантия прав и свобод участников процесса : специальность 12.00.09 : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Ефремова Светлана Владимировна. – Самара, 2004. – 311 с. – Текст : непосредственный.

346. **Задерако К. В.** Другие меры процессуального принуждения : специальность 12.00.09 : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Задерако Константин Викторович. – Ростов-на-Дону, 2005. – 195 с. – Текст : непосредственный.

347. **Ивлиев, Г. П.** Основания применения мер процессуального принуждения : специальность 12.00.09 : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Ивлиев Григорий Петрович. – Москва, 1986. – 219 с. – Текст : непосредственный.

348. **Ионов, В. А.** Наложение ареста на имущество при производстве предварительного расследования по уголовным делам об экономических преступлениях : специальность 12.00.09 : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Ионов Владимир Алексеевич. – Нижний Новгород, 2010. – 246 с. – Текст : непосредственный.

349. **Исеев, Д. Р.** Система мер принуждения и порядок их применения в уголовном процессе России : специальность 12.00.09 : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Исеев Дамир Русланович. – Уфа, 2009. – 195 с. – Текст : непосредственный.

350. **Искандиров, В. Б.** Наложение ареста на имущество в уголовном процессе : специальность 12.00.09 : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Искандиров Владислав Бекмуратович. – Челябинск, 2012. – 215 с. – Текст : непосредственный.

351. **Кабельков, С. Н.** Прекращение уголовного дела в стадии предварительного расследования по нереабилитирующим основаниям, не исключающим производство по делу : специальность 12.00.09 : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Кабельков Станислав Николаевич. – Волгоград, 2001. – 213 с. – Текст : непосредственный.

352. **Капинус, Н. И.** Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе : специальность 12.00.09 : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Капинус Николай Иванович. – Москва, 2001. – 547 с. – Текст : непосредственный.

353. **Козловский, Н. А.** Подозрение в советском уголовном процессе : специальность 12.00.09 : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Козловский Николай Аполлинович. – Свердловск, 1989. – 166 с. – Текст : непосредственный.

354. **Красильников, С. В.** Уголовно-процессуальная ответственность и ее реализация : специальность 12.00.09 : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Красильников Сергей Валерьевич. – Москва, 2019. – 218 с. – Текст : непосредственный.

355. **Кутуев, Э. К.** Уголовно-процессуальное принуждение в досудебных стадиях : специальность 12.00.09 : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Кутуев Эльдар Кяримович. – Санкт-Петербург, 2004. – 413 с. – Текст : непосредственный.

356. **Лановая, Г. М.** Принуждение в системе форм правоприменения : специальность 12.00.09 : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Лановая Галина Михайловна. – Москва, 2006. – 178 с. – Текст : непосредственный.

357. **Лившиц, Ю. Д.** Меры процессуального принуждения в советском уголовном процессе : специальность 12.00.09 : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Лившиц Юрий Данилович. – Москва, 1959. – 405 с. – Текст : непосредственный.

358. **Луговец, Н. В.** Задержание подозреваемого и иные меры процессуального принуждения : специальность 12.00.09 : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Луговец Николай Владимирович. – Саратов, 2004. – 203 с. – Текст : непосредственный.

359. **Магомедов, Ш. М.** Применение иных мер процессуального принуждения : специальность 12.00.09 : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Санкт-Петербург, 2020. – 169 с. – Текст : непосредственный.

360. **Михайлова, О. Е.** Иные меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве России : специальность 12.00.09 : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Михайлова Ольга Евгеньевна. – Владимир, 2009. – 215 с. – Текст : непосредственный.

361. **Муравьев, К. В.** Оптимизация уголовного процесса как формы применения уголовного закона : специальность 12.00.09 : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Муравьев Кирилл Владимирович. – Омск, 2017. – 505 с. – Текст : непосредственный.

362. **Никитина, О. В.** Сущность и значение судебного контроля при применении иных мер процессуального принуждения в досудебном производстве : специальность 12.00.09 : диссертация на соиска-

- ние ученой степени кандидата юридических наук / Никитина Оксана Вадимовна. – Казань, 2006. – 226 с. – Текст : непосредственный.
363. **Очироконова, Н. В.** Проблема человека в философии С. И. Гессена : специальность 09.00.03 : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Очироконова Наталья Викторовна. – Москва, 2005. – 159с. – Текст : непосредственный.
364. **Панфилов, П. О.** Особенности производства по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности : специальность 12.00.09 : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Панфилов Павел Олегович. – Москва, 2019. – 247 с. – Текст : непосредственный.
365. **Паршина, А. А.** Институционально-правовые формы государственного принуждения и насилия : специальность 23.00.02 : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Паршина Анна Александровна. – Ростов-на-Дону, 2002. – 143 с. – Текст : непосредственный.
366. **Попов, К. В.** Проблемы участия суда в применении мер пресечения : специальность 12.00.09 : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Попов Константин Валерьевич. – Краснодар, 2004. – 280 с. – Текст : непосредственный.
367. **Резяпов, А. А.** Применение уголовно-процессуального принуждения в отношении свидетелей при производстве по уголовным делам : специальность 12.00.09 : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Резяпов Артур Айратович. – Ижевск, 2016. – 255 с. – Текст : непосредственный.
368. **Ретюнских, И. А.** Процессуальные проблемы задержания лица по подозрению в совершении преступления : специальность 12.00.09 : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Ретюнских Ирина Алексеевна. – Екатеринбург, 2001. – 172 с. – Текст : непосредственный.
369. **Смыр, А. Д.** Модернизация оснований прекращения уголовного дела и уголовного преследования в законодательстве Российской Федерации и Республики Абхазия : специальность 12.00.09 : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Смыр Астан Джамалович. – Волгоград, 2019. – 241 с. – Текст : непосредственный.
370. **Соколова, М. В.** Деятельность следователя по наложению ареста на имущество : специальность 12.00.09 : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Соколова Марина Владимировна. – Москва, 2018. – 215 с. – Текст : непосредственный.

371. **Струков, А. В.** Правовые пределы принуждения в досудебных стадиях уголовного судопроизводства России : специальность 12.00.09 : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Струков Александр Владимирович. – Нижний Новгород, 2009. – 208 с. – Текст : непосредственный.

372. **Таран, А. Н.** Отмена приговора судом кассационной инстанции и направление уголовного дела на новое судебное разбирательство как подсубинститут : специальность 12.00.09 : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Таран Александр Николаевич. – Краснодар, 2004. – 196 с. – Текст : непосредственный.

373. **Тарасов, А. В.** Принуждение и ответственность в уголовном судопроизводстве : специальность 12.00.09 : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Тарасов Александр Вячеславович. – Волгоград, 2004. – 215 с. – Текст : непосредственный.

374. **Ткачева, Н. В.** Теория и практика мер пресечения, не связанных с заключением под стражу : специальность 12.00.09 : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Ткачева Наталья Викторовна. – Челябинск, 2003. – 248 с. – Текст : непосредственный.

375. **Трефилов, А. А.** Организация досудебного производства по УПК Швейцарии 2007 года : специальность 12.00.09 : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Трефилов Александр Анатольевич. – Москва, 2014. – 199 с. – Текст : непосредственный.

376. **Трунова, Л. К.** Современные проблемы применения мер пресечения в уголовном процессе : специальность 12.00.09 : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Трунова Людмила Константиновна. – Москва, 2002. – 419 с. – Текст : непосредственный.

377. **Туманов, А. А.** Обоснование свободы, права и правовой свободы в критической философии И. Канта : специальность 09.00.03 : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Туманов Андрей Андреевич. – Мурманск, 2007. – 258 с. – Текст : непосредственный.

378. **Федоров, В. П.** Принуждение в системе социалистического управления : специальность 09.00.00 : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Федоров Валерий Петрович. – Ленинград, 1975. – 191 с. – Текст : непосредственный.

379. **Ханжин, В. И.** Уголовно-процессуальный порядок и организационно-тактические основы наложения ареста на имущество : специальность 12.00.09 : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Ханжин Вячеслав Иванович. – Москва, 2006 г. – 192 с. – Текст : непосредственный.

Авторефераты диссертаций

380. **Брайнин, М. С.** Меры процессуального принуждения в советском уголовном процессе : специальность 12.00.09 : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Москва, 1950. – 14 с. – Текст : непосредственный.

381. **Буряков, А. Д.** Меры пресечения в советском уголовном процессе : специальность 12.00.09 : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Буряков Алексей Дмитриевич. – Москва, 1967. – 15 с. – Текст : непосредственный.

382. **Давыдов, П. М.** Меры пресечения в советском уголовном процессе : специальность 12.00.09 : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Давыдов Петр Михайлович. – Ленинград, 1953. – 35 с. – Текст : непосредственный.

383. **Киримова, Е. А.** Правовой институт (теоретико-правовое исследование) : специальность 12.00.09 : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Киримова Елена Андреевна. – Саратов, 1998. – 170 с. – Текст : непосредственный.

384. **Кузовенкова, Ю. А.** Денежное взыскание в системе мер уголовно-процессуальной ответственности : специальность 12.00.09 : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Кузовенкова Юлия Александровна. – Самара, 2009. – 209 с. – Текст : непосредственный.

385. **Лившиц, Ю. Д.** Меры процессуального принуждения в советском уголовном процессе : специальность 12.00.09 : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Лившиц Юрий Данилович. – Москва, 1959. – 18 с. – Текст : непосредственный.

386. **Макарейко, Н. В.** Государственное принуждение как средство обеспечения общественного порядка : специальность 12.00.09 : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Макарейко Николай Владимирович. – Нижний Новгород, 1996. – 68 с. – Текст : непосредственный.

387. **Муртазин, Р. М.** Применение мер пресечения в судебных стадиях уголовного процесса : специальность 12.00.09 : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Муртазин Роман Марсович. – Челябинск, 2012. – 24 с. – Текст : непосредственный.

388. **Петраков, С. В.** Уголовно-процессуальные средства обеспечения экономической безопасности : специальность 12.00.09 : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Петраков Сергей Викторович. – Нижний Новгород, 2007. – 26 с. – Текст : непосредственный.

389. **Писарев, А. В.** Производство следственных действий, ограничивающих право граждан на личную неприкосновенность : специальность 12.00.09 : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Писарев Александр Викторович. – Омск, 2002. – 23 с. – Текст : непосредственный.

390. **Тутынин, И. Б.** Наложение ареста на имущество как мера уголовно-процессуального принуждения : специальность 12.00.09 : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Тутынин Игорь Борисович. – Москва, 2005. – 213 с. – Текст : непосредственный.

391. **Цоколова, О. И.** Теория и практика задержания, ареста и содержания под стражей в уголовном процессе : специальность 12.00.09 : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Цоколова Ольга Игоревна. – Москва, 2007. – 64 с. – Текст : непосредственный.

392. **Цоколова, О. И.** Применение органами предварительного следствия и дознания мер процессуального принуждения под судебным контролем : специальность 12.00.09 : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Цоколова Ольга Игоревна. – Москва, 1995. – 24 с. – Текст : непосредственный.

Словари

393. **Александрова, З. Е.** Словарь синонимов русского языка / З. Е. Александрова. – Москва : Издательство «Советская энциклопедия», 1969. – 600 с. – Текст : непосредственный.

394. **Добреньков, В. И.** Социальное управление : словарь / В. И. Добреньков, И. М. Слепенков. – Москва : Издательство Московского университета, 1994. – 208 с. – Текст : непосредственный.

395. **Ожегов, С. И.** Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – Москва : Издательство «ИТИ Технологии», 2006. – 944 с. – Текст : непосредственный.

396. Советский энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. – 2-е изд. – Москва : Издательство «Советская энциклопедия», 1983. – 1660 с. – Текст : непосредственный.

Электронные ресурсы

397. Выступление Председателя Верховного Суда Российской Федерации В. М. Лебедева на пленарном заседании Совета судей Российской Федерации 24 мая 2022 г. – URL: // <https://www.vsrp.ru> (дата обращения : 13.06.2022). – Текст : электронный.

398. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2021 год. – URL: // <https://ombudsmanrf.org> (дата обращения : 13.06.2022). – Текст : электронный.

399. Отчеты о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2019–2021 гг., форма № 1, раздел 4. Статистический обзор судебной практики. – URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения : 25.04.2022). – Текст : электронный.

400. Сборники о состоянии преступности в России за январь – декабрь 2021 года, январь – декабрь 2020 года, январь – декабрь 2019 года, январь – декабрь 2018 года, январь – декабрь 2017 года // АИС «Портал ГИАЦ». – 10.5.0.16/ cms/ (дата обращения: 11.02.2022). – Текст : электронный.

401. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации : [утв. Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400] // Интернет-портал «Pravo.gov.ru» (дата обращения : 14.02.2022). – Текст : электронный.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Процессуальное принуждение в уголовном судопроизводстве: понятие, значение, средства	9
§ 1. Уголовно-процессуальное принуждение как вид государственного принуждения и его значение	–
§ 2. Средства принудительного характера в уголовном судопроизводстве России: понятие, содержание, система	33
Глава 2. Факторы систематизации средств принудительного характера в уголовно-процессуальном законодательстве России	56
§ 1. Становление средств принудительного характера как фактор их систематизации	–
§ 2. Современное состояние системы мер процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве.....	87
§ 3. Цели и основания применения мер процессуального принуждения как факторы их систематизации	101
Заключение	137
<i>Список литературы</i>	143

Елена Валериевна Манджиева

**СИСТЕМАТИЗАЦИЯ СРЕДСТВ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО
ХАРАКТЕРА В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ**

Монография

Редактор *А.Д. Соловьева*
Компьютерная верстка *А.Д. Соловьевой*

Подписано в печать 08.11.2022

Формат 60X84 ¹/₁₆

Печ. л. 11,5

Уч.-изд. л. 11.0

Тираж 150 экз.

Заказ № 37

Издатель: ФГКУ «ВНИИ МВД России»
121069, Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1

Группа ОП РИО ФГКУ «ВНИИ МВД России»